

**МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ:
Опыт определения и проблемы исследования**

ББК 15.56

Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования.— М.: Политиздат, 1987.— 368 с — (Над чем работают, о чем спорят философы).

В последние годы понятие «массовое сознание» получило широкое хождение в газетной и журнальной публицистике, трудах специалистов в области теории культуры, массовой информации и пропаганды. Однако в нашей литературе не было специальной работы, посвященной анализу массового сознания как особого типа общественного сознания, его природы, основных характеристик, условий возникновения и функционировании, его соотношении с процессами, происходящими в обществе в сферах экономики, политики, культуры, идеологии. Эту задачу стремится решить в своей книге доктор философских наук, профессор Б.А. Грушин.

Книга написана в острой, полемической форме и рассчитана на широкие круги читателей — научных и партийных работников, журналистов и деятелей культуры, педагогов и пропагандистов.

0302020200—302 .

ББК 15.56

© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г.

Надо всеми силами собирать, проверять и изучать... объективные данные, касающиеся поведения и настроения не отдельных лиц и групп, а *масс*...

В. И. Ленин

Мы хотим исследовать край необъятный и полный загадок,
Где цветущая тайна откроется тем, кто захочет ею владеть,
Там сверкание новых огней и невиданных красок,
И мираж ускользающий
Ждет, чтобы плоть ему дали и дали названиее...

Г. Аполлинер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Словосочетание «массовое сознание» ныне конечно же знакомо всем и каждому. В последние годы оно получило весьма широкое хождение в газетной и журнальной публицистике, литературной и искусствоведческой критике, где употребляется на уровне привычной, повседневной, не требующей строгих определений фразеологии. Разумеется, встречается оно, хотя не так часто, и в «серьезной» науке — книгах и статьях философов, социологов, социальных психологов, политологов, теоретиков культуры, откуда, собственно, его и позаимствовали предприимчивые журналисты.

Лично мне впервые случилось печатно использовать данный термин 20 лет тому назад, в 1966 г., в статье «Проблемы аудитории», опубликованной в выходившем тогда еженедельни-

4

ке РТ¹. Примерно в то же время о феномене массового сознания заговорили и некоторые другие советские авторы, прежде всего Г. Г. Дилигенский², который с тех пор постоянно возвращается в своих работах к данной проблематике³. Несколько позже на нее обратил внимание А. К. Уледов⁴, а с середины 70-х годов появилось даже несколько кандидатских диссертаций⁵ — свидетельство определенного «узаконивания» темы в поле не только исследовательского интереса, но и административного мышления. В минувшем

десятилетия вопросы массового сознания в тех или иных контекстах обсуждались в ряде изданий, подготовленных

¹ См.: РТ, 1966, № 10, с. 4-5.

² См.: Дилигенский Г. Г. «Общество потребления» и классовое сознание пролетариата.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1965, № 7, а также: Ковальзон М. Я., Угринович Д. М. О предмете социальной психологии.— *Вестник МГУ*, серия «Философия», 1966, № 5.

³ См. его книгу «Рабочий на капиталистическом предприятии» (М., 1969), а также статьи «Массовое политическое сознание в условиях современного капитализма» (*Вопросы психологии*, 1971, № 9), «Марксизм и проблемы массового сознания» (*Вопросы философии*, 1983, № 11), «Массовое общественно-политическое сознание рабочего класса капиталистических стран: проблемы типологии и динамики» (*Рабочий класс и современный мир*, 1984, № 1, 2). Последняя монография Г. Г. Дилигенского — «В поисках смысла и цели. Проблемы массового сознания современного капиталистического общества» (М., 1986).

* См.: Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968.

⁵ См., например: Овчинников Г. И. Массовое сознание как объект социологического анализа (М., 1974); Судас Л. Г. Массовое сознание и некоторые проблемы управления его формированием в условиях развитого социализма (М., 1978), и др.

5

Институтом США и Канады АН СССР¹. И все же общее число имен и публикации в рассматриваемой области остается у нас чрезвычайно ограниченным.

Пожалуй, еще реже, чем советские авторы, оперируют термином «массовое сознание» современные зарубежные исследователи, в том числе — как это ни покажется, наверное, многим весьма неожиданным — буржуазные социологи, съевшие, как говорится, собаку на пестрой проблематике так называемого «массового общества». Многословно толкуя на протяжении десятилетий о «массе», «массовой коммуникации», «массовом поведении», «массовой культуре», они тем не менее не смогли получить сколько-нибудь систематизированных результатов в анализе собственно массового сознания. В сущности, они даже просмотрели этот феномен в жизни своего общества; не очертив его в качестве самостоятельного предмета исследования, они скорее лишь «набредли» на него в процессе изучения многочисленных «соседних» явлений и проблем². К тому же, как правило, при его опи-

¹ См., в частности: Американское общественное мнение и политика. М., 1978; Современное политическое сознание в США. М., 1980; Попов И. П. Политизация массового сознания в США. IC, 1981; Петровская М. М. США: политика сквозь призму опросов. М., 1982.

² К числу наиболее значительных, с моей точки зрения, исследований, зафиксировавших отдельные существенные свойства массового сознания (хотя, как правило, без использования данной терминологии), следует отнести работы У. Липмана. прежде всего его книгу «Общественное мнение» (Public Opinion), вышедшую в 1922 г., книги Д. Рисмена «Одинокая толпа» (The Lonely Crowd. N. Y., 1950), «Лица в толпе» (Faces in the Crowd. Now Haven, 1952), книги М. Лернера «Америка как цивилизация» (America as a Civilization. N. Y., 1962), Ж. Эллюля «Propaganda» (N. Y.,

6

синий использовался неадекватный данному случаю язык, связанный, в частности, с представлениями о массовом сознании как сознании «темных масс», «толпы», «черни» и т. и. ¹ В результате в обширной социологической литературе на Западе, посвященной различным сторонам явления массовизации, до последнего времени не было фактически ни одной, по крайней мере заметной, работы, в которой бы специально рассматривалось массовое сознание как таковое². На уровне же разного рода «беглых упоминаний», случайно оброненных определений и ремарок эта проблематика не только получила

выраженный налет «второстепенности», «дополнительности», но и оказалась «захватанной» самым прискорбным образом. Крайне небольшое число теоретических ис-

1972), В. Шрамма «Люди, сообщения и средства общения: подход к человеческой коммуникации» (Men, Messages and Media: A. Look at Human Communication. N. Y., 1973), Л. Моля «Социодинамика культуры» (М., 1973) и Д. Белла «Социальные рамки информационного общества» (The Social Framework of the Information Society. Oxford, 1980), а также ряд новейших работ западных философов и социологов, представленных в книге «Новая технократическая волна на Западе» (М., 1986).

¹ Традиции такого рода анализа, восходящие к трудам философов, социологов и социальных психологов конца XIX — начала XX столетия — Ф. Ницше, Г. Тарда, Г. Лебона, Ш. Сигеле, П. К. Михайловского, О. Шпенглера и др., получили особенно широкое развитие в 30—50-е годы нашего века, прежде всего под влиянием идей Х. Ортеги-и-Гасета.

² Более или менее развернутый обзор этой литературы можно найти в книгах: Ашин Г. К. Доктрина «массового общества». М., 1971; «Массовая культура» — иллюзии и действительность. М., 1975; В лабиринтах буржуазного сознания. М., 1978; Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980, и др.

7

следовании — не единственная особенность наличной ситуации в области изучения массового сознания. Не менее важным представляется и то, что у авторов, затрагивающих эту тему, нет, по словам баснописца, никакого «согласья», причем не только друг с другом (что при прочих равных обстоятельствах могло бы считаться естественным, особенно на первых этапах научного овладения предметом), но и нередко с самими собой.

Буржуазные теоретики никак не могут договориться о смысле центрального понятия, лежащего в основе выделения (определения) массового сознания,— понятия «масса». По оценке американского социолога Д. Белла, в западной литературе существует как минимум пять его различных интерпретации: в одних случаях под массой понимается «недифференцированное множество», гетерогенная аудитория средств массовой коммуникации, противостоящая классам и другим относительно гомогенным сегментам общества (Г. Блумер); в других — «суждение некомпетентных», низкое качество современной цивилизации, являющееся результатом ослабления руководящих позиций просвещенной элиты (Х. Ортега-и-Гасет); в третьих — «механизированное общество», в котором человек является придатком машины, дегуманизированным элементом технологии (Ф. Г. Юнгер); в четвертых — «бюрократическое общество», отличающееся широко расчлененной организацией, в которой принятие решений допускается исключительно на высших этажах иерархии (Г. Зиммель, М. Вебер, К. Маннгейм); наконец, в пятых — «толпа», общество, характеризующееся отсутствием различий, однообразием, бес-

8

цельностью, отчуждением, недостатком интеграции (Э. Ледерер, Х. Арентс) '.

Что же касается советских авторов, обращающихся к интересующему нас предмету, то многие из них пытаются анализировать массовое сознание... вовсе обходясь без понятия «масса». И тем самым оказываются не в состоянии избежать множества трудностей и противоречий. Главная из этих трудностей — невозможность найти соотношение между собственно массовым и классовым сознанием. Так, Г. Г. Дилигенский, поставив своей задачей (в книге «Рабочий на капиталистическом предприятии») проанализировать «массовое сознание рабочего класса»², молчаливо исходил из предположения, что это сознание чем-то отличается от собственно классового сознания современного пролетариата, однако нигде не показал (и даже не оговорил), в чем именно состоит это отличие. А. К. Уледов же, понимая под массовым сознанием «совокупность духовных образований, разделяемых целыми классами, социальными

группами общества»³, скорее просто отождествил массовое и классовое сознание, не объяснив при этом, чем вызывается необходимость подобного «удвоения» терминологии⁴.

¹ Bell D. The End of Ideology. Glencoe, 1964, p. 22-25.

² Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии, с. 13.

⁵ Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 171.

⁴ Аналогичным образом обошли проблему соотношения массового и классового сознания М. Я. Ковальзон и Д. М. Угринвич, но мнению которых массовое сознание — это «сознание всей массы представителей определенного класса или иной социальной общности»

9

Трудности, с которыми столкнулись философы- и социологи-марксисты в процессе определения и анализа массового сознания, имеют несколько оснований. И первое из них конечно же связано с общей теоретической и эмпирической неисследованностью данного явления, с тем, что оно представляет собой *новый предмет* обществоведения. Хотя формально словосочетание «массовое сознание» встречалось в научной литературе, в том числе марксистской, уже в середине и особенно в конце прошлого века, его более или менее строгое употребление — в качестве специального термина — начинается лишь в 30-х годах нашего столетия, а сравнительно полное осмысление лежащих за ним проблем итога позже, примерно два-три десятилетия тому назад. С чем тут в действительности имеют дело исследователи — с явлением ли, которое объективно лишь недавно *возникло* (по крайней мере, в фиксируемых ныне его очертаниях), или с явлением, которое существовало испокон веков, но лишь недавно было *открыто* наукой, — это отдельный, самостоятельный вопрос, вокруг которого ведутся острые споры и к которому мы еще вернемся в ходе дальнейшего изложения. Но, как бы там ни было, ясно, что наука приступила к непосредственному анализу массового сознания лишь в самое последнее время. Разные авторы упоминают о нем по тому или иному поводу, в тех или иных контекстах, делая вид, что речь идет о чем-то само собой разумеющемся, не требующем специальных пояснений, однако в действительности ни один из них, вклю-

(Ковальзон М. Я., Угринович Д. М. О предмете социальной психологии. — Вестник МГУ, серия «Философия», 1966, № 5, с. 18).

10

чая пишущего эти строки, к сегодняшнему дню не располагает еще необходимым числом суждений о предмете, которые с достаточным основанием можно было бы считать бесспорными, доказанными.

Следующее обстоятельство, серьезно затруднившее анализ массового сознания с позиции марксистской философии и социологии, связано с тем, что первыми исследователями в этой области — на современном этапе — оказались *представители буржуазной науки*. Данный факт определили, по-видимому, два момента. Во-первых, то, что именно новейшее капиталистическое общество первым столкнулось с бурными процессами массовизации, возникновения разнообразных массовых явлений в различных сферах социальной жизни — экономической, политической, культурной, бытовой и т. п. Во-вторых, то, что буржуазная социальная наука, в частности социология, в том числе ее различные критические направления, располагала — в силу своих традиций и сложившегося положения в обществе — значительным опытом на поприще эмпирического, в частности социально-Психологического, препарирования сложнейших явлений общественной жизни.

Конечно, в науке «застолбить участок» отнюдь не значит присвоить его. Поэтому марксисты в принципе давно уже могли бы обратиться к анализу явлений, открытых идейным противником. Аналогичная ситуация, как известно, не помешала в свое время К. Марксу создать научные теории стоимости и классовой борьбы, Ф. Энгельсу объяснить с позиций исторического материализма происхождение семьи, частной собственности и государства, а В. И. Ленину

11

построить целостную систему представлений об империализме. Однако с массовым сознанием, как и вообще со всей проблематикой «массовости», включая такие важнейшие ее аспекты, как массовая коммуникация и массовая культура, произошло иное: подобно тому как это стало ранее с предметами, изучаемыми психоанализом, генетикой или кибернетикой, они на долгое время были отданы на откуп буржуазной науке. А дальше с ними случилась довольно ординарная история, обусловленная существенными гносеологическими и социальными изъянами буржуазной философской и социологической мысли — ее ограниченными возможностями в раскрытии диалектики общественных отношений, а также сознательной или неосознаваемой идеологической ангажированностью, привязанностью к интересам господствующих классов.

В отношении занимающего нас теперь предмета указанные изъяны отчетливо проявились в том, что массовое сознание было объявлено атрибутом так называемого «массового общества», стало рассматриваться в качестве исторической альтернативы классовому сознанию, якобы упраздняющей последнее (отсюда тезис Д. Белла о «конце идеологий») и, следовательно, знаменующей исчезновение — уже в рамках сегодняшнего капитализма — самого классового общества.

Подобная жесткая связь с различными концепциями «массового общества» — этими типичнейшими образчиками современных *science fictions* (научных вымыслов) — отразилась на судьбе изучения массового сознания самым пагубным образом. С одной стороны, она воздвигла перед буржуазными исследователями всех

12

направлений непреодолимые препятствия для строго объективного анализа рассматриваемого явления, раскрытия его действительной природы, подлинных механизмов возникновения и функционирования, фактических свойств и роли в жизни общества. С другой — вокруг проблемы массового сознания оказалось нагромождено великое множество всякого «теоретического» и идеологического вздора, разного рода обывательской чепухи, оформленной в виде научных рассуждений. Все это в значительной мере дезориентировало социологов-марксистов в отношении самого объекта исследования — массового сознания. Его искаженное до неузнаваемости отражение в зеркале буржуазной социологии послужило основанием для многих из них объявить массовое сознание, как и лежащий в его основании феномен массы, химерой, выдумкой. В результате вместе с водой из ванны выплеснули и самого ребенка...¹

¹ В 1972 г. в Москве вышел перевод неоднократно издававшейся в ГДР книги Г. Гибша и М. Форверга «Введение в марксистскую социальную психологию». Там в связи с критикой концепций «психологии масс» Г. Тарда, Г. Лебона и других авторы заявляли: «...массы как социального явления не существует. Понятие массы как социального явления не имеет смысла, так-как ему не свойственны какие-либо иные признаки, кроме преходящих, внесенных извне состояний...» (с. 25). К сожалению, этот тезис с удовлетворением цитировался многими советскими авторами (см., например: Шаронов В. В. Психология класса. Проблемы методологии исследования. Л., 1975, с. 47). И весьма показательным, что в обширном и содержательном обзоре Н. П. Козловой, В. М. Межуева, В. И. Толстых «Общественное сознание: результаты к перспективны исследования» (Вопросы философии, 1977, № 10) вовсе не упоминалось о направлении анализа общественного сознания, связанном с массовым сознанием, хотя к мо-

13

Наконец, немалую роль в возникновении описываемой ситуации сыграли также существующие в марксистско-ленинской социальной науке *традиции анализа* деятельности народных масс, массовых движений, соотношения «массы — партии — лидеры» и т. д., нашедшие отражение в соответствующей устойчивой терминологии. Внешнее сходство терминов «массА» и «массБ», «массовое сознание» и «сознание (трудящихся) масс» при значительном расхождении в их содержании объективно явилось

серьезной помехой для выхода марксистской социологии на новую проблематику, ее распознавания под шелухой идеологических наслоений, созданных западной политологией и публицистикой, и тем более для использования предложенной буржуазными социологами терминологии¹.

В результате многие исследователи оказались по отношению к массовому сознанию в положении той печально известной старушки из притчи, которая, стоя перед вольером с жирафом, упорно отказывалась верить глазам

менту написания обзора в советской научной печати уже имелся ряд публикаций на эту тему — наряду с упоминавшимися работами Г. Г. Дилигенского и А. К. Уледова, в частности, статья Б. А. Грушина «Логические принципы исследования массового сознания», напечатанная в тех же «Вопросах философии» в 1970 г. (№ 7, 8), статья В. П. Иерусалимского «Массовое сознание и некоторые аспекты борьбы коммунистов за массы» в ежегоднике Института общественных наук «Проблемы коммунистического движения» (М., 1976) и др.

¹ Об этой трудности в анализе феномена массы, существенно отличающегося от объектов, фиксируемых в терминах «эксплуатируемые классы», «трудящиеся массы» и т. п., см.: Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980, с. 32.

14

своим и твердила: «Не может быть!» Между тем жираф, как известно, «может быть», он существует. Равно не является злонамеренной выдумкой классовых противников пролетариата и массовое сознание. Сам факт его объективного существования не может вызывать каких-либо сомнений у непредвзятых наблюдателей, поскольку он без труда подтверждается длинным рядом явлений современной общественной практики, касающихся многочисленных форм массового поведения людей, функционирования общественного мнения, деятельности средств массовой информации и пропаганды и др. Подобно иным массовым явлениям — массовой культуре, массовой коммуникации, массовой информации — массовое сознание оказывается тесно связанным с уровнем развития производительных сил, достигнутым человечеством, с новейшим этапом развертывания научно-технической революции и потому существует (наряду с названными явлениями) во всех типах современных обществ, в том числе, разумеется, и в обществе социалистическом. Более того, его функционирование ныне теснейшим образом вплетено в решение многих социально-экономических и общественно-политических задач национального и глобального масштаба. Эти проблемы были широко представлены в материалах XXVII съезда КПСС. В Политическом докладе ЦК КПСС, с которым выступил на вей М. С. Горбачев, рассматривался большой комплекс вопросов, связанных с развертыванием новых массовых демократических движений современности, в том числе антивоенного, антиядерного, с развитием творчества и инициативы масс в процессе ускорения соци-

15

ально-экономического развития нашего общества, совершенствованием системы социального управления, с задачами идейно-политического воспитания масс, развитием общественного сознания, возрастанием роли средств массовой информации.

Все сказанное прямо свидетельствует о чрезвычайной актуальности и важности научных исследований массового сознания с позиций марксизма-ленинизма¹. Осуществление таких исследований предполагает использование основных методологических принципов исторического материализма. Одновременно должен приниматься во внимание уже накопленный в марксизме опыт анализа рассматриваемого предмета. Более того, при его изучении, как справедливо пишут авторы книги «В лабиринтах буржуазного сознания», необходимо подчеркнуть «теоретический приоритет марксизма в постановке и разработке общих методологи-

¹ В этой связи следует подчеркнуть, что в последнее время анализом массового сознания все более пристально начинают заниматься практики, деятели международного

коммунистического и рабочего движения, о чем свидетельствуют соответствующие публикации на страницах журнала «Проблемы мира и социализма». См., например, беседу с членом Политкомнссии ЦК партии Народный авангард Коста-Рики Ф. Гамбоа «Коммунисты и сознание масс» (1978, № 2), статью члена Политбюро ЦК Компартии Греции А. Амбатьелоса «О формировании сознания современного рабочего класса» (1978, № 6), диалог кандидата в члены Центрального Исполкома ЦК Компартии Канады П. Бойчука и члена ЦК Компартии Аргентины Х. Набор де «Важный аспект классовой борьбы» (1979, № 10), материалы «круглого стола» «Коммунисты и общественное мнение» (1980, № 5), обзор международной дискуссии марксистов «Массовая культура» или культура для масс?» (1983, № 1) и др. материалы.

16

ческих проблем рассмотрения общественного («массового») сознания и массового поведения, в анализе самого феномена «массы»¹.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса содержится немало глубоких замечаний по поводу природы и различных характеристик массового сознания. Основоположники нового учения настаивали на том, что при исследовании движущих сил истории «надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы...»². Особенно пристально и широко явления массы и массового сознания исследовал, как известно, В. И. Ленин, в первую очередь в сфере политической деятельности масс, их участия в процессах революционного преобразования общества³. «Надо всеми силами собирать, проверять и изучать,— требовал В. И. Ленин,— ...объективные данные, касающиеся поведения и настроения не отдельных лиц и групп, а масс...»⁴; «...к массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы»⁵. Позже, уже после победы Октябрьской революции, В. И. Ленин многократно призывал: «Жить в гуще.

¹ В лабиринтах буржуазного сознания, с. 124.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 307—308.

³ В интересующем нас аспекте эта сторона творчества В. И. Ленина детально проанализирована в работах Б. Ф. Поршнева, в частности в его книге «Социальная психология и история», выдержавшей два издания (М., 1966 и 1979).

⁴ Ленин В. И. Поля. собр. соч., т. 25, с. 245.

⁵ Там же, т. 41, с. 192.

17

Знать *настроения*. Знать *все*. Понимать массу. Уметь подойти. Завоевать ее абсолютное доверие»¹; «...Жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины, уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд»².

Предлагаемая читателю книга ставит своей целью привлечь внимание широкого круга исследователей и практических работников к разностороннему комплексу проблем, связанных с понятием «массовое сознание». Центральное место в ней занимают собственно *теоретические* аспекты анализа рассматриваемого предмета, касающиеся, во-первых, самого определения указанного понятия (ответа на вопрос: что именно следует понимать под массовым сознанием как особым типом общественного сознания?), во-вторых, формулирования основных пунктов последующего анализа выделенного предмета. В этой связи стоит отметить, что в своих основных предпосылках и выводах настоящая книга восходит к идеям, высказанным автором в монографии «Мнения о мире и мир мнений» (1967), а также упоминавшейся статье «Логические принципы

исследования массового сознания» (Вопросы философии,

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 44, с. 497.

² Там же, с. 348.

18

1970, № 7, 8), и должна рассматриваться в качестве прямого продолжения анализа материалов так называемого таганрогского проекта, нашедших наиболее полное отражение в книге «Массовая информация в советском промышленном городе» (1980).

Вместе с тем, несмотря на в целом достаточно абстрактный уровень предлагаемого разговора, большая часть приводимых в книге теоретических конструкций и рассуждений прямо или косвенно связана с результатами накопленных автором *эмпирических наблюдений*. Более того, именно практическая потребность в той или иной интерпретации обнаруженных в разное время и по разным поводам социальных фактов активно стимулировала теоретический анализ, вела к соответствующим обобщениям и выводам.

Впервые с проблематикой, рассматриваемой в настоящей книге, мне пришлось столкнуться весной 1964 года. Точнее говоря, это было даже не столкновение с уже зафиксированным, очерченным кем-то ранее предметом, а его поначалу довольно смутное ощущение, хотя ощущение уже в той самой его определенности, которая схватывается понятием «массовое сознание».

Я работал тогда над материалами опроса Института общественного мнения «Комсомольской правды», посвященного проблеме разводов в СССР. Просматривал — в какой уже раз — очередную кипу заполненных разными почерками анкет и вдруг обнаружил, что при оценке разводов в пяти из них воспроизводятся одни и те же языковые формулы. Причем не «в общем и целом», а, что называется, «слово

191

в слово»! На первый взгляд в этом факте не было ничего неожиданного: за годы работы в газете с ним не раз приходилось сталкиваться и мне, и многим другим сотрудникам редакции, регулярно знакомившимся с читательской почтой. Однако в тот мартовский день этот привычный, примелькавшийся и в общем-то банальный факт обернулся своей неожиданной, озадачивающей стороной: как же так? каким образом пятеро столь различных людей — по возрасту, образованию, роду занятий, месту жительства — людей, которые конечно же никогда не видели друг друга и тем более никогда не общались друг с другом, обнаружили один и тот же (а именно, если говорить конкретно о предмете опроса: домостроевский) тип сознания?

Если бы речь в данном случае, как во множестве других, шла о простом репродуцировании некоторых стандартных текстов, с которыми респонденты могли познакомиться, к примеру, в тех же газетах, вопрос, по-видимому, в очередной раз остался бы незамеченным — ведь кажущееся решение его лежало на поверхности (хотя, подчеркну, только *кажущееся*, поскольку факт тождества сознания у представителей различных социальных, образовательных и т. п. групп общества вовсе не объясняется ссылкой на действие средств массовой коммуникации, ибо последнее-то как раз само нуждается в объяснении!). Однако авторы анкет демонстрировали взгляды, резко отличные от тех, что распространяются прессой, радио, телевидением, и тем не менее их едва ли не буквальное совпадение было налицо... С чем же в таком случае мы здесь столк-

20

нулись? Где надлежало искать основания обнаруженного явления? Какова была его глубинная природа? Именно такой (или подобный) круг вопросов со всей остротой возникал из сопоставления мнений, высказанных инженером, дояркой, пчеловодом, слесарем и пенсионеркой из служащих. И поиски ответа на него привели к мысли о существовании в обществе некоторого особого, отличного от уже описанных наукой типа общественного сознания, а именно: сознания массового.

С тех пор я занимался практически только этой проблемой, рассматривая ее в двух аспектах: во-первых, в плане анализа непосредственных *текстов* самого массового

сознания (проявляющихся прежде всего в суждениях общественного мнения), во-вторых, в плане изучения различных форм массового *поведения* людей (осуществляющегося, в частности, в сфере проведения свободного времени, досуга, в области культуры, находящего отражение в образе жизни). В соответствии с этим эмпирическая база настоящей книги включает в себя большое число проведенных в разное время и в разных масштабах конкретных исследований, начиная с первого скромного зондажа Института общественного мнения «Комсомольской правды» по теме «Удастся ли человечеству предотвратить войну?» (1960, май), включая обширные исследования деятельности городского населения страны в сферах досуга (1962—1967) и массовой информации (1967—1974), и кончая анализом чешского народного юмора, собранного мною в книге «*In pivo Veritas*», вышедшей в 1985 г. в Праге.

Ясно, что применительно к рамкам настоя-

21

щего издания речь не может идти о том, чтобы сколько-нибудь подробно ознакомить читателя с накопленным эмпирическим материалом. Его избранные фрагменты используются лишь в качестве отдельных иллюстраций, разбросанных там и сям вкраплений в общую ткань изложения. Что же касается самой этой ткани, то она, как уже было сказано, состоит скорее из довольно абстрактных рассуждений. Последние, возможно, покажутся некоторым читателям недостаточно фактически обоснованными, но в действительности за ними стоят, как правило, многочисленные, не раз проверенные факты. Конечно, в книге имеются и недоказанные суждения, разного рода догадки, гипотезы и т. д. Однако и они не плод, что называется, досужих размышлений, но результат анализа того же эмпирического материала. Просто неполнота этого материала или недостаточная проницательность автора в его интерпретации естественно придают высказываниям не законченную в том или ином отношении форму...

Вообще читатель, приступая к книге, должен иметь в виду, что это — первая работа, *специально, целиком* посвященная анализу сущности массового сознания, работа, в которой поставлена цель систематически рассмотреть весь чрезвычайно широкий комплекс проблем, связанных с определением данного феномена. Отсюда некоторая фрагментарность изложения, непроработанность ряда, в том числе весьма существенных, сторон предмета, заострение внимания не столько на «готовых ответах», сколько на постановке вопросов, возможных направлениях и способах их решения.

22

И еще хотелось бы пожелать читателю, чтобы, отправляясь в сложный путь, оп имел в качестве девиза слова молодого В. И. Ленина, которыми руководствовался автор книги в процессе ее написания: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» К Сегодня, в свете исторических решений XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, в особой обстановке обновления, возникшей в нашем обществе, такой подход представляется не только допустимым, но и единственно возможным. Ведь ориентируя все слои общества, в том числе деятелей науки, на развертывание социального творчества, на углубленный и объективный анализ реалий социальной жизни, партия требует, чтобы ученые-обществоведы «чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику»².

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 4, с. 184. * Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 85.

Раздел I **УНИВЕРСУМ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ**

Всего

Еще понять не можем —
Как видно, время не прошло...

Л. Мартынов

Общественное сознание являет собой удивительный мир. Объективируемое, с одной стороны, в весьма осязаемых продуктах человеческого труда — физического и умственного, в том, что обычно называют материальной и духовной культурой человечества, оно, с другой стороны, реализуется во множестве едва уловимых, проявляющихся лишь в «текущих» поступках людей образований, вроде традиций и настроений, нравов и верований, социальных симпатий и предрассудков. В значительной своей части созданное вереницей предшествующих поколений, оно вместе с тем в каждый момент существования общества рождается буквально «на глазах», в потоках мыслей и чувств живущих поколений. Устойчиво зафиксированное в бесконечном ряду разнообразных текстов — книг, документов, произведений искусства, оно одновременно отли-

24

чается подвижностью, постоянно меняется в своих очертаниях. Поистине, это — целая Вселенная, со своими галактиками, созвездиями, звездами первой, второй и — тут же, совсем рядом — сотой, тысячной величины, Вселенная живая, развивающаяся...

Удивительный, сложнейший мир! Однако и познание его сопряжено с гигантскими трудностями.

Исторически анализ сознания как самостоятельная научная дисциплина очень рано сосредоточивается на *индивидуальном* сознании человека, включая сознание самого мыслителя. Оформляясь в виде системы логических и психологических понятий, он затрагивает, с одной стороны, формы мышления, свойственные сознанию как таковому, а с другой — феномены сознания, связанные с психической жизнедеятельностью индивида, миром его ощущений, восприятий и эмоций. Классические образчики такого рода анализа — «Аналитики» и «О душе» Аристотеля.

Вместе с тем уже античная наука хорошо знала, что, хотя реальным носителем и производителем сознания является конкретный человек, индивид, тем не менее сознание существует в обществе не только в его индивидуальных, но и в надиндивидуальных, в том числе непосредственно *общественных*, формах. Идеалистическая философия Платона связывала представление о них с миром вечных, лежащих в основе всех вещей надкосмических идей; материалистическая историография — с тем, что на языке современной социологии называется разного рода социальными, этническими и тому подобными «общностями». В сочинениях великих историков

25

древности Геродота и Фукидида можно найти немало суждений о психических особенностях, нравах и складе мышления целых народов и племен.

Этот интерес к различным формам общественного сознания — в первую очередь мифологии, искусству, религии — получает дальнейшее развитие в эпоху Возрождения, дополняясь позднее, в период подготовки и свершения буржуазных революций, пристальным изучением политического сознания, нравственности. Исследователи того времени отчетливо видят, что во всех этих случаях они имеют дело не с индивидуальным сознанием, но с сознанием «эпохи», «общества в целом», сознанием, разделяемым одновременно множеством субъектов. Однако все они очень далеки еще от понимания подлинной природы этого сознания, механизмов его происхождения, функций в жизни общества и т. д. Более того, до середины XIX века наука об общественном сознании — точнее даже не наука, а некоторая совокупность имевшихся теоретических представлений — находится во власти огромного числа грубейших заблуждений и предрассудков. Характеризуя домарксову социологию в целом, В. И. Ленин писал: «...В чем состояли, на 9/10, эти теории? В чисто априорных, догматических, абстрактных построениях того, что такое общество, что такое прогресс? и т. п.». Начинать же с этих вопросов — «значит

начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности... не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общест-

20

венных отношений?»¹ Эти слова сто раз относятся к тому разделу домарксовской социальной теории, который был связан с анализом собственно общественного сознания.

К. Маркс стал первым в истории мыслителем, который возвел «социологию на степень науки»². И лишь с возникновением марксизма, в рамках созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом и затем творчески развитого В. И. Лениным исторического материализма, получила подлинно научный характер разработка проблем общественного сознания. Именно теперь, на базе рассмотрения общественного сознания в связи с общественным бытием (прежде всего — как отражения, порождения последнего), удалось дать ответы на многие вопросы, сформулированные предшествующим развитием теоретической мысли: о соотношении индивидуального и общественного сознания, о действительной социальной и гносеологической природе последнего, о различных формах его существования, способах функционирования и т. д.

Вместе с тем классики марксизма-ленинизма, естественно, не могли дать ответ на все вопросы возникшей науки — ни на те, которые были известны уже при их жизни, ни особенно на те, которые появились в ходе последующего развития общества и теоретических представлений о нем. Большое число этих вопросов, включая главный из них, касающийся содержания самого центрального понятия «общественное сознание», горячо обсуждается ныне в среде философов- и социологов-марксистов. И при их решении, конечно, особую важность имеют об-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 141.

² См. там же, с. 137.

27

щеметодологические принципы, а также основополагающие теоретические выводы, которые были сформулированы К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным.

Глава I **ИСХОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ**

1.1. Философский материализм

Выявляя сущность и природу общественного сознания, характер и механизмы его взаимоотношений с общественным бытием, основоположники марксизма зафиксировали результаты своих исследований в ряде определений, в том числе в следующих известных формулах:

— «Сознание [das Bewuptsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewupte Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни»¹.

— «Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения...»²

— «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствую-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т. М., 1985, т. 2, с. 20.

² Там же, с. 43.

28

ют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру

общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹.

Обобщая эти и подобные им определения К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин усматривал в них в первую очередь осуществление принципа философского материализма, распространенного на область общественного сознания. «Сознание вообще *отражает* бытие,— писал он,— это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно»². Вместе с тем, согласно материалистическому пониманию истории, проблема взаимоотношения общественного сознания и общественного бытия, подчеркивал В. И. Ленин, не сводится лишь к связи, описываемой термином «отражение». Не менее существенной оказывается здесь, помимо прочего, и зависимость общественного сознания от общественного бытия, детерминированность первого вторым, дающая решающий ключ к научному постижению сознания.

«Если материализм вообще объясняет созна-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, С. 6—7.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 18, с. 343.

20

ние из бытия, а не наоборот,— писал по этому поводу В. И. Ленин,— то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия»¹. Стало быть, и принцип философского материализма применительно к рассматриваемому предмету должен трактоваться значительно более широким образом.

Как показывает текстологический анализ работ К. Маркса и Ф. Энгельса, сами они при описании явлений общественного сознания, его взаимоотношений -с общественным бытием крайне редко пользовались термином «отражение». Если же они и употребляли его, то не только в прямом смысле — в качестве более или менее адекватного образа, идеального воспроизведения соответствующего объекта, но и в косвенном — в качестве порождения, продукта тех или иных социальных условий, обнимаемых понятием «общественное бытие». Иногда в их рассуждениях понятие «отражение» наполнялось одновременно и тем и другим смыслом. Именно так, в частности, следует интерпретировать знаменитый тезис Ф. Энгельса о том, что «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»².

Однако и такие обороты, повторяю, у К. Маркса и Ф. Энгельса были довольно редкими. Гораздо чаще они говорили просто о том, что различные характеристики общественного сознания, включая особенности самого его содержа-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 26, с. 55—56.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 328.

30

ние, «детерминированы», «обусловлены», «порождены» соответствующими характеристиками общественного бытия, что они «определяются» последними, «зависят» от них и т. д. «Даже туманные образования в мозгу людей,— читаем мы в «Немецкой идеологии»,— и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками»¹. Позже в «Капитале» К. Маркс писал: «...из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе.

Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим. Следовательно, этим же определяется и характер их духовного производства»². И так далее.

Словом, исходный, логически первичный тезис материализма об отражении общественного бытия в общественном сознании был для основоположников марксизма, так сказать, само собой разумеющимся, не требующим подробных обоснований и доказательств. Поэтому-то, наверное, они не оставили большого количества «цитат» по данному поводу. И это, как можно видеть по литературе, вызвало серьезные затруднения у многих из их последователей, породив длящуюся десятилетиями — еще со времен К. Каутского — дискуссию о точном смысле термина «отражение».

Понимая под отражением (в рамках анализа рассматриваемой формулы) лишь идеальное вос-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 20.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.. т. 26, ч. I, с. 279.

3!

произведение в сознании того или иного *содержания*, а именно — в буквальном соответствии с формулой — различных аспектов *общественного бытия*, некоторые авторы тем самым неправомерно сузили предметные границы общественного сознания. Одни из них исключили из последнего науку, по крайней мере естествознание, поскольку оно, мол, отражает не «общественное бытие», а «природу», другие — отдельные стороны культуры и т. д.

Естественно, подобный подход вызвал справедливые возражения со стороны многих философов и социологов. И проблема тут не только в определении «общественного бытия» — его так называемом «узком» и «расширительном» толковании, проблема тут прежде всего в понимании самого термина «отражение». Ведь как ни толкуй «общественное бытие», какое самое широкое содержание ни вкладывай в это понятие, все равно получится, что какие-то остающиеся за его пределами социальные (например, чисто духовные) и природные (например, космические) образования по-прежнему не будут охватываться общественным сознанием. А это ошибка. И не в силу отступления от тех или иных высказываний К. Маркса или В. И. Ленина, а в силу простого, очевидного несоответствия фактам. Ведь если взять всего лишь две формы (или сферы, области — не будем пока уточнять терминологию) существования общественного сознания — науку и так называемое обыденное сознание, можно без особого труда убедиться, что предметно в них отражается весь, без каких-либо ограничений, мир, включая... разнообразные составляющие самого общественного сознания. «Общественное сознание,— коммен-

32

тирует данное обстоятельство В. Ж. Келле,— отражает общественное бытие не в том смысле, что оно не может отражать ничего другого, а в том, что, лишь исходя из общественного бытия, мы можем правильно и научно понять содержание и формы, структуру и особенности развития общественного сознания»¹.

Что, однако, следует понимать под общественным бытием? Решение этого вопроса вызывает ныне также достаточно острые споры среди марксистов, причем в данном случае, как кажется, в основе всех дискуссий² лежат уже не просто различия в интерпретациях высказываний классиков, а прежде всего действительные, объективные сложности анализа рассматриваемого предмета.

Сколько всего различных определений общественного бытия встречается хотя бы только в нашей литературе? Сказать очень трудно. Большинство авторов, рассматривающих этот вопрос, говорят чаще всего о трех основных позициях, совпадающих с так называемыми «узким», «расширительным» и «правильным» толкованиями данного понятия. Первое толкование обычно усматривается в сведении общественного бытия к совокупности производственных отношений, к экономическому базису общества, второе — в отождествлении общественного бытия со всей реальной

практической жизнью и деятельностью людей. Что же касается третьей — «пра-

¹ Келле В. Ж. Проблемы исторического материализма в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». — Вопросы философии, 1979, № 5, с. 94.

² Наиболее широкая из них, посвященная как раз проблеме соотношения общественного бытия и общественного сознания, проходила в 1957—1959 гг. на страницах журнала «Вопросы философии».

2 Б. А. Грушин 33

вильной» — позиции, то она у разных авторов наполняется различным содержанием, в результате чего общее количество точек зрения по проблеме существенно возрастает.

Оставляя теперь в стороне многочисленные детали этой длящейся почти три десятилетия дискуссии, отмечу, что лично мне при первом подходе наиболее приемлемой представляется точка зрения А. К. Уледова и В. Ж. Келле, полагающих, что «общественное бытие — это область материальных отношений», к которым «относятся прежде всего экономические отношения», а также «отношения людей к природе» и «все виды общественных отношений, являющиеся по своему характеру материальными»¹, или что «общественное бытие включает всю совокупность материальных отношений людей к природе и друг к другу...»². Однако по некотором раздумье обнаруживаешь, что в их позиции содержится слабый пункт, связанный с неопределенностью термина «материальные отношения».

Поясняя его, А. К. Уледов пишет, что это такие отношения, «которые при своем складывании *не обязательно* должны проходить через сознание людей. В отличие от отношений надстроечных они *могут* складываться независимо от волн и сознания людей... Понятие общественного бытия является очень емким, богатым по своему содержанию. Раскрывая его содержание, важно анализировать материальные элементы

¹ Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 23-24.

² Келле В. Ж. Проблемы исторического материализма в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». — Вопросы философии, 1979, № 5, с. 90.

34

и семейных, и жилищных, и бытовых, и *иных* отношений, связанных с повседневными условиями жизни людей (курсив мой.— Б. Г.)»¹.

Не знаю, как покажется читателю, но, на мой взгляд, это пояснения, которые в действительности мало что поясняют. И из-за содержащихся в них крайне нестрогих понятий типа «не обязательно», «могут», «иных». И из-за того, что остается неясным, относятся ли, по мысли автора, к разряду «материальных» перечисляемые им семейные, жилищные и бытовые отношения, поскольку в приведенных словах говорится не об этих отношениях как таковых, а о некоторых «материальных элементах» этих отношений. Впрочем, одно суждение высказано здесь достаточно четко: надстроечные отношения не являются материальными и, следовательно, не входят в понятие «общественное бытие».

Что же касается В. Ж. Келле, то он в своей статье, к сожалению, вовсе не останавливается на конкретизации материальных общественных отношений, занятый прежде всего критикой «расширительного» толкования общественного бытия, непозволительно включающего, по его мнению, в последнее «политическую деятельность государства, социальную практику и т. п.»².

Имея в виду «вторичные политико-юридические структуры», В. Ж. Келле признает, что они «также являются объективными по отношению

¹ Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 24.

² Келле В. Ж. Проблемы исторического материализма в работе В. П. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». — Вопросы философии, 1979, № 5, с. 90.

■ / *

35

к индивидам и отдельным социальным группам... строятся не произвольно, а в

соответствии с экономическим базисом и облекаются в материальные (это *Nota Bene!* — Б. Г.) формы организации». Л затем добавляет: «Может быть, их реальность, объективность и смущает некоторых авторов, заставляя их относить эти структуры к общественному бытию. Государство, партия — ведь это же реальность! Как же можно их практическую деятельность относить к общественному сознанию?! Но это не теоретические аргументы. Понятие объективного соотносительно. Государства, партии, объективные по отношению к индивиду и даже отдельным социальным группам, принадлежат к субъективной стороне общественной жизни, ибо для общества как целостной системы объективными в ее составе являются только базисные, то есть материальные отношения, не зависящие от общественного сознания (только здесь объективное и материальное в обществе совпадают). В то же время государства, партии, общественные организации как образования, определяемые базисом, являются вторичными, производными, зависят и от общественного сознания, что, видимо, нет необходимости доказывать»¹.

На мой взгляд, к этому рассуждению можно предъявить немало теоретических претензий. И первая из них связана с неправомерностью подмены предмета обсуждения — проблемы соотношения бытия и сознания, материального и идеального — совершенно другой проблемой: объективного и субъективного. Тем более что эта

¹ Келле В. Ж. Проблемы исторического материализма в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». — Вопросы философии, 1979, № 5, с. 90—91.

36

подмена ничего не дает с точки зрения решения обсуждаемого вопроса. Верное суждение о том, что политические структуры относятся к субъективной стороне общественной жизни (при расчленении последней по основанию «объективное— субъективное»), не меняет того признаваемого самим В. Ж. Келле факта, что они являются все же структурами объективными «по отношению к отдельным социальным группам» (являющимся, заметим, носителями общественного сознания) и сверх того «облекаются в материальные формы организации» (что только и может нас интересовать при расчленении общества по основанию «материальное — идеальное»). Кстати, последняя оговорка автора, в которой у него явно пробивается признание реального положения вещей, в сущности, перечеркивает всю приводимую им контраргументацию против так называемого «расширительного» толкования общественного бытия.

Нельзя не обратить, далее, внимания на то, что в результате смешения различных оснований структурирования общества В. Ж. Келле, вопреки собственному исходному определению общественного бытия, как бы сбивается на «узкоэкономическое» толкование рассматриваемой категории, сводя «всю совокупность материальных отношений людей друг к другу» только к «базисным материальным отношениям».

Наконец, бросается в глаза явная уязвимость оценки («это не теоретические аргументы») утверждения, что практическая деятельность людей не может быть отнесена к общественному сознанию. А почему, собственно, это не аргумент? Разве та или иная деятельность (в частности, политическая) относится *всего* к сфере

37

сознания? И тут вслед за этим вопросом возникает целая серия иных, которые, к сожалению, не ставятся впрямую ни В. Ж. Келле, ни другими критиками «расширительного» подхода: являются ли теоретические деления общества по основаниям «бытие — сознание», «материальное — идеальное» (равно как, кстати говоря, и «объективное — субъективное») строго дихотомическими, то есть исключительными — на уровне феноменологии — какие-либо «третьи варианты»? Между тем эти вопросы имеют принципиальное значение с точки зрения решения рассматриваемой проблемы. И очевидный отрицательный ответ на них как раз является объективным основанием для «расширительного» толкования общественного бытия.

Основоположники материалистического понимания истории прекрасно видели эту главную сложность в соотношении общественного бытия и общественного сознания.

Отсюда, характеризуя общественное бытие, они прибегали не к одному, а к многочисленным его определениям. В этом можно убедиться, в частности, обратившись хотя бы к тем шести высказываниям К. Маркса и Ф. Энгельса, которые были приведены выше. Здесь мы находим (в порядке цитирования) и «реальный процесс жизни», и «материальные отношения», и «способ производства материальной жизни», и «внешние силы», господствующие над людьми «в повседневной жизни», и «материальный жизненный процесс», и «определенную форму материального производства, определенную структуру общества, определенное отношение людей к природе».

Иными словами, речь идет не только о «базисных» материальных отношениях (хотя, разу-

38

меется, и о них тоже, причем в первую очередь), но о более широких отношениях («силах»), «внешних» людям, господствующих над ними и их сознанием. Можно ли отнести к ним также различные формы практической деятельности людей, разного рода неэкономические отношения, объективно существующие между людьми в обществе? Безусловно. Во-первых, потому, что и эти формы деятельности, и эти отношения, облекаясь, по словам В. Ж. Келле, «в материальные формы организации», так же входят в реальный (в смысле: не-идеальный) жизненный процесс, как и собственно производственные отношения. Во-вторых, потому, что каждое новое поколение людей, вступающее в жизнь, застаёт эти формы деятельности и эти отношения — аналогично производственным отношениям — в качестве готовых, сложившихся, или, пользуясь выражением Маркса, «необходимых», то есть не зависящих от их воли и сознания. Наконец, потому, что и эти формы деятельности, и эти отношения фактически, на практике — в чем ежедневно убеждается каждый из нас — детерминируют, определяют, продуцируют (пусть не в первую очередь, пусть *вслед* за более фундаментальными материальными отношениями) все без исключения формы, образования общественного сознания.

Рассматриваемые здесь трудности в анализе отношений между общественным бытием и общественным сознанием имеют, как уже было сказано, прежде всего объективную природу. В их основе лежит действительная чрезвычайная сложность взаимодействия различных социальных подсистем и структур. И эта объективная сложность механизмов функционирования

39

общества, включающих в себя запутаннейшие отношения между материальным и идеальным, объективным и субъективным, еще более возрастает на современном этапе развития человечества, отмеченном невиданным ранее в истории движением широчайших масс, развертыванием научно-технической революции, возникновением нового типа человеческого общежития — социалистического общества.

Наверное, лучше всего это усложнение отношений между бытием и сознанием, материальным и идеальным можно было бы показать как раз на примере продуцирования и функционирования массового сознания, детерминируемого, определяемого *одновременно* несколькими разнопорядковыми подсистемами общества: экономической, социальной, социокультурной, политической, информационной и др. Однако я не могу сейчас забежать вперед — обращаться к массовому сознанию до того, как рассмотрены необходимые предпосылки, касающиеся общественного сознания в целом. Но и других примеров, подтверждающих сказанное, в современном обществе можно отыскать сколь угодно много.

Один из них — характеристики новейшей науки, изменение ее реального положения и функций в жизни общества, направлений и способов ее взаимодействия с другими социальными структурами. Как известно, традиционно, на протяжении многих столетий относившаяся исключительно к сфере сознания наука в качестве «непосредственной производительной силы общества» прямо входит сегодня в способ

производства и, следовательно, в данном качестве должна быть отнесена в теории к сфере общественного бытия. Разумеется, в качестве про-

40

дукта человеческой деятельности, как система знаний, идей, представлений наука сохраняет свое положение в сфере общественного сознания. Однако, с другой стороны — со стороны ее материально-технической базы, социальной организации, ее связей с материальным производством и т. д., словом, как определенный тип общественно-практической деятельности — наука представляет сегодня существенную часть «реального жизненного процесса» и потому не может не рассматриваться в качестве одного из случаев, одной из форм типично материальных отношений.

Как же следует, учитывая все сказанное, решать вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания, какое содержание должно вкладывать в первое понятие, чтобы наиболее точно интерпретировать принцип философского материализма, согласно которому общественное бытие определяет общественное сознание?

Думается, нужно согласиться с В. Ж. Келле, А. К. Уледовым и другими исследователями, полагающими, что общественное бытие включает в себя « всю совокупность материальных отношений людей к природе и друг к другу », « все виды общественных отношений, являющиеся по своему характеру материальными ». Однако при условии, что взгляд этот будет последовательно доведен до его логического конца. Речь должна идти именно о *всей* совокупности, *всех* видах указанных (то есть не совпадающих *исключительно* с духовными, идеальными, не относящихся *исключительно* к сфере сознания) отношений, принимая, разумеется, во внимание сложную иерархию зависимостей между ними.

41

Иными словами, к сфере общественного бытия должны быть отнесены все входящие в реальный жизненный процесс структуры, начиная от наиболее фундаментальных экономических и кончая порождаемыми ими, но, в свою очередь, также детерминирующими общественное сознание структурами — в узком смысле слова социальными (связанными с отношениями между различными общностями людей — классами, группами и т. д.), политическими, бытовыми, семейными, связанными с организацией духовного производства и т. п. Только при этом условии удастся избежать нестрогости, непоследовательности в понимании « материальных отношений ». И только при этом условии удастся привести теоретические представления в соответствие с социальной практикой, в частности с фактами, каждодневно фиксируемыми эмпирической социологией. В противном случае, исходя из той же практики функционирования общественного сознания, следовало бы признать, что оно определяется не только, а нередко даже не столько общественным бытием, сколько множеством иных социальных образований, включить которые в состав бытия критики так называемого « расширительного » подхода пока отказываются.

1.2. Системный подход

Следующий важнейший общеметодологический принцип, примененный классиками марксизма-ленинизма при анализе общественного сознания, — входящий в состав их диалектического метода принцип **системности**. В соответствии с ним всякое общество представляет со-

43

бой органическую систему, включающую в себя множество различных составляющих и связей между ними, то есть характеризуется не только многократной расчлененностью по « горизонтали » и « вертикали », но и определенной целостностью. В рамках реализации этого принципа К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин сформулировали в отношении общественного сознания три наиболее существенных положения:

1) общественное сознание образует одну из подсистем общества в целом и потому

должно рассматриваться в качестве совокупной характеристики последнего;

2) общественное сознание, будучи целостным образованием, обладает относительной самостоятельностью, то есть должно рассматриваться не только в связях с другими общественными подсистемами, в частности в зависимости от них, но и как особый социальный объект, отличающийся собственными, свойственными лишь ему характеристиками, специфическими закономерностями функционирования и развития;

3) общественное сознание не только зависит от других подсистем общества в целом, в том числе относящихся к общественному бытию, но и активно воздействует на все эти подсистемы, оказывая существенное влияние на их функционирование и развитие.

Первый из данной серии выводов является элементом предложенной марксизмом общей схемы расчленения социального целого и его теоретического воспроизведения как единой системы. Эта схема присутствовала уже в «Немецкой идеологии», но наиболее полно представлена в неоконченном «Введении» к экономическим рукописям К. Маркса 1857—1859 годов:

43

«Производство. Средства производства и производственные отношения. Производственные отношения и отношения общения. Формы государства и формы сознания в их отношении к отношениям производства и общения. Правовые отношения. Семейные отношения»¹.

За приведенными словами стоит представление об обществе как совокупности разнообразных, складывающихся на различных этажах социальной иерархии и связанных друг с другом видов отношений (деятельности) различных множеств (общностей) людей. Однако теперь, после того как мы уже рассмотрели вопрос о зависимости общественного сознания от общественного бытия, нам важна здесь не столько идея самой этой связи между отдельными видами социальных отношений, сколько то, что каждый из них представляет собой органическую *«часть» общего целого* и, следовательно, характеризует последнее именно в этой его целостности. Данная констатация, несмотря на ее видимую тривиальность, имеет в действительности чрезвычайно важное значение с точки зрения выявления подлинной природы общественного сознания как специфического социального образования, особенно в рамках анализа его соотношения с индивидуальным сознанием, в частно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 46. В написанном позднее предисловии к книге «К критике политической экономии» Маркс придал этой схеме классически заверченный характер, выделив в составе общества в целом, во-первых, его «экономическую структуру»! «реальный базис», во-вторых, возвышающуюся над этим базисом «юридическую и политическую надстройку», в-третьих, соответствующие ему «определенные формы общественного сознания» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6—7).

U

сти решения проблемы носителей того и другого.

Немалые трудности, подстерегающие в этих «точках» исследователей, в известной мере носят, по-видимому, терминологический характер, проистекая из распространенной практики использовать термины «общественный» и «социальный» в качестве синонимов. Не содержащая никаких подвохов в других философских и социологических контекстах, эта практика ведет к серьезным неточностям, рождая множество непродуктивных вопросов в случае рассмотрения интересующего нас теперь предмета.

К примеру, в ставшей уже хрестоматийной книге В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона «Формы общественного сознания» можно найти среди прочих следующие утверждения: «Сознание есть общественный продукт, оно не существует вне общества и всегда является *общественным* сознанием». Или: «...сознание отдельной личности, если отвлечься от его специфических, индивидуальных черт, является по сути своей сознанием общественным, поскольку всякий индивид является продуктом общественных условий жизни своего

времени»¹.

На основе этих формулировок, при их буквальном толковании, может сложиться впечатление, что общественное сознание — вообще единственный тип сознания, существующего в обществе, что оно покрывает собой все без исключения *случаи*, все формы идеального (то есть относящегося к сфере сознания) и, следовательно, не представляет собой какого-то особого, *специфического* образования, существую-

¹ Келле В., Ковальзон М. Формы общественного сознания. М., 1959, с. 10, 27.

45

щего наряду (или в связи — сейчас не об этом речь) с иными духовными образованиями и отличающегося от них. При таком подходе (поистине расширительном!) практически снимается сама проблема выделения и анализа общественного сознания как самостоятельного предмета исследования, равно как снимаются и все вопросы о его взаимоотношениях с индивидуальным сознанием, или, лучше сказать, сознанием индивида *К*

Между тем К. Маркс и Ф. Энгельс четко различали вопрос о, так сказать, *социальности* — социальной природе, социальной обусловленности (связи с социальной, общественной деятельностью) всякого человеческого сознания, с одной стороны, и проблему выделения *особого духовного образования* в жизни общества, именуемого общественным сознанием, — с другой. Имея в виду первый аспект анализа сознания, они, в частности, писали: «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня. Животное не «соотносит» себя ни с чем и вообще не «соотносит» себя; для животного его отношение к другим не существует как отношение. Сознание, следовательно, уже с самого начала есть общественный продукт и остается им, по-

¹ Подобного рода нечеткое использование терминологии встречается в литературе и при описании отдельных сторон общественного сознания, в частности той его сферы, которая охватывается понятием «общественная психология» и, по идее, должна отличаться от сферы индивидуальной психологии, или психологии индивида. «...Поскольку психика человека социальна по своей природе и по своей сути,— читаем мы, например, у Б. Д. Парыгина,— есть основание считать ее общественной психологией» (*Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971, с. 42*).

II,

ка вообще существуют люди»¹. Стало быть, говоря о «всяком», «любом» сознании как общественном продукте, К. Маркс и Ф. Энгельс отнюдь не считали, что оно во всех случаях является именно общественным сознанием, то есть что можно ставить знак тождества или даже равенства между сознанием как таковым и собственно общественным сознанием.

Что же, однако, следует понимать под общественным сознанием? Можно поручиться, что читатель с трудом найдет в литературе сколько-нибудь строгие, соответствующие требованиям логики, *общие* определения данного понятия; их, как правило, нет даже в книгах, специально посвященных этому предмету, как нет их и в «Философской энциклопедии», где помещена достаточно обширная и содержательная статья А. Г. Сииркина «Сознание».

Описываемая ситуация — лишнее доказательство множества сложностей, возникающих при выделении социальной подсистемы «общественное сознание». И, как показывает исследовательская практика, главная из них, несомненно, касается проведения границ между данным типом сознания и его «антонимом» — сознанием индивидуальным, или, в других терминах, установления более фундаментального соотношения между категориями «общество» и «индивид».

В домарксистской социологии решение этой задачи неизменно сопровождалось двумя принципиальными ошибками. Одна из них, восходящая еще к философии Платона, заключалась в противопоставлении общества индивиду, в отрыве первого от второго; соответственно и об-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 27.

М

ественное сознание рассматривалось как некоторая субстанция, существующая вне и независимо от индивидуального сознания. Суть другой ошибки, напротив, заключалась в механистическом понимании общества как простой совокупности живущих в нем людей; соответственно и общественное сознание приравнивалось всего лишь к арифметической сумме множества индивидуальных сознаний.

Классики марксизма-ленинизма выступили против обеих этих крайностей. Причем К. Марксу и Ф. Энгельсу в соответствии с задачами разработки материалистического понимания истории особенно много внимания пришлось уделить теоретическому преодолению первого заблуждения, доказательству того, что общество, рассматриваемое вне составляющих его членов, равно как индивид, лишенный его социальных качеств, представляет собой не более чем пустые абстракции, фикции. Уже в начале своей научной деятельности Маркс писал: «Прежде всего следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*»¹. Позже, в «Нищете философии», он едко высмеял прудоновскую персонификацию общества, попытку изобразить последнее в виде некоего «общества-лица», обладающего «собственным разумом», отличающимся от разума живущих в обществе людей

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 119.

•18

и, как иронизировал К. Маркс, лишенным здравого смысла¹. С другой стороны, К. Маркс, по словам В. И. Ленина, «положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства)...»².

Подвергнув критике ошибочные взгляды своих предшественников и современников, основоположники нового мировоззрения противопоставили им *диалектическое* решение рассматриваемой проблемы. И в его основе лежало как раз представление об обществе как целостном образовании — системе, не существующей вне составляющих ее элементов и в то же время не сводящейся к ним, наделенной характеристиками, свойственными ей именно как целому. Согласно этому решению, общество представляет собой не только множество индивидов и не только совокупность различных множеств (общностей) этих индивидов, но и самостоятельный исторический субъект, характеризующийся собственной структурой, собственными законами функционирования и развития. Однако и эта структура, и эти законы — как и любые иные совокупные характеристики общества — реализуются не помимо живущих в обществе индивидов и множеств (общностей) индивидов, а, напротив, в их совместной, общественной деятельности, в системе отношений, складывающихся между ними в процессе деятельности.

Аналогичным образом раскрывалась диалектика взаимоотношений общественного и инди-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 118.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 139.

49

видуального сознаний. Первое — это совокупность разнообразных духовных образований (идей, взглядов, представлений, норм, чувств, верований и т. д. — ниже мы еще вернемся к уточнению этого «набора»), имеющая непосредственно или опосредованно общественный характер, то есть свойственная обществу в целом или входящим в его состав различным социальным множествам (общностям). Второе — совокупность тех же (и иных) элементов сознания, однако свойственная уже лишь од-

ному, данному индивиду и, следовательно, отличающая его — в силу уникальности, неповторимости каждой человеческой личности — от всех других индивидов, живущих в обществе, в том числе входящих вместе с ним в те или иные социальные общности. Ясно, что таким образом понимаемое общественное сознание решительно не совпадает с простой суммой индивидуальных сознаний, то есть сознаний индивидов, образующих то или иное социальное целое. Однако не менее ясно и другое — что, характеризуя ту или иную общность в целом, общественное сознание ни по своему происхождению, ни по своему существованию невозможно вне сознания отдельных индивидов, поскольку непосредственным творцом всех теорий и предрассудков, реальным выразителем всех эмоций и мнений выступают лишь живые люди, хотя при этом они могут быть наделены высокими общественными полномочиями — говорить от имени государства, народа, науки, бога и т. д.

Несмотря на принципиальное решение классиками марксизма-ленинизма вопроса о соотношении общественного и индивидуального со-

50

знаний, указанные выше ошибочные представления тем не менее, подобно легендарным Сцилле и Харибде, постоянно угрожают с двух сторон всем, кто отваживается вновь приступить к данной проблеме. В том числе исследователям, берущимся конкретизировать или всего лишь излагать взгляды классиков.

Так случилось, на мой взгляд, в частности, с В. В. Журавлевым, который писал: «...сознание общества немислимо вне сознания образующих его мыслящих индивидов. Нет общественного сознания вообще, вне конкретных человеческих существ. Общественное сознание не существует помимо индивидуального сознания или наряду с ним. Практически оно существует и является реальностью благодаря сознанию людей, образующих общество». Казалось бы, все так, все верно. Однако отсюда был сделан ошибочный вывод: «Следовательно, формой существования общественного сознания служит индивидуальное сознание» *.

Только индивидуальное? — спросим мы. А как же групповое, коллективное сознание? Разве оно не существует столь же объективно, отнюдь не совпадая с индивидуальными сознаниями? Ведь уже Э. Дюркгейм знал, что «группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были бы разъединены» ². И дело не только в том, что групповое, коллективное сознание представляет собой самостоятельную реальность; это сознание нередко и объективируется, выражается не

¹ Журавлев В. В. Общественное и индивидуальное сознание. М., 1963, с. 4.

² Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев — Харьков, 1899, с. 91.

:и

с помощью индивидуальных сознаний (то есть непосредственно индивидами), а именно в своей непосредственно общественной форме — например, в виде текстов, являющихся плодом группового, коллективного творчества (в диапазоне от древнего народного эпоса до современных политических документов). В том-то и состоит сложнейшая диалектика рассматриваемого объекта: из того, что общественное сознание не существует *вне* индивидуального сознания, отнюдь не следует, что оно существует *только* в нем. Сказать так — значит вплотную подойти к границе, за которой общественное сознание представляется простой арифметической суммой индивидуальных сознаний, если уже не пересечь эту черту...

Значительно более точное раскрытие проблемы мы находим в упоминавшейся статье А. Г. Ситникова в «Философской энциклопедии», где говорится: «Сознание имеет не только внутрличностное бытие, оно объективируется и существует надличностно... Когда имеют в виду общественное сознание, то отвлекаются от всего индивидуального, личного и берут взгляды, идеи, характерные для данного общества в целом или для определенной социальной группы. Подобно тому как общество не есть «сумма» со-

ставляющих его людей, так и общественное сознание есть не «сумма» сознаний отдельных личностей, а качественно особая духовная система, которая живет своей относительно самостоятельной жизнью...»¹ И это отмечаемое несовпадение общественного сознания с индивидуальным становится, как показали авторы кол-

Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 47, 48.

52

лективной монографии «Духовное производство»¹, еще более очевидным, если учесть, что общественное сознание не просто отражает действительность, но *создается* в процессе общественной деятельности человечества, вырабатывается обществом *в целом*, принимая форму специфически духовного *производства*.

Правда, верно подчеркнув надындивидуальный характер общественного сознания, ни А. Г. Спиркин, ни авторы названной книги, к сожалению, не уточняют до конца, кто же все-таки является его субъектом-производителем и субъектом-носителем. И тут мы сталкиваемся еще с одной нерешенной проблемой, которая широко обсуждается современными марксистами в рамках анализа соотношения общественного сознания и сознания индивида.

Если ограничиться общей оценкой ситуации в литературе, можно, пожалуй, признать, что большинство исследователей ныне сходятся на том, что субъектами общественного сознания являются различные *общности* (множества, совокупности) индивидов, начиная с тех или иных социальных групп или общества в целом (как раз чаще всего фигурирующего в текстах в подобном качестве) и кончая человечеством в целом. Однако на этом все единодушие (к тому же, повторяю, не абсолютное) практически и кончается. Дальше же начинаются бесконечные вопросы. И ни один из них нельзя считать досужим, поскольку в зависимости от ответа на

¹ См.: Духовное производство. Социально-философский аспект духовной деятельности. М., 1981; а также: *Толстых В. И.* Духовное производство как проблема исторического материализма.— Вопросы философии, 1978, № 2.

53

него определяется главное: понимание самого существа общественного сознания, его основных свойств, а также «пространственных» границ его существования.

Начнем с того, что часть исследователей полагает, что к разряду собственно общественного можно отнести совокупное сознание далеко не всякой социальной общности. В соответствии с буквальным толкованием термина «общественный» они склонны считать носителем этого сознания лишь общество в целом, а также входящие в его состав «наиболее крупные» общественные группы, в первую очередь классы и социальные слои населения. С данной точки зрения некоторые авторы различают, в частности, «общественное сознание» и «коллективное сознание», понимая под последним сознание отдельных коллективов, малых групп и тому подобных «небольших» социальных образований¹. Очевидные главные минусы этой позиции — неопределенность критериев при проведении количественных границ между «большими» и «небольшими» социальными группами, а также при наделении тех или иных общностей правом быть носителем общественного сознания или при лишении их такого права.

Другие авторы, проявляя необходимую последовательность в суждениях, считают общественным, напротив, сознание любой, всякой социальной общности, независимо от ее размеров и характера. Важно только, чтобы она была действительно *реальной общностью*, а не некоторым условным, номинальным множеством (пусть даже «большим») индивидов (типа тех,

¹ См., например: Теоретические и практические проблемы общественного сознания. Томск, 1980, с. 16.

54

что фигурируют во многих строках и графах статистических отчетов, всеобщих переписей населения и т. д.), то есть чтобы она базировалась на каких-то реальных *общих*

чертах жизнедеятельности входящих в нее людей, отличаясь тем самым определенной устойчивостью в пространстве и времени¹. Соответственно любая, всякая социальная общность может быть и носителем общественного сознания — начиная с человечества в целом и кончая компанией пенсионеров, играющих на бульваре в домино. Важными достоинствами этой позиции, которая мне лично представляется наиболее верной, являются ее последовательность и четкость, а также принципиальная согласованность с Марк-совым пониманием общественного сознания как социальной подсистемы, включающей в себя *всю совокупность* духовных образований, имеющихся в обществе *на всех уровнях* его существования и функционирования. Другое дело, что эта позиция не снимает всех вопросов. Более того, она обостряет многие из них. И в первую очередь — вопросы о существующих в обществе типах социальных общностей, соответствующих им типам общественного сознания, а также сложной иерархии отношений между ними в целостном механизме, целостной картине функционирования и развития того или иного конкретного общества.

Обратимся теперь к двум другим выводам классиков марксизма-ленинизма, сформулированным ими на основе системного рассмотрения общественного сознания, а именно к положе-

¹ О различении в социологии условных и реальных общностей см., в частности: Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980, с. 175—176.

:b

ниям об относительной самостоятельности последнего и его активном характере. И неспециалисту видно, что оба они теснейшим образом связаны с первым выводом и, в сущности, являются прямыми следствиями из него, даже его парафразами, поскольку объявление общественного сознания отдельной подсистемой социального целого уже само по себе означает, что эта подсистема, во-первых, отличается от других, представляя собой некое специфическое образование, во-вторых, взаимодействует со всеми другими подсистемами, то есть активно ведет себя по отношению к ним.

Вместе с тем, имея в виду относительную самостоятельность общественного сознания, хотелось бы подчеркнуть, что она основывается не только на *отличиях* данной подсистемы от всех остальных, но и на ее *связях* с ними, причем как тех, в которых общественное сознание играет активную роль (что само собой понятно), так и тех, в которых оно выступает в качестве «пассивного» члена отношений. Вспомним, что мы говорили выше о «многоступенчатой», «многосторонней» зависимости общественного сознания от разнообразных структур общественного бытия. Будь наша подсистема продуктом исключительно базисных отношений, она вряд ли обладала бы тогда присущей ей самостоятельностью. Но в том-то и дело, что эта подсистема порождается, определяется, детерминируется не только экономической структурой общества, но всей совокупностью существующих в обществе материальных отношений (при этом, как правило, сложным, опосредованным путем). В результате она не может быть сведена ни к одной из порождающих ее социальных подси-

56

стем. Именно здесь скрывается еще одно основание ее относительной самостоятельности. По-видимому, и его имел в виду Ф. Энгельс, когда писал: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая»¹.

Аналогичным образом и вывод об активной роли общественного сознания вытекает не только из системных представлений об обществе в целом. У него есть и более широкое основание в виде диалектико-материалистической теории сознания вообще. Ведь, формулируя в рамках этой теории положения о взаимоотношении, взаимодействии сознания и бытия, В. И. Ленин писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его... Мир не дозвлетворяет человека, и человек своим дей-

твием решает изменить его»². И еще: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды»³.

Вместе с тем именно системный подход позволил выявить специфику активности собственного общественного сознания, усмотреть ее, во-первых, в объективировании сознания в общественной практике человечества, во-вторых, в обратном» воздействии структур сознания на структуры общественного бытия. Первая сторона функционирования общественного сознания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 176.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 194, 195.

³ Там же. с. 104.

S7

ния нашла выражение в знаменитой формуле К. Маркса: теория становится материальной силой, как только она овладевает массами¹. Вторая — в известных фрагментах из переписки Ф. Энгельса: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в *конечном счете* всегда прокладывающей себе путь»². И еще: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты... правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 422.

² Там же, т. 39, с. 175.

58

мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм»¹.

1.3. Принцип развития

Наконец, говоря об общеметодологических основах марксистско-ленинского анализа общественного сознания, необходимо остановиться еще на одном важнейшем принципе, входящем в состав разработанного классиками диалектического метода,— принципе **историзма, развития**, согласно которому общество представляет собой подвижную, изменяющуюся во времени систему, проходящую в процессе своей истории ряд закономерно сменяющих друг друга качественных этапов — общественно-экономических формаций. В соответствии с этим принципом К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин сформулировали в отношении общественного сознания немало важных положений. С точки зрения непосредственного предмета нашего рассмотрения, два из них представляются наиболее существенными:

1) общественное сознание претерпевает вместе с обществом в целом закономерное историческое развитие;

2) общественное сознание в каждый момент своего существования (на каждом этапе своего развития) соответствует основным характеристикам общества, принимая в зависимости от них те или иные исторические формы; в частности, в классовом обществе

оно имеет выражен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394—395. 59

ный классовый характер, существуя прежде всего в виде классового сознания.

Первый вывод, по видимости, не нуждается в особых комментариях, поскольку он с силлогистической необходимостью вытекает из посылок: а) «общество—развивающаяся система», б) «общественное сознание — часть общества». Однако и здесь есть момент, требующий уточнения. Он связан с содержанием понятия «развитие». Дело в том, что многие, если не большинство авторов, пишущих об общественном сознании и отстаивающих на вопросах его развития, говорят о последнем весьма ограниченно — чаще всего лишь как о смене, изменениях в *содержании* взглядов, представлений людей по мере перехода общества от одной общественно-экономической формации к другой.

Разумеется, данное понимание также имелось в виду классиками марксизма-ленинизма. «Коммунистическая революция,— писали, в частности, К. Маркс и Ф. Энгельс,— есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого»¹. Вместе с тем категория «развитие», будучи релевантной, соответственной объектам, имеющим системный характер, включает в себя не только и даже не столько эту сторону. Взгляд на общественное сознание как на подсистему более широкого целого заставляет усматривать в его развитии прежде всего качественные изменения в самой *структуре* данной подсистемы, а также характере ее

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 446.

80

взаимодействия с системой в целом. А это — изменения, которые охватывают уже принципиально иной круг явлений: возникновение в составе подсистемы новых составляющих, преобразование связей (соответственно положению внутри подсистемы) старых составляющих, изменение функций, роли подсистемы в целом, а также отдельных ее элементов в рамках более широкого целого и т. д.

Развивается ли в *этом* смысле общественное сознание? Безусловно.

Известно, прежде всего, что такие традиционно выделяемые его образования, как политические, моральные, философские, религиозные и т. п. формы, образуются в истории человеческого общества не одновременно. Известно, далее, что, раз возникнув и сосуществуя друг с другом, различные формы, виды, типы (вообще любые составляющие) общественного сознания занимают в его структуре отнюдь не постоянное, раз и навсегда данное место и, следовательно, играют в различные периоды существования этой структуры неодинаковую роль. В истории общества время от времени происходит, так сказать, реструктурирование общественного сознания, в результате чего его отдельные составляющие перемещаются с «периферии» в «центр» и наоборот. Подобные процессы бывают следствием изменений в самом составе общественного сознания — например, могут вызываться появлением в нем каких-то новых, возмущающих всю систему элементов. Иногда же их корни целиком лежат в изменяющихся характеристиках общественного бытия. Именно такого рода причины привели, в частности, к резкому усилению роли религиозного сознания в эпо-

61

ху средневековья. «Догматы церкви,— писал о том времени Ф. Энгельс,— стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона... Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»¹.

Наконец, со всей определенностью можно говорить и о том, что по мере исторического развития общественного сознания меняется как его общая роль, так и

значение и функции его отдельных составляющих в жизни общества в целом. Прямым свидетельством в пользу первого утверждения является доказанное всей общественной практикой текущего столетия постоянное усиление роли субъективного фактора в истории. Для иллюстрирования второго можно было бы сослаться на беспрецедентный авторитет науки во многих современных обществах, на ее эффективное, вызывающее массу осязаемых последствий проникновение в самые различные (в том числе традиционно считавшиеся несовместимыми с научными представлениями) сферы общественного бытия — экономику и политику, технику и художественное творчество, отношение людей к природе, друг к другу и т. д.

Словом, общественное сознание развивается не только со стороны своего содержания, но и со стороны своих форм, своей структуры, своих функций. И ясно, что эту его характеристику следует относить не только к удаленным от

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 360—361. 62

нас — прошлым и будущим — эпохам, но и к новейшему времени, к сегодняшнему дню, к жизни современных обществ. На этот момент хотелось бы обратить особое внимание читателя. И в силу его чрезвычайной общей актуальности, связанной с решениями апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, XXVII съезда КПСС, январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, провозгласившими новый курс развития социалистического общества, основанный на всестороннем развертывании научно-технического прогресса и активном использовании человеческого фактора. И в силу того, в частности, что он составляет один из исходных методологических пунктов выделения и анализа массового сознания как специфического типа общественного сознания, функционирующего в современном обществе.

Формулируя в общем виде второй из приведенных выше выводов, К. Маркс писал: «Совокупность... производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6—7.

03

Обычно эти положения используются исследователями при обсуждении проблем адекватности или неадекватности отражения общественного бытия общественным сознанием, а также так называемого отставания развития последнего от развития первого. В свете предмета нашего рассмотрения наиболее существенным в них представляется иной аспект, а именно мысль о *соответствии*, точнее — *историческом соответствии* общественного сознания социально-экономической структуре общества. Всякая революционная смена производственных отношений, утверждает К. Маркс, вызывает соответствующие изменения в характеристиках надстройки и общественного сознания. Отсюда следует, что в каждый данный момент жизни общества должно иметь место определенное историческое соответствие характеристик общественного сознания особенностям «нижних», более глубоких уровней, «этажей» социальной системы.

На первый взгляд может показаться, что данный тезис — не более чем иное выражение рассмотренной в самом начале формулы «общественное бытие определяет общественное сознание»: там речь шла о том, что сознание *зависит* от бытия, здесь — что оно *соответствует* ему. В действительности, однако, между этими двумя утверждениями имеется немалая разница, хотя они достаточно близки друг к другу и в не-

которых контекстах могут даже выступать в качестве синонимических.

Их существенное несовпадение ярче всего обнаруживает себя в круге теоретических проблем, которые возникают в ходе конкретизации рассматриваемых формул. В первом случае, как

М

мы видели, основная трудность заключалась в уточнении понятия «общественное бытие». Теперь же главный камень преткновения — в понимании характера указанного соответствия, то есть в решении весьма сложной проблемы *исторических границ* общественного сознания, существующего в том или ином обществе. Ее смысл выражается вопросом: какие именно, с формальной и содержательной точек зрения, духовные образования, фактически наблюдаемые в обществе, входят и, следовательно, должны быть отнесены (в теории и на практике) к *его, данного* общества, общественному сознанию — все ли без исключения или лишь те, что в узком смысле слова соответствуют коренной специфике, его базиса и надстройки, связаны непосредственно с этой спецификой? Данный вопрос может быть сформулирован и иначе: ясно, что каждый элемент общественного сознания определяется общественным бытием данного общества, но каждый ли элемент этого сознания соответствует основным историческим характеристикам последнего?

Актуальность и острота этих вопросов обусловливается целым рядом объективных явлений, без труда обнаруживаемых в духовной жизни современного общества. Одно из них — так называемые пережиточные, реликтовые элементы сознания, доставшиеся обществу от предшествующих времен. Например, религия в рамках социалистического общества или некоторые традиционные максимы обыденной житейской морали не совместимы с провозглашаемыми этим обществом принципами коммунистической нравственности. Имея в виду данный феномен, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...различные

3 Б. А. Грушин

65

ступени и интересы никогда не преодолеваются полностью, а лишь подчиняются побеждающему интересу, продолжая на протяжении веков влачить свое существование рядом с ним. Отсюда следует, что даже в рамках одной и той же нации индивиды, если даже отвлечься от их имущественных отношений, проделывают совершенно различное развитие...»¹ К нему же относится и знаменитая формула Маркса: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»².

Следующий тип явлений, о которых теперь идет речь,— элементы сознания, проникающие в данное общество, так сказать, «со стороны» — из других, соседних с ним, в том числе коренным образом отличающихся от него по своим социально-экономическим и общественно-политическим характеристикам, обществ. В новейшее время, когда всевозможные виды контактов в мире в огромной степени увеличились, данный феномен, как известно, приобретает массовый характер. При этом он включает в себя не только разного рода «нейтральные», безразличные к идеологии, но и откровенно окрашенные в идеологические тона, то есть враждебные данному обществу, духовные образования. Таковы, в частности, разнообразные политические идеи, образцы поведения, художественные вкусы, принадлежащие к корпусу типично буржуазного сознания, которые, пересекая границы социалистических государств, оседают в умах более или менее широких слоев их населения.

Наконец, значительное место в духовной жизни каждого общества занимают элементы созна-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 66.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 119.

ВВ

ния, рожденные в иные исторические эпохи и в иных современных обществах, но

относящиеся к разряду так называемых культурных ценностей данного народа или всего человечества. В их числе — выдающиеся творения науки и искусства, разнообразные национальные и народные традиции и т. п. Не будучи связаны своим происхождением с жизнедеятельностью данного общества, эти элементы сознания тем не менее принимаются им в качестве его собственных, активно включаются в каждодневное обращение, в том числе путем распространения по каналам воспитания, образования, массовой коммуникации.

В каком отношении к общественному сознанию общества находятся перечисленные явления? Входят ли они в его состав или сосуществуют рядом с ним в качестве какого-то особого образования? Если верно первое, то как тогда совместить этот факт с тезисом о соответствии общественного сознания основным особенностям, коренным историческим характеристикам общества? Если же верно второе, то где, собственно, проходят (должны быть проведены) границы общественного сознания и что, собственно, представляют собой эти лежащие вне его духовные образования, как их следует квалифицировать? Так стоят вопросы.

К сожалению, большинство исследователей общественного сознания до сих пор избегало их рассмотрения, хотя, разумеется, не могло не знать об их существовании — у многих ведь еще на памяти времена, когда та же религиозная вера объявлялась в условиях социализма чистым «пережитком сознания», то есть образованием, не имеющим никаких материальных оснований

8·

(17

в жизни общества (вот тебе и определяется бытием!) и тем более не совместимым с его общественным сознанием. Однако из общего правила есть исключения. И, пожалуй, самое яркое из них — пользующаяся у нас достаточным авторитетом книга Л. К. Уледова «Структура общественного сознания».

«...Общественное сознание,— читаем мы там,— является стороной духовной культуры. Эти понятия не совпадают не только потому, что духовная культура включает в свое содержание самое производство идей, взглядов, теорий и т. д., их распределение и потребление, но и потому, что понятие «духовная культура» обнимает со-бой всю совокупность идейных ценностей, созданных человеком на протяжении всей его истории. Понятие же «общественное сознание» включает в свое содержание прежде всего совокупность идей, взглядов, представлений и других образований данной эпохи. Скажем, общественное сознание прошлых эпох не включается в социалистическое общественное сознание, но оно существует в виде памятников духовной культуры — в произведениях литературы и искусства, в обычаях, традициях и т. д.» Общественное сознание «есть воспроизведение людьми действительности в виде идей и представлений, теорий и взглядов на данном этапе исторического развития и отношение к ней. В этом проявляется его особенность как духовного явления. Однако отмеченная специфика относительна, ибо общественное сознание — это сторона целого, то есть духовной культуры. Общественное сознание нельзя представить обособленно, вне духовной культуры. В самом деле, произведенные идеи, понятия, представления и другие духов-

на

ные образования материализуются в языке, в книгах и иных материальных воплощениях культуры. Овладевая продуктами духовного производства, «распредмечивая» их, то есть переводя в идеальный план заключенное в них содержание, люди тем самым овладевают и общественным сознанием»¹.

Оставляя теперь в стороне некоторые неясности и противоречия, содержащиеся в приведенном тексте, отметим главную мысль автора: общественное сознание общества охватывает собой *далеко не все* духовные образования, характеризующие жизнь данного общества, то есть имеет определенные *границы*, соседствуя и взаимодействуя с иными формами идеального. Правда, о самих этих границах в книге говорится довольно туманно,

в терминах «данная эпоха», «данный этап исторического развития», однако из общего контекста рассуждений, в частности из ссылки на «социалистическое общественное сознание», можно понять, что речь идет прежде всего о границах отдельных общественно-экономических формаций. Тогда получается, что в состав общественного сознания того или иного общества входят лишь те элементы его сознания, которые *рождены* непосредственно общественно-экономическим строем самого этого, данного общества, отражают *его* историческую специфику.

Что можно сказать по поводу такой позиции? На мой взгляд, ее следует оценить как неверную, поскольку здесь искусственно разрывается *единая ткань* существующего в обществе сознания, в результате чего становится невозможным понимание многих действительных форм и

¹ Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 41, 42.

00

механизмов его функционирования. Конечно, всякая абстракция, всякая классификация огрубляет, омертвляет действительность, разрывает живые связи. К тому же А. К. Уледов активно подчеркивает момент взаимодействия общественного сознания и других духовных формирований, присутствующих в обществе. Однако речь сейчас не об этом. Речь о том, что исключаемые из сферы общественного сознания явления духовной культуры (равно как реликтовые и «занесенные извне» элементы сознания) *по своему объективному положению являются совершенно такими же реальными составляющими сознания данного общества*, как и те, что рождены непосредственно им самим. Те и другие не просто связаны друг с другом, не просто взаимодействуют, но образуют единое — пусть очень сложное по своей структуре, пусть противоречивое — целое, нередко неразрывно слиты, спаяны друг с другом в причудливые формы-кентавры. Более того, сам момент вхождения (включения, занесения и т. д.) этих «посторонних» образований в сознание общества ни в коей мере не является случайным. Он также обусловлен практической деятельностью общества, теми или иными особенностями его исторического развития, хотя — нет спору — в случаях, так сказать, «органических» и «посторонних» элементов сознания эта обусловленность имеет различный характер (может быть, к примеру, прямой и косвенной), связана с различными сторонами общественного бытия (коренными и «второстепенными») и т. д.

Вместе с тем нельзя не видеть, что подобное «расширительное» (если уж пользоваться этой злополучной терминологией) толкование обще-

то

ственного сознания отнюдь не заключает в себе действительного решения обсуждаемой проблемы. Ведь, обратившись ко *всей* совокупности духовных образований, имеющих в обществе, как составляющим его (общества) сознания, мы конечно же не можем отвлечься от того объективного факта, что в составе этой совокупности присутствуют *различные исторические элементы* — как свойственные исключительно данному обществу, так и присущие иным типам обществ. Иными словами, общественное сознание предстает теперь не в качестве «чистого», а в качестве «смешанного» — в генетическом отношении — образования. Поэтому проблема исторической типологии обнаруживаемых в обществе форм идеального не снимается, она просто переносится «внутри» общественного сознания, как не снимается и сформулированный выше главный вопрос: каким образом столь широкое тол-* кование общественного сознания может быть совмещено с тезисом о соответствии этого сознания специфическим особенностям, коренным историческим характеристикам общества?

Что касается первой из названных проблем, то конспективное описание ее возможного решения, на мой взгляд, должно заключаться в следующем: во-первых, в том, чтобы различить в составе общественного сознания элементы, порожденные данным обществом, и элементы, тем или иным способом приобретенные им; во-вторых, в том,

чтобы более близким образом определить последние — как с точки зрения времени их происхождения (от обществ, предшествующих данному или современных с ним), так и с точки зрения способа их приобретения (сознательная ассимиляция, наследство, проникнове-

71

ние со стороны); в-третьих, в том, чтобы оценить образовавшееся множество элементов по шкале «соответствия — несоответствия» основным историческим (социально-экономическим и общественно-политическим) характеристикам данного общества с учетом не только «крайних», позитивных и негативных, но и «нулевого», то есть нейтрального, пунктов этой шкалы. Полученная в результате такой многоэтапной операции картина как раз дает представление об основных типах составляющих общественного сознания, выявленных с точки зрения их отношения к исторической специфике общества.

На самом общем, предельно абстрактном уровне рассмотрения предмета (без уточнения социально-экономической определенности «других» обществ, разного рода «пограничных» ситуаций и т. д.) решение задачи примет вид типологии, представленной на рис. 1, где фигурируют следующие типы элементов общественного сознания:

1 — порожденные данным обществом и отражающие его коренные исторические особенности, соответствующие им;

2 — порожденные данным обществом и нейтральные по отношению к его исторической специфике;

3 — порожденные данным обществом, но не соответствующие его коренным историческим чертам, в том числе противоречащие им;

4, 7—порожденные «другими» обществами, но активно ассимилируемые данным обществом в качестве более или менее соответствующих его коренным чертам;

5, 6 — порожденные предшествующими обществами и переданные данному по наследству;

72

8, 9 — порожденные «другими» современными обществами и занесенные в данное общество *ем или иным путем.

$\wedge v$ - Знак отношения со- \wedge ч. знания к историче- \wedge ч. ской специфике дан- \wedge ч. ного общества Место и время по- $\wedge N$ рождения сознания \wedge ч.				
Данное общество «Другие» общества, предшест- вующие данному «Другие» общества, современные данному	4	5	6	

Рис. 1. Типы элементов общественного сознания в зависимости от места и времени их происхождения, а также характера отношения к исторической специфике данного общества.

Что же касается главной) вопроса, то при его рассмотрении следует вспомнить, что общественное сознание представляет собой не просто набор, конгломерат различных образований, но нечто единое, целое — *систему*, в которой все Образовали занимают определенное место и связаны друг с другом определенными отношениями. Ведь это

только на схеме типы 1, 4, 7 выглядят ВПОДПО «равноправными!» со всеми остальными. В действительности же их положение в составе общественного сознания любого стоящего на собственных ногах, то есть имеюще-

73

го четко выраженное историческое лицо, общества существенно отличается от положения всех прочих элементов.

Прежде всего с чисто *количественной* точки зрения они представлены в общественном сознании общества при прочих равных обстоятельствах, безусловно, значительно шире, чем другие типы составляющих. Если бы можно было изобразить общественное сознание в виде некоторой карты, окрашенной в различные цвета, краска, соответствующая в приведенной типологии знаку «+», покрыла бы большую часть этой карты. Конечно, социологи не умеют еще квантифицировать (количественно измерять) такие объекты, как общественное сознание. Поэтому сегодня, строго говоря, никто не может сказать, какие действительные пропорции существуют в общественном сознании того или иного общества между его «*позитивными*» (в указанном смысле) и «*нейтральными*» элементами. Однако до и без всякой квантификации можно совершенно определенно утверждать, что «*позитивные*» типы 1, 4, 7 *несопоставимо преобладают* в составе общественного сознания любого определенного в историческом отношении общества в сравнении с «*негативными*» типами 3, 6 и 9¹. Данный факт подтверждается многочис-

¹ В целях рассмотрения проблемы в «чистом» виде наш анализ отвлекается от разного рода «промежуточных» состояний — так называемых переходных ПОДВОДОВ в развитии различных обществ. Ясно, что на подобных этапах истории соотношения рассматриваемых элементов в составе общественного сознания МОИВИ быть и будут, как правило, несколько иными.

Например, в процессе становления НОВОГО, молодого, победившего в результате революции общества в структуре его общественного сознания еще долгое вре-

71

менными эмпирическими исследованиями, касающимися сферы общественного сознания, а также иных сфер жизни общества. Впрочем, нужны ли тут какие-либо специальные исследования, если главным доказательством названного факта становится уже... само объективное существование соответствующего общества как устойчивого, находящегося в состоянии «равновесия» целого. Указанное соотношение «позитивных» и «негативных» элементов общественного сознания — неперемное условие нормального функционирования всякого общества, залог и одновременно показатель его относительной стабильности, одна из существенных предпосы-

мя могут весьма широко присутствовать составляющие 6-го типа (как это было, в частности, в России после Октября, где острова собственно социалистического, пролетарского сознания были окружены морями мелкобуржуазной идеологии и психологии). Напротив, в сознании общества, экономическое и духовное состояние которого отмечено печатью всеобщего кризиса и распада, общества, находящегося в предреволюционной ситуации, относительно широкое развитие получают элементы, активно отрицающие и базис, и надстройку этого общества — в первую очередь относящиеся к типу 3 (хотя, стоит заметить в скобках, говорить о каком-либо количественном преобладании указанных элементов в общественном сознании в последних случаях — как об этом свидетельствует опыт социальных революций в истории человечества -- все равно не приходится).

Вместе с ТЮМ и во всех «промежуточных», «переходных» ситуациях тезис о соответствии характеристик общественного сознания коренным характеристикам общества не теряет своего значения. Просто теперь «сложная», «смешанная», «многоукладная» социальная природа общества отражается в «сложной» же, «смешанной» структуре существующего в нем сознания.

75

лок сохранения им своей исторической определенности.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть: классики марксизма-ленинизма не раз отмечали, что выраженное превалирование в общественном сознании капиталистического общества собственно буржуазного сознания — закономерное, естественное явление. Именно с ним В. И. Ленин связывал основные трудности распространения социалистической идеологии среди рабочих. «Но почему же — спросит читатель — стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? — писал он.— По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает *неизмеримо* большими средствами распространения... Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему»¹.

Но, дело, конечно, не только в количественных отношениях, в «удельных весах» тех или иных элементов в составе общественного сознания. Дело также — и в первую очередь! — в *качественных* свойствах рассматриваемой социальной подсистемы, в характере самих связей, зависимостей между различными историческими типами входящих в нее образований. «Индивиды, составляющие господствующий класс,— писали об атом стороне проблемы К. Маркс и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 11.

76

Ф. Энгельс,— обладают, между прочим, также и сознанием и, стало быть, мыслят; поскольку они господству!» именно как класс и определяют данную историческую эпоху во всем ее объеме, они, само собой разумеется, делают это во всех ее областях, значит господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей; они регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи»¹. И еще: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть вместе с тем и его господствующая *духовная* сила»².

Таким образом, элементы сознания, соответствующие коренным чертам данного общества, порождаемые его специфическими базисными и надстроечными отношениями и «обслуживающие» последние, не просто преобладают количественно. Они занимают в структуре анализируемой системы *центральное место*, играют в ней *ведущую роль*, и это накладывает существенный отпечаток на положение и функции всех остальных ее исторических образований.

К числу господствующих в общественном сознании общества, по определению К. Маркса, следует отнести, разумеется, составляющие 1-го типа (порожденные данным обществом и соответствующие его коренным историческим особенностям) и, но крайней мере, часть составляющих 4-го и 7-го типов (порожденных другими обществами, но активно ассимилируемых

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 43.

² Там же, с. 42—43.

77

данным обществом в качестве более или менее соответствующих его коренным чертам)¹. Как те, так и другие не просто рядоножены с иными историческими элементами системы, но ставят их в *зависимое, подчиненное* от себя положение, влияя на их содержание, обуславливая форму их существования, определяя механизмы их функционирования и т. д.

Это верно уже в отношении тех духовных образований прошлых эпох и современности, которые, не будучи прямо окрашены в идеологические цвета

господствующего класса общества, тем не менее активно ассимилируются им из сокровищниц человечества. А. К. Уледов, как мы видели, относил к духовной культуре общества (а по нашей терминологии — к его общественному сознанию) *всю* совокупность идейных ценностей, созданных человеком на протяжении *всей* его истории. Ясно, однако, что это, как минимум, преувеличение. В действительности каждое общество использует для широкого обращения, то есть активного внедрения в общественное сознание, *весьма ограниченную*, можно даже сказать, незначительную часть

¹ Подобное решение не представляется безусловным. Возможно, гораздо логичнее было бы говорить здесь о 4-м и 7-м типах сознания полностью. Однако слишком уж неодинаковы, слишком разнокалиберны входящие в них элементы с точки зрения их содержательной близости к «мыслям господствующего класса»: одни из них прямо совпадают с этими мыслями, другие — лишь косвенно, третьи — вообще весьма условно связаны с ними. Что ни говори, но Маркс, Шекспир и Аристотель занимают явно различные места в общественном сознании нынешних социалистических обществ, несмотря на то, что творения этих гениев равно отнесены здесь к разряду высших ценностей в истории человеческого духа.

7S

этих богатств. И не только потому, что упомянутая «совокупность» практически необъятна, технически недоступна ни для одного отдельного общества и, следовательно, уже в силу лишь :>того не может актуально фигурировать в его духовной жизни. Дело и в другом — в том, что каждое общество достаточно придирчиво относится к собственной предыстории, а также к истории всего человечества, тщательно соотнося опыт «других» с собственными целями и представлениями о способах их достижения. С той или иной степенью осознанности (не исключаяющей, впрочем, множества случайностей) оно вырабатывает свой набор критериев, в соответствии с которым производит селекцию (отбор) исторического и современного зарубежного материала. И главное отличительное свойство ассимилируемых им таким образом элементов сознания «других» эпох и обществ — как раз их подчиненность собственным взглядам и образцам.

В еще большей мере в подчиненном, зависимом положении от элементов общественного сознания, порожденных данным обществом и соответствующих его коренным, историческим особенностям, находятся разного рода «негативные» составляющие общественного сознания. Испытывая мощный прессинг со стороны первых, находясь по отношению к ним в состоянии явной или неявной конфронтации, они, как говорили К. Маркс и Ф. Энгельс, «влачат» свое существование рядом с ними, а если и набирают реальную силу, то лишь так или иначе приспособившись к господствующему сознанию, считаясь с ним — в частности, облекаясь в соответствующие ему (иногда просто предла-

79

гаемые им) формы, камуфлируясь и под него, принимая навязываемые им (и стоящим «за ним» аппаратом по производству и распространению сознания в обществе) способы функционирования и т. д.

Словом, «мысли господствующего класса» действительно господствуют в общественном сознании каждого классового общества. Господствуют и количественно, и качественно. Поэтому именно они определяют лицо — общий характер и основные свойства данной социальной подсистемы на каждом этапе исторического развития общества и, следовательно, ее собственного исторического развития. И так как именно они отражают главные черты базиса и надстройки общества, мы можем с полным основанием утверждать, что всякое общественное сознание, несмотря на его генетически сложный («смешанный», противоречивый) состав, всегда тем не менее соответствует коренным историческим особенностям своего общества.

Данный факт был закреплен наукой в понятии «исторические типы общественного сознания» — понятии, фиксирующем не исторические типы *отдельных составляющих*

общественного сознания, о которых мы говорили до сих пор, во именно типы этого сознания *в целом*. В связи с выделением в человеческой истории предельно широких этапов, отмечающих, с одной стороны, существование классово-антагонистических обществ и, с другой — приходящего им на смену бесклассового общества, основоположники марксизма-ленинизма различали прежде всего соответствующие им, столь же широкие исторические типы общественного сознания. «История всех доньше существовав-

80

ших обществ,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно... Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов»¹.

Этот принципиальный подход получил свою дальнейшую конкретизацию на базе выделения в истории отдельных общественно-экономических формаций. В соответствии с ними в марксистско-ленинской философии и социологии различаются собственно общинное, рабовладельческое, феодальное, буржуазное и коммунистическое (социалистическое) общественные сознания. Отмечая определенные ступени исторического развития человеческого духа, то или иное из них является определяющим в общественном сознании соответствующего типа общества. Вместе с тем каждое из них никогда не заполняет собой всего «пространства» сознания, реально существующего в том или ином обществе. Поэтому-то «буржуазное общественное сознание» и «сознание капиталистического общества», равно как «социалистическое общественное сознание» и «сознание социалистического общества»,— безусловно разные вещи. Первые категории в этих парах фиксируют как раз определенные исторические типы общественного сознания, которые господствуют в указанных обществах; вторые же подчеркивают

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 445—446.

81

генетически сложный, «смешанный» состав их реального сознания, паличие в нем, наряду с названными господствующими формами, множества иных исторических образований.

Глава 2

СОСТАВ И СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

2.1. Задачи анализа и синтеза

Теперь, после того как мы охарактеризовали общеметодологические принципы рассмотрения общественного сознания, познакомились с основными положениями классиков марксизма-ленинизма, перейдем непосредственно к вопросу: что же представляет собой интересующий нас предмет с точки зрения самой его «плоти» — тех входящих в его состав конкретных, простых и сложных, образований, которые до сих пор расплывчато именовали его «составляющими», «элементами», «формами», «видами», «сферами» и т. д.

По-видимому, менее всего он решен сегодня в отношении простейших, самых элементарных, не разложимых далее составляющих общественного сознания, хотя громкая тревога по этому поводу прозвучала еще два десятилетия назад, когда З. В. Соколов констатировал: «До сих пор печетко различаются. простые, функционально однородные частички общественного сознания, то есть «элементы» в собственном смысле, и более сложные образования, состоящие из ряда функционально неоднород-

на

ных элементов»¹. С того времени ситуация не изменилась. Как и прежде, каждый из авторов относит к разряду простейших свой собственный «набор», в том числе отнюдь не элементарных, составляющих общественное сознания, в котором в разных комбинациях фигурируют «взгляды», «представления», «теории», «чувства», «идеи»,

«вкусы», «эмоции», «оценки», «привычки», «интересы», «настроения» и т. д. и т. п.— несть им числа... У самого Э. В. Соколова в статье говорилось, в частности, о «знаниях», «верованиях», «убеждениях», «мнениях» и «нормах».

Значительными разногласиями отмечено также понимание тех или иных сложных образований в составе рассматриваемой системы. Казалось бы, па что уж подробно проработана в литературе проблематика так называемых форм общественного сознания (в узком смысле этого слова), однако и здесь с давних пор имеется немало дискуссионных вопросов. К примеру, в упоминавшейся книге В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона речь шла о семи таких формах: политической идеологии, правосознании, морали, религии, науке, искусстве и философии. Г. М. Гак полагал, что «классики марксизма-ленинизма относят к формам общественного сознания политические взгляды и учения, правовые, моральные, религиозные, художественные, философские. Но нигде в особую форму общественного сознания не выделяется наука (все равно естественная или обществен-

¹ Соколов Э. В. О некоторых элементах и структуре общественного сознания.— Философские науки, 1967, № 1, с. 45.

83

ная)»¹. В статье же Л. Г. Спиркина в «Философской энциклопедии» о формах общественного сознания говорится дважды, *однако* по-разному: в одном случае упоминаются те же семь форм, что и у В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, в другом — хотя и снова семь, но уже несколько иных — без политических взглядов, зато с добавлением социальной психологии².

Аналогичным образом обстоит дело и в отношении макроструктуры рассматриваемой системы в целом. Так, авторы книги «В лабиринтах буржуазного сознания» утверждают, что общественное сознание представляет собой совокупность «идеологических представлений, в которых люди осознают характер общественных *отношений* и борются за их изменение», или «сумму существующих в каждую эпоху теоретических и стихийных... идеологических представлений»³. Получается полное отождествление сознания *общества* с идеологией. В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон наряду с идеологией выделяют в структуре общественного сознания собственно познание⁴. По мнению же Г. М. Гака, в этой структуре «надо различать общественную психологию и идеологию», причем идеология приравнивается им «к логической ступени познания», так что «можно вполне заменить термин «идеология» термином «теория»⁵. И так далее.

¹ Гак Г. М. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960, с. 91.

² См.: Философская энциклопедия, т. 5, с. 47, 43.

³ В лабиринтах буржуазного сознания, с. 28.

⁴ См.: Келле В., Ковальзон М. Формы общественного сознания, с. 11—13.

⁵ См.: Гак Г. М. Учение об общественном сознании в свете теории познания, с. 3, 42, 79. Аналогичных

84

Словом, на всех уровнях анализа — снова та же, уже знакомая нам ситуация спора, в которой за различиями во мнениях исследователей, в их подходах к анализируемому предмету скрываются, по-видимому, в первую очередь его с большим трудом поддающиеся описанию объективные свойства. Ведь оцениваемое со стороны его микро- и макросоставляющих, общественное сознание в самом деле представляет собой чрезвычайно, можно даже сказать, беспрецедентно сложную систему. И главная сложность ее заключается не столько в значительном *количестве* входящих в нее элементарных образований, сколько в чрезвычайном богатстве конкретных форм их проявления, возникающих в результате разнообразных комбинаций друг с другом, иными словами, в «запутанности» их *связей*, в многообразии их *качественных характеристик*, которые могут быть выявлены лишь при условии многократного расчленения данной системы с использованием самых различных оснований деления.

«Общественное сознание,— справедливо пишет А. К. Уледов,— это сложное и многогранное явление общественной, жизни. Его нельзя изучать и раскрывать присущую ему структуру в каком-либо одном аспекте или плане, как нельзя, скажем, дать характеристику пространству, пользуясь одним измерением. Важным методологическим принципом служит многоплановость подхода к изучению общественного

взглядов придерживался и Б. Ф. Поршнев, по мнению которого «общественное сознание состоит не только из идеологии, т. е. теорий, мировоззрений, систем, но и из психологии» (Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979, с. 15—16).

85

сознания, определяемая многообразием связей и отношений данного феномена с другими явлениями: объектом отражения, социальными условиями, в которых осуществляется отражение, историческими условиями выражения и деятельности сознания и т. д... Общественное сознание выступает, с одной стороны, как процесс отражения действительности, а с другой — как определенный результат отражения, как его продукт, воздействующий на общественное бытие. Структура сознания в этих случаях будет различной»¹.

Имея в виду преимущественно последний аспект, сам А. К. Уледов предложил в своей книге четыре максимально широких, как ему представляется, расчленения общественного сознания: по его «видам», «сферам», «типам» и «состояниям». В первом случае речь идет о выделении в изучаемом объекте нравственного, политического, правового, религиозного, эстетического и философского сознаний; во втором — о различении в нем общественной психологии, идеологии и науки; в третьем — об исторических типах общественного сознания, соответствующих основным этапам развития человеческого общества; в четвертом — о некоторых совокупных характеристиках общественного сознания в целом, а также его отдельных (по-видимому, наиболее крупных) образований.

Однако тем, кто мало-мальски знаком с литературой, известно, что названные «разрезы» далеко не исчерпывают всех существующих (и тем более в принципе допустимых) направле-

¹ Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 27, 6.

86

ний анализа рассматриваемой системы. В том числе на глобальном, то есть касающемся системы в целом, уровне ее расчленения. Так, А. Г. Спиркин выделяет в ней, помимо прочего, во-первых, собственно знания о действительности, во-вторых, некоторые образования (в частности, эмоции), выражающие отношение человека к этой действительности¹. В предыдущем параграфе, как мы помним, речь шла о типологии, описывавшей систему общественного сознания в зависимости от генезиса (места и времени происхождения) ее составляющих. Во многих других случаях те или иные типы сознания выделяются на основании особенностей его содержания (объекта отражения), способов возникновения (так называемые стихийные и институционализованные формы), субъектов — носителей сознания, его социальных функций, отношения к господствующим в обществе «мыслям» (официальное и неофициальное сознания) и т. д. и т. п.

Картина в целом становится еще плюралистичней при переходе к субглобальному уровню рассмотрения системы, поскольку каждое из ее первоначально выделенных макрообразований предполагает, в свою очередь, как правило, снова не одно, а несколько различных оснований деления. Например, в сфере «отражающего сознания» («знаний») традиционно выделяются два уровня — так называемого обыденного и теоретического сознания, а по Э. В. Соколову — даже целых четыре: «эмоционально-заинтересованного», «чувственно-созерцательного», «рассудочно-логического» и «ра-

¹ См.: Философская энциклопедия, т. 5, с. 45, 46.

87

Ни

зумпо-диалектического» сознания¹. Кроме того, в той же сфере, в зависимости от характера («качества») отражения действительности, различаются истинные, ложные и превращенные формы (элементы) сознания. И чем глубже мы спускаемся «по вертикали» в строение системы, чем детальней рассматриваем каждый из «горизонтальных» пластов ее структуры, тем меньшим числом характеристик начинает обладать каждое ее составляющее, тем беднее становятся его связи с остальными элементами системы и тем сложнее, следовательно, выделить это составляющее в «чистом», «свободном» виде, закрепить его в соответствующей абстракции — дать ему «плоть» и «название», если пользоваться поэтической строкой Г. Аполлинера.

Подобное, описанное К. Марксом движение от конкретного к абстрактному, имеющее своей *непосредственной задачей* выделение некоторого числа простейших, в собственном смысле слова элементарных, составляющих системы, как известно, не является самоцелью. Это не более чем этап всего исследования, необходимая предпосылка для осуществления обратного движения — восхождения от абстрактного к конкретному, с помощью которого только лишь и можно достичь *конечной цели*: воспроизвести конкретное во всем богатстве его реальных, эмпирически воспринимаемых форм².

¹ См.: Соколов Э. В. О некоторых элементах и структуре общественного сознания. — *Философские науки*, 1967, № 1, с. 44.

¹ Блестящая характеристика взаимоотношения конкретного и абстрактного знания в процессе научного воспроизведения сложного целого содержится во «Введении» К. Маркса к *Экономическим рукописям*

88

Но если завершающий работу синтез невозможен без предварительного анализа, то и начинающий ее анализ, чтобы быть успешным, должен иметь в виду свою конечную цель, в частности осуществляться в соответствии с методами и правилами, которые могли бы гарантировать успех всего предприятия...

К сожалению, исследователи, занимающиеся структурой общественного сознания, в большинстве своем, как правило, не видят стоящей перед теорией проблемы синтеза и ограничивают свои задачи лишь теми или иными «параллельными» (непересекающимися) аналитическими расчленениями системы. «В марксистской философии, — отмечает А. К. Уледов, — признается существование тесной взаимосвязи видов, сфер сознания... а тем самым и его целостность. Однако целостность общественного сознания в нашей литературе в должной мере не раскрывается, о чем можно судить уже по тому, что выяснение взаимодействия видов сознания не идет дальше анализа связи тех или иных пар или групп сознания. При таком ана-

1857—1859 годов. «Конкретное потому конкретно, — писал там Маркс, — что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути (движении «от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям...». — *Б. Г.*) полное представление подверглось испарению путем превращения его в абстрактные определения, на втором пути (восхождении от абстрактного к конкретному. — *Б. Г.*) абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством «Аг мышления» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 46, ч. I, с. 37).

89

лизе деятельность общественного сознания, взятого в целом, остается нераскрытой» *К*

Что верно, то верно! Более того, у многих исследователей наблюдается даже какая-то робость перед лицом данной задачи. Не случайно некоторое время назад во многих

статьях и книгах дружно цитировались слова одного ереванского философа: общественное сознание нельзя, мол, «разложить по полочкам» как какое-нибудь материальное вещество... Да кто же с этим будет спорить! Конечно же *так* нельзя. Но ведь *иначе* можно. И, главное, нужно — потому что без такого «раскладывания» невозможен вообще никакой системный анализ, невозможна никакая наука. Иное дело — как «раскладывать» общественное сознание, на *какие* именно «полочки» и *каким* образом потом их собрать все вместе.

2.2. Гносеологический и социологический аспекты исследования. Линейное и многомерное расчленение объекта

В ходе обсуждения этих вопросов многие исследователи пришли к выводу, что еще до осуществления каких бы то ни было конкретных

¹ Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 253. Кстати, сам А. К. Уледов в своей книге также ушел от проблемы синтеза. «Целью данной работы,— говорит он во введении,— является главным образом выяснение методологических принципов изучения общественного сознания, его структуры. В ней подробно не рассматриваются определенные структурные образования сознания. Такую задачу ставят перед собой

90

расчленений общественного сознания по тому или иному основанию необходимо различать два принципиальных аспекта его анализа — гносеологический и социологический. Наиболее подробное обоснование такого подхода, детальное рассмотрение существа названных аспектов мы находим в работах А. К. Уледова, большой заслугой которого было, помимо прочего, концентрирование внимания исследователей на собственно социальных проблемах общественного сознания. «Гносеологический аспект,— по его мнению,— предполагает анализ связей и отношений общественного сознания прежде всего с объектом отражения, выяснение того, как совершается общественное познание, в чем состоит специфика его форм в зависимости от способа отражения, каков путь познания истины и т. д. Гносеологический аспект — это рассмотрение основных вопросов теории познания применительно к общественному познанию. Социологический аспект — это анализ общественного сознания, занимающего определенное место в системе общества и выполняющего специфические функции в общественной жизни. Он открывает возможности для изучения новых связей и отношений данного явления с другими явлениями общественной жизни. В гносеологическом плане общественное сознание выступает как отражение общественного бытия... Активная, творческая роль сознания... раскрывается в ходе социологического анализа,

специальные общественные науки... имеющие своим предметом те или иные области общественной жизни» и нуждающиеся «в научной методологии анализа духовных явлений, основные положения которой призвана разрабатывать философия» (там же, с. 7).

<)!

при котором сознание рассматривается в связи с социальными условиями, определяющими его, с общественной деятельностью людей... Гносеологический аспект позволяет раскрыть по преимуществу движение от действительности к сознанию, происхождение идей и взглядов, а социологический аспект — переход от сознания к действительности, реализацию идей и взглядов в жизни общества»¹.

Как следует относиться к этим суждениям? На мой взгляд, если в целом и положительно, то с существенными оговорками. Сам факт наличия в общественном сознании выделяемых сторон и, следовательно, принципиальная возможность анализировать объект преимущественно в том или ином из названных аспектов не могут вызывать сомнений. Что же касается «водораздела» между ними, то он нуждается конечно же в более точных определениях. Дело в том, что отражение действительности общественным сознанием включает в себя не только «гносеологический план», но и множество различных социальных моментов, коль скоро оно осуществляется в определенных

общественных условиях, в специфически общественных формах, посредством механизмов, которые реализуются в процессе общественной деятельности людей (особенно, если речь идет о разного рода институционализированных способах порождения, производства общественного сознания) и т. д. Аналогично и активное воздействие сознания на общественную жизнь не может быть понято без учета его специфики как собственно

¹ Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 34, 35. См. также высказывание, процитированное на с. 86 настоящей книги.

!)2

духовного образования. Поэтому граница, проводимая по направлениям движения «от действительности к сознанию» и «от сознания к действительности», несмотря на оговоренное «но преимуществу», представляется неверной. Оба направления требуют как гносеологического, так и социологического анализа рассматриваемого предмета. Следовательно, особенности названных аспектов надо усматривать в чем-то ином. Скорее всего, они связаны с тем обстоятельством, что общественное сознание, с одной стороны, является сознанием и потому *любая* форма его существования, *любой* акт его возникновения и функционирования наделены характеристиками *идеального*; с другой же стороны, оно — подсистема общества, то есть социальный феномен, которому (снова — *во всех случаях*) свойственны характеристики, отличающие его именно как специфически *общественное* явление.

Анализируя те или иные формы, способы функционирования, проявления общественного сознания, исследователь, разумеется, может — в зависимости от задач или обстоятельств исследования — уделить преимущественное внимание либо гносеологической, либо социальной стороне дела. Однако из этого не следует, что названные стороны *объективно* присущи одним формам существования и функционирования общественного сознания больше, чем другим, или — тем более — что они присущи лишь одним его формам и вовсе не присущи другим. «Гносеология» и «социология», о которых тут идет речь, — не относительно самостоятельные, пусть тесно связанные между собой «части» (элементы, формы и т. д.) рассматриваемой си-

93

стемы, но не слитные, не существующие наряду друг с другом *свойства*, выделение которых ВОЗМОЖНО лишь в абстракции.

Из этого вытекает вторая, по-видимому, еще более существенная оговорка, касающаяся рассматриваемой позиции. Она затрагивает понимание значения гносеологического и социологического аспектов анализа в рамках изучения структуры общественного сознания. Согласно Л. К. Уледову, названные аспекты анализа совпадают с одним из оснований структурирования рассматриваемой системы. «Структура сознания в этих случаях, — утверждает он, — будет различной... В первом случае в структуре выделяются образования, различающиеся своими особенностями отражения, а во втором — образования, различающиеся по своим общественным функциям... В гносеологическом аспекте простейшими структурными элементами сознания выступают ощущения, восприятия, представления, понятия и подобные им чувственные, волевые и рациональные образования. В социологическом же аспекте ими выступают знания, мнения, убеждения, нормы, символы, ценности»¹.

С моей точки зрения, гносеологический и социологический аспекты — не более чем акценты в анализе тех или иных образований общественного сознания, поэтому их никак нельзя использовать для выделения, конструирования самостоятельных — «гносеологической» и «социологической» — структур интересующей нас системы. В составе «социологической» структуры выделяется, к примеру, «знание» в отлн-

¹ Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 6, 48.

94

чие от «понятия», свойственного якобы лишь «гносеологической» структуре. Но

разве знание по совпадает, в частности, с совокупностью понятий или даже с одним понятием? А «символ», традиционно фигурирующий в теории познания в качестве одного из способов фиксирования и обозначения отражаемого сознанием содержания,— почему он присутствует в данной классификации лишь в «социологической» структуре общественного сознания и отсутствует в «гносеологической»? При ближайшем рассмотрении на эти и подобные вопросы невозможно найти сколько-нибудь удовлетворительные ответы. И это естественно, так как гносеологический и социологический аспекты анализа *не имеют отношения* к задаче структурирования общественного сознания, выделения в его корпусе тех или иных составляющих. Их смысл и значение в другом — в описании конкретных, эмпирически фиксируемых форм общественного сознания, где обе выделенные его стороны проявляют себя тем или иным образом и где исследование в зависимости от стоящих перед ним задач действительно может уделить преимущественное внимание той или другой из них.

Высказанное замечание можно сформулировать и по-другому. Когда говорится не только о единстве, но и о необходимости различения рассматриваемых аспектов анализа, когда обосновывается возможность преимущественного использования того или другого аспекта в том или ином конкретном исследовании, с этим, безусловно, нужно согласиться; когда же речь заходит о структурировании общественного сознания но специфически «гносеологическому»

95

и. in «социологическому» основанию,— это ошибка. Выделенные стороны общественного сознания являются именно его *сторонами* — в строгом, собственном смысле этого слова — и потому не могут быть представлены в виде каких-то разрозненных друг от друга, самостоятельно существующих его составляющих.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание еще на один, скорее формальный, но вместе с тем весьма существенный момент, связанный с уточнением понятия «структура». Может ли, спрашивается, у того или иного системного объекта быть несколько субстанциональных (то есть связанных с его составом, строением) структур? Очевидно, нет. Такая структура одна. Конечно, структура сложных, развивающихся объектов будет неизменно отличаться сложным строением, вследствие чего возникает возможность и даже необходимость говорить об этой структуре не только применительно к объекту «в общем и целом», но и применительно к его разного рода «частям». Например, в соответствии с «горизонтальным» и «вертикальным» строением объекта в его структуре обычно выделяют не просто отдельные ее составляющие (простые и сложные), но и их определенные совокупности, относя их к различным *участкам* (секторам, частям) структуры или ее различным, в том числе более или менее глубоким — «абстрактным» и «конкретным»,— *уровням* (этажам, пластам и т. д.). В соответствии с историческим характером объекта мы говорим также о различных *этапах* (стадиях, периодах) в развитии его структуры. Принимая во внимание различия в природе составляющих структуры (в «смешанной» природе

80

самого объекта), мы можем прибегать к различным *аспектам анализа* этой структуры. И так далее. Однако отсюда вовсе не следует, что и структур у подобного объекта будет множество. Напротив, она, повторяю, одна.

Правда, читатель, наверное, спросит: а как же общество? Разве, имея его в виду, мы не говорим о его экономической, социальной, политической, духовной и иных структурах как о каких-то самостоятельных, «параллельных» образованиях? Говорим. Но ведь при строгом подходе речь тут идет не об одном, а о разных объектах. Общество в целом и, к примеру, его базис или политическая надстройка — отнюдь не одно и то же. Общество — сложная система, состоящая из ряда подсистем, и понятия «экономическая структура общества», «политическая структура общества» и т. п. характеризуют как раз последние, то есть отдельные «части» общества, а не общество в целом, состоящее из этих «частей».

Между тем общество в целом — именно как целостное образование, как более широкая система — обладает своей собственной структурой, отличной от структур образующих его подсистем. Как упоминалось выше, по определению К. Маркса, эта структура включает в себя отношения между базисом, надстройкой и сознанием общества¹.

Аналогичным образом обстоит дело и с общественным сознанием. Входящие в его состав крупные образования, имеющие системный характер, обладают своей структурой. Поэтому мы с полным основанием говорим о структуре идеологии, структуре религиозного сознания

¹ См. высказывания К. Маркса, приведенные на с. 28—29, 44.

4 Б. А. Грушин 97

и т. д. Однако все это множество структур — не структуры общественного сознания в целом, а структуры отдельных образующих его подсистем. В этой связи утверждать, что общественное сознание имеет две структуры — «гносеологическую» и «социологическую», можно было бы лишь в одном случае — если бы лежащие в основе данного различия стороны рассматриваемого объекта являлись бы в действительности не его сторонами, а его относительно самостоятельными подсистемами, вроде той же идеологии.

Высказанное здесь замечание имеет не только терминологический характер. Задача расчленения сложного системного объекта, относящаяся к классу типично *логических* задач, требует высокой строгости в определении понятий и оперировании ими. Здесь, увы, не срабатывает формула практического рассудка: хоть горшком назови, только в печь не ставь!.. Напротив, стремясь к выделению единой структуры объекта, мы должны по возможности более четко видеть характер и все грани взаимоотношений между различными типами выделяемых в ней образований.

Общественное сознание, как уже говорилось, отличается чрезвычайным богатством конкретных форм своего существования и функционирования. Именно этим объясняется, почему при выявлении его структуры возникает необходимость его многократного расчленения с использованием самых различных оснований деления. Однако конечная цель такой работы, как мы помним,— не просто разложить объект по «полочкам», но собрать все обнаруженные «полочки» воедино. Поэтому-то и сам выбор основа-

OS

ний деления, проводимые на их базе классификационные операции, а также возникающие в результате последних различные типологии составляющих общественного сознания — все это должно подчиняться определенным логическим правилам, с тем чтобы общественное сознание в конечном счете было, во-первых, воспроизведено в виде действительного системного объекта и, во-вторых, понято, объяснено в своих основных конкретных проявлениях.

Разумеется, здесь не место специально останавливаться на этих правилах, однако хотя бы конспективно и хотя бы о некоторых из них (не считая, естественно, самых элементарных, предусматриваемых уже школьной логикой) упомянуть все же необходимо.

Во-первых, выбор того или иного основания деления должен сопровождаться четким формулированием смысла, сути данного основания, определением совпадающих с ним *признаков, характеристик* объекта, с тем чтобы не возникало никаких проблем с проведением границ между выделяемыми типами. Некорректно, к примеру, говорить о расчленении общественного сознания на те или иные «виды» или «сферы», предварительно не ответив на вопрос, что, собственно, понимается под теми и другими, о каких именно признаках сознания (одном или нескольких) идет здесь речь, то есть — иными словами — не определив, чем в действительности отличаются одни «виды» («сферы») сознания от других, где проходят границы между ними.

Во-вторых, каждое основание деления должно быть строго ориентировано в отношении действительных *границ* расчленяемого объек-

та, то есть оценено с точки зрения его релевантности (соотносительности) системе в целом или той или иной «части» системы, с тем чтобы не быть «слишком широким» или «слишком узким» по отношению к объекту. Некорректно, к примеру, при расчленении общественного сознания в глобальном масштабе (как системы в целом) использовать такое основание деления, как уровень сознания. Ведь выделяемые при этом два типа сознания — обыденное и теоретическое — не являются всеобщими, перекрывающими все «пространство» существования общественного сознания, а относятся лишь к определенным «участкам» этого «пространства» (вроде позитивных знаний, науки и т. п.), не затрагивая множества иных (например, религии, морали, искусства). В-третьих, каждое основание деления должно обеспечивать необходимую *полноту* и *взаимоисключаемость* выделенных типов, с тем чтобы ни одно составляющее объекта (в данных границах его рассмотрения) не оказалось вне проведенной классификации, а также не могло быть отнесено одновременно к нескольким типам. Некорректно, к примеру, связывать традиционно различаемые формы общественного сознания (политическую идеологию, мораль и т. п.) с такой характеристикой сознания, как предмет (объект) отражения, понимая под последним различные сферы жизни общества. При таком расчленении системы ряд выделяемых типов сознания оказывается, с одной стороны, неполным (поскольку в составе общества обнаруживаются «предметы», то есть сферы его жизни, которые не находят отражения в соответствующих формах сознания — например,

100

экономика, культура, быт и т. д.¹), а с другой — допускающим пересечение различных типов (поскольку у некоторых традиционно выделяемых форм сознания отсутствует «собственный» предмет отражения, так что они «делят» между собой одни и те же сферы жизни общества, как, например, религия и мораль или религия и искусство)².

В-четвертых, при построении многомерной, то есть учитывающей одновременно два и более основания деления, типологии составляющих объекта последний должен *последовательно* расчленяться по каждому из принятых оснований в отдельности, с тем чтобы много-

¹ Для преодоления этой «неувязки» в последнее время предпринимаются попытки расширить круг рассматриваемых форм общественного сознания, выйти за рамки традиционных 6-го или 7-го его типов. Согласно одной из них, следует выделять так называемое экономическое сознание (см., например: *Фофанов В. П.* Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1979; *Попов В. Д.* Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М., 1981). Другие авторы предлагают выделять экологическое сознание (см., например: *Юодагальвис Й. К.* Об особенностях экологического воспитания.—Научный коммунизм, 1984, № 1) и т. д.

² В свете данного требования вызывает возражение идея А. К. Уледова применить в качестве одного из оснований деления общественного сознания некоторую сумму признаков, описываемую понятием «состояние сознания» (см.: *Уледов А. К.* Структура общественного сознания, гл. V). Само по себе вполне работающее (в некоторых иных своих ипостасях), это понятие оказывается неприменимым для классификационных целей, поскольку с его помощью — по крайней мере на нынешнем этапе работы — вообще не удастся развернуть никакого ряда типов сознания (см. об этом: *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений. М., 1967, с. 58—60).

101

мерная типология предстала в качестве результата «сложения» (наложения друг на друга) двух и более одномерных, линейных типологий. Некорректно, к примеру, утверждать, что традиционно выделяемые формы общественного сознания отличаются друг от друга одновременно предметом (или объектом), который они отражают, формой

(или способом) его отражения, особенностями их развития, ролью в жизни общества и т. д., первоначально не рассмотрев каждое из названных оснований деления и не произведя в соответствии с ним одномерных расчленений общественного сознания.

В-пятых, при построении многомерной типологии составляющих объекта совмещение линейных рядов должно осуществляться по принципу *матрицы*, с тем чтобы в выявляемой таким образом совокупности элементов системы — на данном уровне и в данных границах ее рассмотрения — фигурировали *все* возможные комбинации, пересечения слагаемых признаков объекта. Некорректно, к примеру, совмещая в качестве всеобщих такие признаки общественного сознания, как «характер отражения действительности» (связанный с выделением истинных, ложных и превращенных форм сознания) и «отношение сознания к действительности» (связанный, в частности, с различением собственно отражающего сознания и мнений), относить все значения первого лишь к части значений второго (не распространяя их, скажем, на мнения) ¹.

¹ Некорректность классификации в данном случае заключается не в незавершенности матричного совмещения двух указанных признаков (поскольку мнения как таковые в самом деле не могут классифицировать-

102

2.3. *Абстрактные
и конкретные составляющие,
микро- и макроэлементы структуры
общественного сознания*

Сказанного достаточно, чтобы понять, что аналитическое расчленение общественного сознания на множество *абстрактных*, одномерных, то есть не существующих на уровне эмпирических образований составляющих, а также их последующий синтез — воспроизведение в виде разнообразных совокупностей, сочетаний, то есть в виде тех или иных *конкретных*, многомерных, эмпирически фиксируемых составляющих, о которых только и можно говорить как о микро- и *макроэлементах структуры* общественного сознания,—задача в самом деле чрезвычайно трудная. Ее более или менее полное решение возможно лишь на базе коллективных усилий множества исследователей, при обязательном использовании новейшей электронной техники, позволяющей моделировать архисложные системы с учетом массы переменных и всевозможных комбинаций между ними. Однако в рамках конструирования отдельных *фрагментов* состава и структуры общественного сознания задача выглядит конечно же значительно доступнее. Попытка подобного ее решения была предпринята в 1967/68 учебном году в курсе лекций для аспирантов факультета журналистики МГУ автором настоящей книги. Причем тогда (как и теперь) речь

шла по оси «истина — ложь»), а в самом объявлении первого признака всеобщим, то есть характеризующим все без исключения составляющие общественного сознания, в том числе мнения.

103

шла не об анализе общественного сознания «вообще», а о его целенаправленном расчленении под углом зрения последующего описания феноменов массового сознания.

Имея в виду данную цель, на самом «нижнем», фундаментальном и, стало быть, предельно абстрактном уровне расчленения общественного сознания необходимо выделить прежде всего многочисленные составляющие, связанные с различными способами, средствами духовного освоения действительности человеком. Согласно К. Марксу, они отличаются от способов собственно практического освоения мира ¹ и включают в себя три основные формы: предметно-чувственного, абстрактно-логического и фантастического (осуществляемого посредством фантазии) познания и преобразования действительности. Соответственно и в составе общественного сознания следует различать три типа (класса) элементарных, простейших составляющих ².

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 38.

² Э. В. Соколов, как уже отмечалось, предложил более детальное расчленение системы, выделив в предметно-чувственном и абстрактно-логическом способах освоения мира соответственно по два типа форм сознания: эмоционально-заинтересованные и чувственно-созерцательные, с одной стороны, и рассудочно-логические и разумно-диалектические — с другой. Эта идея представляется в целом не только правомерной, но и плодотворной, поскольку она получила солидную апробацию в истории философской мысли, в частности в различении И. Кантом двух сфер понятийного сознания — «практического рассудка» и «чистого разума». Однако сегодня я, к сожалению, не готов к ее конкретному обсуждению с точки зрения возможности ее применения в многомерной типологии составляющих общественного сознания.

104

К типу I, который мы будем называть для краткости *чувственными* составляющими общественного сознания, можно отнести, по-видимому, такие далее неразложимые «частички» последнего, как чувственные образы, восприятия, переживания, эмоциональные реакции, аффекты, волевые импульсы, желания и т. п.

В рамках типа II, который мы будем называть далее *рациональными*, или *когнитивными*, составляющими общественного сознания, можно выделить, скорее всего, такие образования, как обобщенные (логические) представления, понятия, нейтральные, или позитивные¹, суждения, нормы, мнения, целеполагающие суждения, предписания и т. п.

Наконец, к типу III, который образуют *иррациональные* (в широком смысле слова) составляющие общественного сознания, к типу, надо сказать, наименее проанализированному в теории познания и социологии, — следует отнести, очевидно, такие «частички» общественного сознания, как верования, фантастические образы, утопические идеи, иррациональные предписания и т. д. Характеризуя относящуюся сюда мифологию, К. Маркс подчеркивал, что она «преодолевают, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения...»². Поэтому такого рода, или

¹ В данном случае термин «позитивный» связывается не с положительным отношением высказывающихся к предмету высказывания, а как раз с отсутствием или невыраженностью какого-либо отношения вообще.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 47. Ср. в этой связи еще одно замечание Маркса: «Подобно тому как древние народы переживали свою пред историю в воображении, в мифологии, так мы, немцы, пережи-

105

типа, элементы сознания вполне можно было бы назвать также *имажинативными* (от англ. *imagination* — воображение, фантазия).

Читатель, наверное, заметил, что в каждом из трех случаев перечисления соответствующих составляющих общественного сознания неизменно присутствовали оговорки «по-видимому», «скорее всего», «очевидно». Это связано с тем, что зачисление тех или иных «единиц» в различные классы, типы зачастую является предметом дискуссий и каждый раз требует специального разбирательства. Например, А. К. Уледов к числу простейших элементов общественного сознания относит, помимо прочего, ощущения. На мой же взгляд, говорить о каком-либо общественном (коллективном, групповом, общества в целом и т. д.) ощущении заведомо невозможно, это — специфическая форма сознания индивида, а не той или иной общности. С другой стороны, уже вслед за А. К. Уледовым я сам называю в числе чувственных составляющих общественного сознания восприятие и волевые импульсы. Однако и такое решение оценивается социальными психологами также по-разному¹. Поэтому речь

наем нашу будущую историю в мыслях, в философии... Немецкая философия — продолжение немецкой истории в идее.* (там же, т. 1, с. 419).

¹ Некоторые авторы, отмечает Г. М. Андреева, «предлагают усмотреть в группе, по аналогии с индивидом, такие показатели, как групповая память, групповая воля,

групповое мышление и т. д. В настоящее время, однако, нет достаточно убедительных теоретических, экспериментальных доказательств того, что данный подход продуктивен. Вместе с тем... исследователи наталкиваются на необходимость расширить круг представлений о группе как о субъекте деятельности. Это, в частности, касается проблемы социальной

106

не идет теперь о том, чтобы исчерпывающим и, главное, «всех устраивающим» образом охарактеризовать простейшие составляющие общественного сознания. Приведенные выше и последующие их перечни — не более чем примеры, играющие роль более или менее удачных иллюстраций при описании соответствующих типов (классов) абстрактных элементов анализируемого объекта.

Хотелось бы с самого начала сделать замечание и в отношении терминологии, используемой здесь и далее для обозначения различных типов (классов) простейших составляющих общественного сознания. Она, наверное, может вызывать возражения, однако ее несовпадение с распространенными в литературе образцами (в частности, с терминами «общественная психология», «общественная идеология» и т. п.) вызвано отнюдь не стремлением к оригинальности, но острой необходимостью провести границы между абстрактными и конкретными, а среди последних — между микро- и макросоставляющими общественного сознания, или, иначе, между собственно «компонентами» тех или иных конкретных, эмпирически фиксируемых форм сознания, с одной стороны, и этими конкретными формами сознания как таковыми-

перцепции. Если... понимать под социальной перцепцией восприятие социальных объектов, то правомерно поставить вопрос о том, что группа может выступать не только объектом восприятия, но и его субъектом». Правда, такое решение также вызывает «известную дискуссию», хотя некоторые другие характеристики, такие, как «групповые нормы или групповые ценности, групповые решения, давно исследуются... именно как принадлежащие к особым групповым образованиям» (*Андреева Г. М. Социальная психология*, с. 181—182).

107

ми — с другой. Дело в том, что выделенные нами образования — это именно простейшие, «первичные» «частички» общественного сознания, существующие преимущественно лишь в абстракции, то есть не совпадающие с «живыми», реальными, конкретными морфемами. Поэтому они конечно же должны обозначаться с помощью иных терминов, нежели те, что традиционно используются при описании разнообразных сложных и сверхсложных составляющих общественного сознания, образующих его макроструктуру и возникающих на пересечении множества его элементарных, простейших форм¹.

Нетрудно обнаружить, что такого рода уточнение терминологии уже само по себе позволяет преодолеть ряд теоретических трудностей, существующих ныне в поле изучения общественного сознания. Например, оно создает благоприятные условия для адекватного понимания природы, места и соотношения с другими формами в структуре общественного сознания таких его сложных образований, как, скажем, идеология (которая, совпадая с классовым сознанием, отнюдь не сводится, как полагал Г. М. Гак, лишь к «логической ступени познания», но включает в себя, наряду с рациональ-

¹ Уместно отметить, что данное требование, к сожалению, не было до конца соблюдено мною в публикации 1983 г. (см.: *Социологические исследования*, № 4), что, возможно, также послужило причиной явно неадекватной интерпретации моей позиции некоторыми критиками (см., в частности: *Уледов А. К. Общественная психология и идеология*. М., 1985, с. 39—40, а также *Насонов Г. Г. О роли системного подхода в изучении общественного сознания*. — *Социологические исследования*, 1984, № 3, с. 126—129).

108

ным, и иррациональные составляющие) или обыденное сознание (которое, вопреки ходячим представлениям, вовсе не совпадает лишь с чувственными элементами сознания, но реализуется во всех трех формах духовного освоения действительности человеком, а следовательно, и противостоит — в структуре общественного сознания в целом — отнюдь не идеологии или теории, а некоторому иному макрообразованию, именуемому специализированным, или профессионализированным, сознанием). Аналогичным образом устраняется основание и для «попреков» со стороны социальных психологов по поводу «несправедливого» отнесения общественной психологии к низшей ступени познания¹, коль скоро обнаруживается, что общественная психология — не синоним «чувственности», но совокупность сложных макроформ сознания, где наряду, вернее во взаимодействии, с собственно чувствами и эмоциями присутствуют многочисленные рациональные и иррациональные образования.

Вернемся, однако, к дальнейшему обсуждению проблемы состава и структуры общественного сознания. Его следующее фундаментальное расчленение, относящееся к тому же, что и в первом случае, самому «нижнему» уровню его анализа, учитывает **характер взаимоотношений сознания с действительностью** и позволяет выделить в его составе также **три** предельно абстрактных типа (класса) его простейших

¹ «Часть философов и социологов,—сетует Б. Д. Парыгин,— до последнего времени отождествляла общественную психологию с обыденным, поверхностным, эмпирическим сознанием, расценивая ее как низшую ступень познания...» (Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории, с. 39).

109

образований: А — элементы сознания, отражающие действительность; Б — элементы сознания, выражающие отношение (оценочное) к действительности; В — элементы сознания, совпадающие с активной реакцией на действительность.

К типу А, который мы будем называть далее *рефлексивными* составляющими сознания, очевидно, относятся (из числа перечислявшихся выше) те или иные (чувственные, логические или фантастические) образы, восприятия, понятия, позитивные суждения, утопические идеи; к типу Б, который можно было бы назвать *эвалюативными* (от англ. evaluation — оценка) составляющими сознания,— переживания, мнения, идеалы; к типу В, то есть к *реактивным* составляющим сознания — волевые импульсы, нормы, иррациональные предписания и т. д.

Обе приведенные типологии являются линейными. Их совмещение, наложение друг на друга образует 3х3, то есть 9 двумерных типов (классов) составляющих общественного сознания, а именно: IА, IВ, IВ, IIА, IIБ, IIВ, IIIА, IIIБ и IIIВ. При этом в классе IА, очевидно, окажутся представленными такие элементы рассматриваемой системы, как чувственные образы и восприятия; в классе IБ — переживания и вкусы; в классе IВ — аффекты, желания и волевые импульсы; в классе IIА — понятия и позитивные суждения; в классе IIБ — мнения и т. д.

В качестве третьего фундаментального расчленения общественного сознания, относящегося к тому же уровню его анализа, можно принять расчленение, учитывающее **способы (или,**

НО

может быть, лучше сказать: характер?) возникновения, образования составляющих общественного сознания. В соответствии с этим основанием в составе системы можно выделить два предельно широких типа (класса) ее элементов:

а) формы сознания, возникающие спонтанно, стихийным путем, являющиеся, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, простыми «испарениями» материального жизненного процесса;

б) формы сознания, возникающие в результате целенаправленной, осознаваемой, специализированной деятельности разного рода социальных учреждений, организаций и групп лиц, то есть в процессе духовного производства.

Совмещение этих двух типов сознания — *стихийного* и *институционализованного* — с выделенными ранее даст трехмерную матричную структуру рассматриваемой системы, которая будет включать в себя уже $3 \times 3 \times 2 = 18$ различных типов составляющих сознания, начиная с 1Аа — стихийных форм чувственного отражения — и кончая ШВб — институционализированными формами реактивного воображения.

Все эти составляющие, представленные на рис. 2, являются по-прежнему не сложными, а простейшими, элементарными образованиями общественного сознания. В сущности, это — те же элементы, которые перечислялись при характеристике типов I — III¹. Однако теперь, в

¹ Следует заметить, что оценка некоторых из них в качестве простейших, элементарных составляющих рассматриваемой системы достаточно условна и также нуждается в серьезных обоснованиях. К примеру, упо-

111

Элем енты сознания	эф- лек- тив- ные	ва- люа- - тив- ные	еак- тив- ные	
I чувствен- ные	Aa	a	a	a a. стихийно g
	Aб	б	Вб	возникаю- щие
II когнитив- ные	Aa	Ба	Ва	a б. институ. ~ë~"
	IAб	Бб	Вб	ционализи- рованы
III иррацио- нальные	Aa	Ба	Ва	о —
	IIAб	Бб	Вб	возникаю-а щие б

Рис. 2. Типы составляющих общественного сознания в зависимости от способов освоения сознанием действительности, характера его отношения к действительности и способов возникновения.

силу выявления их третьего признака, они получают, с одной стороны, определенную конкретизацию, а с другой — более точное «место» в системе в целом. Каждый из элементов, как уже говорилось, на иных, «высших» уровнях рассмотрения системы неизменно связан с другими, входит в состав разного рода сложных, конкретных форм общественного сознания, представляющих собой как раз те или иные сочетания, комбинации простейших элементов. Вместе с тем некоторые из них даны нам не

минавшиеся выше нормы и верования — скорее сложные, составные, нежели простые, неразложимые далее образования сознания. В таком случае они не могут быть «размещены» в тех или иных клетках приведенной схемы, а должны конструироваться на пересечении двух и более составляющих, отнесенных к тем или иным клеткам.

112

только в абстракции, но и существуют, так сказать, в «свободном» виде, в качестве самостоятельных морфем общественного сознания. Так, например, в классе IАа мы находим образования, совпадающие с теми самыми аксиомами народной мудрости, которые, по словам В. И. Ленина, возникают на основе практической деятельности человека в результате миллиардного повторения в сознании «разных логических фигур»¹,

а в классе НАб — разнообразные предложения, входящие в состав науки; в классе НБа — суждения, относящиеся к стихийному групповому знанию, в частности к стихийному классовому сознанию, а в классе ПБб — аналогичные элементы того же группового сознания, однако рожденные к жизни (сформулированные и систематически выраженные) идеологами группы, и т. д.

Описываемое положение сохраняется и при последующем усложнении картины, связанном с дальнейшим дроблением «клеток» системы в ходе включения в анализ новых оснований ее деления. Так, в процессе структурирования общественного сознания, предпринятого в упоминавшихся лекциях на факультете журналистики МГУ, учитывались, помимо названных, еще три критерия: *отношение сознания к господствующим в обществе «мыслям», качество (степень точности) отражения сознанием действительности и уровень отражения сознанием действительности*. Первое из этих оснований имело также глобальный характер, то есть относилось к рассматриваемой системе в целом. В соответствии с ним в каждом из типов составляющих сознания, присутствующих на рис. 2,

¹ См.: Ленин И. И, Поли. собр. соч., т. 29, с. 172.

113

выделялось еще по два подтипа — так называемые *официальные* и *неофициальные* элементы сознания¹, — в результате чего общее количество элементов системы увеличивалось до 36. Второе основание, имевшее в виду характер познавательной способности общественного сознания, относилось лишь к типу I и было связано с выделением в нем так называемых *истинных, ложных и превращенных* форм. Наконец, третье основание, допустимое лишь в отношении типа II, связывалось с выделением в нем двух подтипов, отнесенных к *эмпирическому* и *теоретическому* уровням отражения сознанием действительности.

В общей сложности в полученной таким образом многомерной матрице, в шутку названной слушателями лекций «менделеевовой таблицей», присутствовало 80 типов простейших составляющих общественного сознания. И это не было пределом возможного расчленения рассматриваемой системы. Введение в ана-

¹ Иногда в литературе официальное и неофициальное сознания рассматриваются в качестве тождественных соответственно институционализированному и стихийному сознаниям. В действительности, однако, в основе тех и других типов лежат различные основания деления, поэтому они не совпадают друг с другом. Известно, в частности, что крайние формы неофициального сознания в капиталистическом обществе — так называемое оппозиционное сознание — вырабатываются не только стихийно, но и институционализированно, в результате усилий идеологов и организаций, выступающих против господствующих классов. С другой стороны, не только институционализированное, но и стихийное сознание в массе случаев воспроизводит там содержательные формулы типично официального сознания (см., в частности, высказывание В. И. Ленина, приведенное на с. 76).

114

лиз еще одного основания ее глобального деления — учитывающего *тип субъекта общественного сознания* — автоматически увеличивало число классов элементарных составляющих системы в количество раз, равное числу выделяемых типов производителей и носителей сознания.

Глава 3

«КЛАССИЧЕСКИЕ» ТИПЫ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

3.1. Глобальная общность — человечество в целом

Как отмечалось выше, в марксистско-ленинской теории общественного сознания проблема субъекта сознания занимает одно из центральных мест. Именно с этим пунктом анализа связано проведение качественных различий между собственно общественным и индивидуальным сознаниями. И именно здесь возникает вся многообразная по

содержанию и первостепенная по значимости проблематика классовых форм существования и функционирования сознания в обществе.

Домарксистская материалистическая традиция — при всех расхождениях во взглядах отдельных мыслителей — выделяла, в сущности, два основных типа носителей общественного сознания: во-первых, человечество в целом, во-вторых, те или иные «части» человечества — разнообразные по характеру, более или менее определенные (или, напротив, не определенные) по границам и составу общности людей,

115

начиная с таких широких образований, как «народы», «племена», «нации» и кончая всевозможными региональными, профессиональными, социокультурными (в частности, религиозными), собственно социальными (включая те или иные классы) и т. п. группами. В соответствии с этим в теоретических, художественных и иных построениях фигурировали, с одной стороны, общечеловеческое сознание, с другой — многочисленные «групповые» (в самом широком смысле этого слова) сознания, например, «европейское» и «азиатское», ограниченное рамками отдельных наций, «городское» и «сельское», «феодалное» и «буржуазное», «коллективное» и т. п.

Марксизм не отрицает полностью сложившихся до него взглядов относительно направления решения рассматриваемого вопроса. В частности, он признает факт множественности субъектов общественного сознания, равно как необходимость различения «родового» сознания *homo sapiens* и сознаний отдельных, тех или иных «видов» этого рода. Вместе с тем основоположники материалистического понимания истории предложили принципиально новый подход к проблеме, в результате чего ее решение приобрело в целом качественно иной вид.

Этот новый подход коснулся прежде всего как раз оценок соотношения и роли в жизни человечества собственно **общечеловеческого сознания**, характеризующего деятельность людей **на** глобальном уровне их существования, **и** разного рода **«групповых» сознаний**, характеризующих общности меньших масштабов, нежели человечество в целом.

116

Учет первого тина общественного сознания — неперемное условие научного анализа многих важнейших сторон человеческой жизнедеятельности. В его составе отчетливо обнаруживаются некоторые «вечные» истины и ценности, фиксирующие отношение людей (человека как такового) к различным сторонам их бытия, максимы морали, конкретизирующиеся в общепринятых моделях поведения, представления о красоте, получившие выражение в произведениях литературы и искусства. В сущности, речь тут идет обо всех тех элементах так называемой мировой культуры, которые не знают расовых, национальных, социальных и иных границ своего распространения. В частности, и в этом смысле — в смысле общечеловеческой значимости содержания и формы — К. Маркс говорил о древнегреческом искусстве и эпосе как о продолжающих доставлять нам художественное наслаждение и сохраняющих в известном отношении значение нормы и недостижимого образца¹. И тем более в состав общечеловеческого сознания широко входят положения науки, формулы техники и технологические решения. «В этике, как части философии,— писал в этой связи Б. Ф. Поршнев,— всегда незримо присутствует «человек вообще». Не член того или иного конкретного «мы», противостоящего каким-либо «они», а человек вне этих делений... Но в самой сильной степени идея человечества присутствует в бытии науки — всякого доказательства, всякого акта логики... Доказательность чего-либо, признание логической необходимости и обязательности подразумевают «любого человека», т. е. чело-

¹ См.: *Маркс К., Энгельс ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 48. 117

века, свободно взаимозаменяемого со всяким другим, кроме малых детей и душевнобольных»¹.

Признавая человечество в целом в качестве особой, глобальной общности,

выступающей носителем соответствующего специфического типа общественного сознания, марксистско-ленинская философия и социология в то же время решительно подчеркивают историческую природу и, стало быть, исторические границы действия данной общности. В рамках всех пройденных до сих пор этапов своего развития человечество представляло и представляет собой не столько единый субъект, сколько определенную совокупность, множество самых разнообразных — в национальном, социальном, культурном, идеологическом и других отношениях — субъектов. И этот момент многократной — разнонаправленной и многоуровневой — дифференциации человечества на различные типы общностей имеет при объяснении подавляющего большинства событий в жизни минувших и современных поколений несравненно более важное значение, нежели принадлежность людей к роду *homo sapiens*.

Всемирная история, отмечал К. Маркс, существовала не всегда; она сама есть результат, продукт истории, определенный, а именно высший этап в развитии человеческого сообщества². Эра капитализма внесла существенный вклад в развертывание этого процесса. Буржуазия «вырвала из-под ног промышленности национальную почву... На смену старой местной

¹ Поршне в Б. Ф. Социальная психология и история, с. 224.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 47.

118

и национальной замкнутости и существованию а счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость нации друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных нации становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература¹.

Еще более глубокая, органичная для человечества в целом интернационализация начинается с эпохой социалистических преобразований и национально-освободительных движений, возникновением и упрочением исторического феномена социалистического содружества народов и наций². Наконец, новый этап в становлении человеческого сообщества как целостного субъекта исторического и социального действия, а следовательно, и носителя особого типа общественного сознания — сознания общечеловеческого, наступает во второй половине текущего столетия, в связи с возникновением и обострением так называемых глобальных проблем, затрагивающих интересы не тех или иных отдельных регионов мира, по именно всего человечества в целом, самые основы существования человеческой цивилизации.

Главная из этих проблем — проблема борьбы против ядерной опасности, гонки вооруже-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 427—428.

² См., в частности: Мчедлов М. П. Общечеловеческое и социалистическое.— Вопросы философии, 1976, № 5.

119

Нiiii, за сохранение и укрепление всеобщего мира. Вызревшая исподволь, постепенно, научно-техническая революция, отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, в последнюю четверть века дала «начало гигантскому приращению материальных и духовных возможностей человека. Возможностей двоякого рода. Налицо качественный скачок в производительных силах человечества. Но и качественный скачок в средствах разрушения, в военном деле, впервые в истории «наделивший» человека физической способностью уничтожить все живое на Земле» К В подобной ситуации человечество не может не осознавать себя и не действовать как единое целое в борьбе против возникшей угрозы, ибо сегодня «нет альтернативы сотрудничеству и взаимодействию между всеми государствами»².

В этом же направлении, способствующем возникновению по-настоящему всемирной истории, действуют и другие глобальные проблемы, переживаемые ныне человечеством, в частности проблемы загрязнения окружающей среды, воздушного бассейна и океанов, истощения природных ресурсов, бедственного физического и духовного положения многомиллионных масс людей в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Ведь решать эти «общечеловеческие, глобальные проблемы силами одного государства или группы государств нельзя. Здесь необходимо сотрудничество в общемировом мас-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 9.

² Там же, с 65.

120

штабе, тесное конструктивное взаимодействие большинства стран»¹.

Вместе с тем рассматриваемый процесс, как известно, крайне далек еще от своего завершения², сопровождается рядом острых коллизий и противоречивых тенденций. «Современный мир,— подчеркивалось на XXVII съезде КПСС,— сложен, многообразен, динамичен, пронизан противоборствующими тенденциями, полон противоречий. Это мир сложнейших альтернатив, тревог и надежд. Никогда прежде наш земной дом не подвергался таким политическим и физическим перегрузкам»³. Это верно. Диалектика современного развития человечества такова, что расширение контактов, обмена информацией, улучшение взаимопонимания между различными региональными, социальными и иными «секторами» внутри отдельных обществ, а также между различными обществами, народами и государствами, сущест-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 19.

¹ Важно добавить, что отмечаемый процесс осуществляется не только в сферах экономики и социальных отношений, культуры и сознания, но и на уровне самого биологического развития рода *homo sapiens*. «...Процесс смешения рас,— пишет в этой связи Н. П. Дубинин,— происходил в течение последних 10—15 тысяч лет. С 1492 года, после того как Х. Колумб открыл Америку, начался современный, все нарастающий тур генетического процесса, объединяющего наследственность человека в единую гигантскую популяцию... В целом можно считать, что сейчас около половины человечества — продукт расового смешения» (Дубинин Н. П. Расовый вопрос и современная генетика.— Успехи современной биологии, т. 73, вып. 2. М., 1972, с. 223-224).

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 6.

121

вующими на Земле, то и дело сопровождается обострением отношений между различными социально-экономическими и общественно-политическими системами, между силами прогресса и реакции. И естественно, это противоборство ближайшим образом захватывает сферу общественного сознания, проявляясь в острейшей конфронтации идеологий, отражающих несовпадающие экономические, политические и иные интересы различных социальных (а также этнических, национальных) систем.

Поэтому-то, отмечая принципиальное значение возрастающей доли элементов общечеловеческого сознания в структуре общественного сознания различных современных обществ, мы в то же время не можем не признать, что названные элементы и в наши дни продолжают все же играть в жизни человечества значительно меньшую роль, нежели разнообразные формы «группового» сознания, а значит, и занимают на «карте» общественного сознания в целом несравненно более скромное место, нежели последние.

3.2. Субглобальные, социальные и групповые общности

Следующий важный шаг в марксистском решении рассматриваемой проблемы — ближайшее определение в составе глобального образования «человечество в целом» различных — широких и узких, больших и малых — **видов** общностей, выступающих в качестве посетителей соответствующих типов общественного сознания, а также самих **форм** такого «общностного»

сознания, выявление их действительного характера, реального места и значения в жизни человеческого рода.

Если быть строго последовательными, то, двигаясь в данном направлении, начать разговор нужно было бы с разного рода *субглобальных* общностей — образований, имеющих интернациональный характер, то есть выходящих по своим масштабам за границы существования отдельных стран и включающих в свой состав огромные, нередко гигантские множества индивидов. Однако, к большому сожалению, социальная наука практически еще не приступила к их исследованию в интересующем нас плане. Поэтому сказать о них можно пока лишь очень немногое.

Известно прежде всего, что названные общности получили весьма широкое распространение в современном мире, далеко выйдя за рамки их более чем скромного существования в прошлом столетии, когда они были представлены, по сути, лишь мировыми религиями и немногочисленными, преимущественно политическими, надгосударственными организациями типа созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом Международного товарищества рабочих — I Интернационала. Известно также, что они характеризуются ныне чрезвычайным разнообразием своих форм, выступая в виде тех или иных социальных (экономических, политических, культурных, спортивных и т. п.) организаций, всевозможных союзов, ассоциаций, движений и т. д. Известно, наконец, и то, что многие из них существенно разнятся друг от друга по своей социальной природе, способам своего бытия и функционирования, варьируя в диапазо-

не от жестких по своим организационным структурам предприятий — до предельно аморфных, расплывчатых по своим основаниям и очертаниям сообществ; от устойчивых, сохраняющихся на протяжении десятилетий объединений — до возникающих на самое короткое время компаний; от четко, изо дня в день работающих «механизмов» — до спорадически проявляющих себя «импульсов». Чтобы убедиться во всем этом, достаточно сравнить, к примеру, деятельность тех или иных транснациональных корпораций, занятых производством, распространением и сбытом соответствующей продукции, и так называемого Всемирного конгресса юмористов; уже упоминавшиеся мировые религии и движение солидарности с американским борцом за мир Чарльзом Хайдером; межгосударственные союзы типа СЭВа, Общего рынка и международные ассоциации философов, социологов, деятелей театра; и т. д. и т. и.

Последнее из перечисленных обстоятельств, а именно качественное разнообразие в самих сущностных свойствах субглобальных общностей, действующих в современном мире, представляется конечно же наиболее важным с точки зрения предмета нашего рассмотрения. Ведь из сказанного, как минимум, следует, что анализ названных общностей в качестве субъектов присущих им типов общественного сознания не может проводиться «в общем и целом», должен быть дифференцирован в соответствии с глубинной природой каждого вида и подвида субглобальных образований. Главное же заключается в том, что «тайна» любого из этих образований не есть некоторая самостоятельная

«сущность», а кроется в «тайнах» тех входящих в их состав, меньших по масштабам общностей, которые, существуя в рамках тех или иных обществ и стран, как раз вступают друг с другом в разного рода субглобальные отношения. Отсюда необходимость дальнейшего движения в избранном направлении. И первый следующий шаг на этом пути — выделение так называемых *социетальных* (от лат. *societas* — общество) общностей, совпадающих с устойчивыми, исторически сложившимися социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными (национальными или многонациональными) образованиями, заключенными в географических и административных границах отдельных государств.

В главе 1, в параграфах 1.2 и 1.3 мы подробно охарактеризовали «общество в целом» в качестве субъекта общественного сознания, подчеркнув, что именно на данном уровне существования человечества складываются структуры бытия, в первую очередь определяющие основные свойства общественного сознания, функционирующего в мире. Именно здесь, в соответствии с историческим типом того или иного общества, формируются адекватные ему исторические же типы общественного сознания. Именно общество в целом накладывает решающую печать на структурные, содержательные и иные характеристики сознания, присущего различным «групповым» субъектам, которые входят в состав соответствующего общества. И в действительной важности данного обстоятельства мы не раз еще убедимся в дальнейшем, в частности, когда будем говорить о специфических формах массового сознания, скла-

125

↓

дывающегося в условиях капитализма и социализма.

Вместе с тем, как мы видели, общество в целом — это чрезвычайно сложное по своему составу и своей структуре образование. Будучи системным, целостным организмом, оно в то же время многократно дифференцировано, расчленено — по горизонтали и вертикали — на великое множество весьма разнообразных по их социальной природе общностей — так называемых «групп», каждая из которых выступает самостоятельным субъектом своего собственного общественного сознания. Поэтому следующий шаг в нашем анализе — выделение всех этих «групповых» субъектов.

Как известно, имея в виду данные общности, классики марксизма-ленинизма говорили прежде всего о социальных классах и производных от них слоях и группах населения. Вместе с тем, вопреки распространенным уверениям вульгаризаторов и критиков марксизма, ни сами К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, ни их последователи никогда не утверждали и не утверждают, будто бы при анализе разного рода общественных явлений, в том числе общественного сознания, внимание науки должно *ограничиваться* лишь этими важнейшими типами социальных субъектов¹. Во многих произведениях основоположников нового учения в различных контекстах фигурируют самые разно-

¹ Вспомним, в частности, как резко критиковал В. И. Ленин в 1914 г. некоего Л. Вл., предлагавшего исключить из программы партии («с точки зрения классовой борьбы!») такие понятия, как «народ», «население», «нация» и т. п. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 276).

126

образные типы общностей, начиная от родовых, племенных, национальных и кончая профессиональными, политическими, религиозными, причем не только так называемые «большие группы», но и те, что на языке современной социологии именуются «малыми группами», «коллективами» и т. д. Более того, марксизм фактически впервые во всем объеме поставил задачу выявления и строго научного описания *всех* существующих в обществе видов общностей, доказав, во-первых, что они не являются рядоположенными, независимыми друг от друга, а значит, должны рассматриваться в системе, с учетом связей и отношений между ними, во-вторых, что они не могут оцениваться в качестве «равноправных», так как занимают в структуре общества различное положение, отличаются различными по широте и характеру ареалами действия и, следовательно, объективно играют в процессах функционирования и развития общества отнюдь не одинаковую роль. Ясно, что решение указанной задачи выходит далеко за рамки исследования собственно общественного сознания, связано с анализом всех без исключения сторон жизнедеятельности социума. Как таковое оно сводится прежде всего к фиксации всех наблюдаемых в обществе видов общностей, их классификации, затем к установлению иерархических отношений между ними, определению их места и «удельных весов» в структуре общества. Кроме того, уже применительно к целям анализа

собственно общественного сознания речь должна идти о том, чтобы выявить специфику разнообразных типов «группового» сознания, различаемых с точки зрения их носителей, и, на-

127

конец, определить отношения между этими типами в структуре общественного сознания в целом.

Следует признать, что не все из названных сторон, этапов решения сформулированной задачи реализованы наукой к сегодняшнему дню с необходимой полнотой. Особенно в части *систематического* описания, исчерпывающей классификации всей совокупности выявляемых в тех или иных отношениях (по тем или иным основаниям) видов общностей («групп»), а также соответствующих им типов общественного сознания. Хотя многие *отдельные* виды первых и, в меньшей мере, вторых — прежде всего связанные с социальными классами, этническими общностями, некоторыми малыми группами — исследованы, по-видимому, достаточно хорошо.

Заслуживающую внимания попытку построения такой классификации предпринял Б. Ф. Поршнев, исходивший из того, что «по объективному общественному наполнению, по характеру и типу» в жизни людей существовало и существует «необозримое число всяких общностей» — большей и меньшей численности (от двух человек до союзов народов и классов), большей и меньшей продолжительности действия (от исторически устойчивых до длящихся мгновение) и т. д. Имея в виду социологический аспект анализа, он полагал, что «все наблюдаемые общности по их масштабам могут быть разбиты на четыре категории»:

- 1) макрогруппы (например, классы, нации);
- 2) микрогруппы (коллективы и др.); 3) мега-группы («общности, организации, движения, носящие в тенденции мировой характер»: «не

128

только человечество, как реальная совокупность, но любые международные объединения по тому или иному признаку», включая мировые религии); 4) субмикрообщности (к которым «относится в особенности всякий акт «согласия», т. е. унисона в какой-либо мысли»). Кроме того, при изучении собственно общественного сознания, в частности социальной психологии, следует выделять еще один класс общностей — группы людей, «объединенных настроением»¹.

Мне кажется, первые три категории в данной классификации не могут вызывать каких-либо возражений, хотя представляется более логичным начинать ряд с максимально широких «мегагрупп», а также разделить их, как и «макрогруппы», на два самостоятельных подкласса. Тогда вместо первых трех образуются пять последовательных уровней анализа: глобальный (человечество в целом), субглобальный (все прочие «мегагруппы»), социетальный (отдельные общества и страны, их население, народы, а в случае однородных по национальному составу обществ — нации), субсоциетальный (разнообразные большие группы, образующие те или иные структуры отдельных обществ: классы, нации, профессии, региональные, социокультурные и т. п. группы) и, наконец, микроуровень со всеми существующими здесь малыми группами². Что же касается

¹ См.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история, с. 88—90.

² В современной социологии деление групп на большие и малые считается вполне устоявшимся. Однако при его использовании во многих случаях возникают серьезные трудности. Например, рабочая бригада оправданно считается малой группой, а вся сово-

5 В. А. Гмушп

121)

двух последних категории, то они выделяются Б. Ф. Поршневым с явным отступлением от избранного основания классификации, то есть имеют в виду отнюдь не масштаб общностей, а некоторые характеристики сознания людей, в результате чего

происходит их «пересечение» с другими выделенными типами общностей. Известно ведь, что совпадение взглядов, поршнево-ское «со-гласие» может иметь место и в малых группах, общее настроение характеризовать большие группы — например, классы или нации (во всяком случае, их «части») — и т. д. Иной принцип классификации использован Г. М. Андреевой. На основе такого критерия, как «место групп в системе общественных отношений», в предлагаемой ею схеме выделяют-

купность работников, занятых в данной отрасли промышленности,— большой. Но к какому из этих двух классов следует отнести, скажем, коллектив крупного промышленного предприятия, насчитывающего сотни бригад, или работников, занятых в повсеместно существующих ныне производственных комплексах, объединяющих ряд предприятий отрасли? Ясно, что это не малые группы, коль скоро решающим критерием последних является непосредственность контактов между всеми входящими в группу индивидами. Но вот *одинаково* большие ли они? Ведь со многих точек зрения существуют весьма важные различия между *коллективом*, пусть очень крупного, предприятия и таким достаточно рыхлым образованием, как совокупность работников *отрасли в целом*. На мой взгляд, данная трудность может быть, по крайней мере отчасти, преодолена, если общности субсоциетального уровня расчленить еще на два подкласса — собственно большие и «средние». Критерий последних — наличие прямых контактов между теми или иными представителями малых групп, входящих в более широкую общность; критерий первых — отсутствие такого рода контактов при наличии контактов между представителями соответствующих «средних» групп.

130

ся, во-первых, условные и реальные группы, во-вторых, среди реальных — лабораторные и естественные, в-третьих, среди естественных — большие и малые, в-четвертых, среди больших — неорганизованные и организованные, а среди малых — становящиеся и коллективы *K*

Обладающая рядом достоинств, связанных прежде всего с определенной детализацией картины, данная схема представляется, однако, в целом достаточно уязвимой. Фактически обходя стороной проблему уровней функционирования групп, вернее, начинаясь, по сути дела, лишь с субсоциетального уровня анализа, она отличается явной неполнотой, не предусматривая «места» для более широких, нежели большие группы, общностей. Неясным также остается в этой схеме ее основание, поскольку ссылка на «место групп в системе общественных отношений» в ряде ситуаций оказывается чисто формальной. Она заведомо не срабатывает в случаях выделения не только условных и реальных, лабораторных и естественных групп, но и становящихся групп и коллективов. Наконец, множество недоумений и прямых возражений вызывают попытки более близко определить группы, завершающие классификацию, особенно различить неорганизованные и организованные большие группы, к которым относятся соответственно «случайно, стихийно возникшие, достаточно кратковременно существующие общности» и «в точном значении слова *социальные группы*»². Трудно согласиться с отнесением к этим последним, наряду с соци-

¹ См.: Андреева Г. М. Социальная психология, с. 175—178, 192—194.

² Там же, с. 197.

5·

131

альнымн классами и профессиональными группами, различных этнических и возрастных групп, не говоря уже об их общей характеристике как «организованных», то есть возникающих стихийно. Думается, при делении больших групп плодотворнее было бы исходить из их природы, характера их существования и способов жизнедеятельности и в соответствии с этими признаками говорить не о «стихийно возникающих» и «организованных», а о собственно социальных (классы, профессии), этнических, демографических, политических, религиозных и т. п. группах¹.

Значительно меньше, чем сами общности, исследованы наукой различные соответствующие им типы и формы сознания. Убедительные результаты, полученные философами в анализе классового сознания, а также социологами и социальными психологами в анализе сознания малых групп, не отменяют, к сожалению, того факта, что вопросов в этой сфере сегодня по-прежнему намного больше, чем ответов. И касаются они не только и, может быть, даже не столько частных, деталей, тех или иных конкретных характеристик отдельных типов «группового» сознания, сколько самих принципов изучения данного предмета.

Уже самое беглое знакомство с литературой обнаруживает, что большинство авторов, занимающихся общественным сознанием, предпочи-

¹ Из сказанного не следует, что критерий «стихийное — организованное» вовсе неприменим к классификации больших групп, он с полным основанием может быть использован, например, при дальнейшем членении политических общностей (ср. стихийные движения и политические организации, партии).

132

тает говорить о нем «вообще», «в общем и целом», без уточнения характера и границ его носителя. Если же в тех или иных исследованиях и ставится (или — чаще — подразумевается) проблема субъекта сознания, то в четырех случаях из пяти под этим субъектом понимаются лишь некоторые предельно широкие человеческие общности, как правило, то или иное «общество в целом». Помимо прочего, данная ситуация объясняется, видимо, тем, что до сих пор еще не все исследователи признают, что каждому типу субсоциетальной общности, независимо от уровня и характера ее жизнедеятельности, присущ собственный тип сознания. При этом — курьезная деталь! — под сомнение порой ставится существование не только таких «расплывчатых» (в силу той же их слабой изученности) образований, как, скажем, профессиональное или возрастное сознание, но даже национального сознания (во всяком случае, в условиях антагонистического общества) ¹. И это несмотря на то, что бытие последнего проявляется буквально повседневно, в массе исторических и бытовых ситуаций, не говоря уже о языке — реальности всякого сознания ².

¹ См. об этом, например: *Степанян Э. Х.* Классовое и национальное сознание. М., 1976, с. 8—9.

² В этой связи уместно напомнить, что классики марксизма-ленинизма многократно фиксировали различные характеристики национального сознания, призывая к самому углубленному его изучению. «Различие *французского* и *английского* материализма,— отмечал, в частности, К. Маркс,— соответствует различию между этими нациями. Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие еще темперамент и грацию» {*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 144). Именно с особенностями национального

133

не менее важным моментом — в ряду принципиальных — оказывается также непроясненность основных направлений выявления специфики отдельных типов и форм «группового» сознания. В большинстве случаев исследователи, занимающиеся этой стороной предмета, ограничивают свой анализ исключительно *содержанием* тех или иных составляющих сознания. В соответствии с таким подходом, к примеру, фиксируется, что чувства симпатии и антипатии, присутствующие в национальном сознании, отличаются по своему объекту, знаку, силе, направленности и т. д. от аналогичных образований в составе классового сознания, что интересы, ценности, нормы, входящие в состав классового сознания рабочего класса, противоположны интересам, нормам, ценностям, характерным для класса буржуазии, и т. д.

Нет спору, со многих точек зрения подобное направление анализа является в самом деле чрезвычайно важным, даже решающим. Однако, как отмечалось выше, общественное сознание представляет собой системное образование. Это верно не только применительно

к сознанию того или иного общества в целом, но и применительно ко всем без исключения отдельным типам «группового» сознания. А раз так, то при сравнительном анализе последних внимание должно обращаться не только на их содержательные характеристики, но и на их *структурные* свой-

(как и религиозного) сознания английского рабочего класса К. Маркс связывал «тайну» его бессилия в борьбе с собственной буржуазией (см. там же, т. 32, с. 558). Известно также, что В. И. Ленин называл патриотизм одним «из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств» {Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 37, с. 190}.

134

ства, *композицию, функции* тех или иных составляющих их элементов.

Не составит особого труда показать, например, что сознание больших групп, в силу объективной специфики их существования и жизнедеятельности, не может не отличаться именно по своей структуре как от общественного сознания «вообще» (охарактеризованного выше по 80 типам элементов), так и от сознания малых групп. Ведь уже сам «распыленный» характер больших общностей явно исключает из присущего им типа сознания ряд психологических составляющих, предполагающих непосредственное взаимодействие, прямые контакты всех индивидов в группе, вроде чувственных образов, восприятий, волевых импульсов и т. п. И такой анализ должен быть продолжен дальше, распространиться на сознание различных видов больших и малых групп (к примеру, мы с полным основанием говорим о национальном характере или темпераменте нации, однако эти понятия вряд ли приложимы к описанию профессионального сознания), а также на сознание различных групп, выделяемых внутри того или иного вида общностей (в данной связи можно предположить, в частности, что пролетарское сознание отличается от мелкобуржуазного не только по содержательному наполнению одних и тех же элементов, но и по самому набору этих элементов). Причем, повторяю, во внимание должны приниматься не только сами элементы, составляющие структуру того или иного «группового» сознания, но и их положение, роль, функции в этой структуре. Известно, например, что в сознании всех видов больших групп неизменно присутствуют чувства, привычки, навыки. Од-

135

нако их роль, значение в сознаниях разных групп представляются неодинаковыми. Сдается, помимо прочего, что чувства более «весомы» в структуре национального, нежели профессионального сознания, в то время как навыки — скорее, наоборот.

Еще одна не решенная до конца принципиальная проблема анализа отдельных типов и форм «группового» сознания — комплексность, полнота описания их характеристик. В параграфе 2.3 мы видели, что в составе общественного сознания фигурируют такие классы его составляющих, как чувственные, когнитивные, имагинативные, рефлексивные, эвалюативные и реактивные элементы сознания, стихийно и институционализированно возникающие элементы сознания и т. д. Очевидно, при рассмотрении того или иного «группового» сознания задача заключается в том, чтобы «спроецировать» на него эту общую «сетку», выявив всю совокупность относящихся к данному случаю элементов. Однако до сих пор в практике исследовательской деятельности господствуют иные модели. В соответствии с ними к делу привлекаются лишь некоторые, подчас произвольно выхватываемые основания расчленения предмета, причем и в их рамках, как правило, учитываются не все, но лишь те или иные отдельные типы его составляющих. В результате картина получается, как минимум, неполной, фрагментарной, а иногда и откровенно искажающей действительные характеристики сознания.

Так, некоторые авторы, занимающиеся национальным сознанием, считают возможным описывать его исключительно в терминах психологии, чувственных составляющих, полностью

отвлекаясь от вопроса о наличии в этом сознании идей, теорий, взглядов и иных образований, относящихся к сфере рационального знания, или даже активно исключая эти образования из данного типа сознания¹. В других случаях недооценка или полный неучет стихийных форм образования сознания, чрезмерное гипертрофирование роли институционализированных форм порождают взгляд, будто бы находящиеся на «доидеологической» стадии своего развития общности вовсе не имеют собственного сознания².

¹ В отличие от классового сознания, писал, например, Г. Е. Глезерман, духовные элементы нации «ограничиваются известной общностью черт национального характера, национальной психологии и не охватывают области идеологии...» (*Глезерман Г. Е. Классы и нации. М., 1977, с. 16*). Возражая против такого рода «усеченных» характеристик национального сознания, Э. Х. Степанян справедливо утверждает, что вопрос о данном типе сознания «отнюдь не сводится к особенностям психического склада или склада национальной психологии... Главное в национальном сознании — не специфические особенности национальной психологии, не национальные предрассудки и суеверия, а адекватное отражение подлинных интересов нации, т. е. идеи и взгляды национального освобождения и социального прогресса...» (*Степанян Э. Х. Классовое и национальное сознание, с. 9, 14*).

² Явно смешивая проблемы общественного сознания и самосознания, Г. Е. Глезерман пишет: «Известно, что классы возникают сначала как классы «в себе». На этой ступени развития класс уже объективно существует, но еще не обладает классовым сознанием. Последнее вырастает в ходе классовой борьбы, по мере того как класс осознает свои коренные интересы, превращается в класс «для себя» (*Глезерман Г. Е. Классы и нации, с. 17—18*). В заочной дискуссии его снова поправляет Э. Х. Степанян, верно отмечающий, что классовое сознание «выражает мысли и чувства, желания, побуждения, стремления массы людей данного общественного класса на различных этапах его развития и на любом уровне (в том числе инстинктивно и

Как бы, однако, ни обстояло дело с описанием отдельных типов «группового» сознания, выявлением их специфики, следующая — важнейшая — сторона общего вопроса, связанная с выяснением *отношений* между всеми выделяемыми по их субъекту типами сознания, определением их *места и роли* в жизни общества, а также в структуре общественного сознания в целом, рассмотрена современной наукой с достаточной полнотой.

Основоположники материалистического понимания истории выдвинули и обосновали идею *иерархии* фигурирующих в обществе различных типов общностей, доказав, что безусловно главными, определяющими среди них — и в этом заключалось их величайшее научное открытие — являются собственно, в узком смысле слова социальные группы, совпадающие с основными классами и входящими в эти классы слоями общества. Именно такого рода группы составляют базовую — социально-экономическую структуру всякого классового общества, определяющую все прочие его отношения — национальные, политические, культурные и т. п., и именно они являются носителями основных групповых (уже без кавычек!) форм общественного сознания, господствующих в духовной жизни общества. Оценивая эту сторону нового учения, Ф. Энгельс подчеркивал: «...Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борь-

гтийно, в форме иллюзий, предрассудков и т. д.)», в то время как «самосознание класса отражает его превращение из «класса в себе» в «класс для себя» (*Степанян Э. Х. Классовое и национальное сознание, с. 6*).

ба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов... закон, имеющий для истории такое же значение, как закон превращения энергии для естествознания...»¹

Развивая тезис о решающей роли классовых отношений в жизни общества, основоположники марксизма-ленинизма сформулировали принципиальные положения о существовании — в соответствии с этими отношениями — «двух наций» в рамках одной нации и «двух культур» в рамках одной национальной культуры. «...Английский рабочий класс,— писал в этой связи Ф. Энгельс,— с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия. Буржуазия имеет со всеми другими нациями земли больше родственного, чем с рабочими, живущими у нее под боком. Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия»². Аналогичным образом, утверждал В. И. Ленин, «в каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 259.

² Там же, т. 2, с. 356. Ср. также у Ленина: «Собственники и наемные рабочие, незначительное число («верхние десять тысяч») богачей — и десятки миллионов неимущих и трудящихся, это, поистине, «две нации»...» (Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 11, с. 282).

139

идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная...— притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»¹.

Характеризуя классовое сознание, марксизм-ленинизм понимает под ним совокупность (систему) идей, взглядов, чувств, представлений, желаний, присущих тому или иному классу как целому, как определенной социальной общности и, следовательно, отличающихся от идей, взглядов, чувств и т. д. иных классов общества, а также всех иных типов общностей. «Над различными формами собственности,— читаем мы в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»,— над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений»².

В классовом сознании фиксируется отношение класса к собственному положению в обществе, а также к другим классам общества³, выражаются опыт деятельности класса и его коренные интересы, отражаются его представления о путях и способах достижения классовых

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 24, с. 120—121.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 145.

³ «Со-чпание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием,— отмечал В. И. Ленин,— если рабочие... не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения» (Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 6, с. 69).

140

целей и т. д. Будучи отражением непосредственных условий существования класса, классовое сознание возникает прежде всего на уровне стихийного, непрофессионализованного сознания, получая затем последовательное и четкое выражение в классовой идеологии — вырабатываемой мыслителями более или менее стройной системе теоретически оформленных положений. Очевидно, мера

противоположности классовых интересов определяет и меру противоположности сознаний различных классов. Поэтому в антагонистическом обществе общественное сознание в целом, рассматриваемое сквозь призму его классовых характеристик, всегда резко противоречиво, разорвано, существует в виде противостоящих друг другу форм, в конечном счете в виде взаимно исключаящих друг друга идеологий основных классов.

Столь же разорванными, противоречивыми оказываются здесь и все остальные типы группового сознания — национальные, региональные, возрастные и др. Они отнюдь не устраняются классовым сознанием, не отменяются им, но действуют в сложной взаимосвязи с ним, испытывая его определяющее влияние и вследствие этого играя в сравнении с ним значительно более скромную роль в механизмах детерминирования социального поведения людей. Это соотношение «удельных весов» классового и иных типов группового сознания было прекрасно выражено В. И. Лениным в его знаменитой формуле: «При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»^x.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 24, с. 134.

141

3.3. Производители и носители общественного сознания

Важным условием построения иерархии различных типов группового сознания является также *общая* оценка сравнительной значимости в процессах человеческой жизнедеятельности форм сознания, свойственных, с одной стороны, большим и, с другой — малым группам. В противовес выраженной, хотя и слабеющей в последнее время¹, традиции буржуазной социологии, сплошь и рядом отдающей «пальму первенства» малым группам (вспомним хотя бы концепцию создателя социометрии Д. Морено), исследователи-марксисты считают несравненно более «весомыми» как раз широкие человеческие общности, поскольку «*содержание* социально значимых черт человеческой психики (как и сознания вообще.— *Б. Г.*) формируется на мак-росоциальном уровне»².

Убедительные, базирующиеся на солидном эмпирическом материале результаты на этот счет были получены В. А. Ядовым в рамках созданной им теории диспозиционной структуры сознания личности, описывающей механизмы регуляции поведения людей и разрешившей многие проблемы, с которыми столкнулась теория социальной установки. Здесь, с одной стороны, было выявлено сложное взаимодействие микро- и макроуровней указанных механизмов, а с другой — обнаружено, что ведущими, опре-

¹ См. об этом, в частности: *Андреева Г. М.* Социальная психология, с. 183.

² *Дилигенский Г. Г.* Марксистская концепция классового сознания и ее критики.— Вопросы философии, 1969, № 2, с. 17.

142

деляющими стратегию поведения человека факторами являются как раз высшие диспозиции (концепция жизни, система ценностных ориентации), которые продуцируются в процессе жизнедеятельности широких социальных общностей, образующих социально-экономическую и общественно-политическую структуру социума *K*. Помимо всего прочего, проблема «удельных весов» больших и малых групп в производстве общественного сознания прямо подводит нас еще к одному принципиально новому моменту в марксистском решении *вопроса о* субъекте общественного сознания — различению «фигур» **творца** и собственно **носителя** этого сознания. Если в качестве последнего способны выступать и реально выступают любые человеческие общности — начиная с глобальной и кончая диадическими (состоящими всего из двух индивидов), то в качестве первого — явно не все, а только устойчивые, базирующиеся на совместной социально-исторической деятельности, преимущественно широкие общности, действующие на субсоциетальном и более высоких уровнях существования человечества. При этом их участие в процессе производства соответствующих типов группового сознания может быть как прямым, непосредственным (ср. Марксово «*весь класс творит и формирует все это*»), так и косвенным, опосредованным, а именно: опосредованным

специализированной деятельностью особого рода людей — мыслителей, идеологов дан-

¹ См.: Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности.— В кн.: Методические проблемы социальной психологии. М., 1975; а также — под редакцией В. А. Ядова — Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

143

ной общности¹. Во втором случае присутствие самой общности в указанном процессе — факт несомненный², однако в качестве собственно творца сознания тут выступают тем не менее именно идеологи, и это, помимо прочего, означает, что по отношению к создаваемым ими элементам общественного сознания соответствующая общность оказывается, в строгом смысле слова, не творцом, а лишь носителем сознания. В рамках рассматриваемого аспекта анализа марксизм выявил и разработал обширную проблематику, связанную в первую очередь с характеристиками спонтанно возникающих и институционализированно порождаемых форм общественного сознания, с определением природы и специфики идеологии как особого типа группового сознания и т. п. В трудах классиков марксизма, и прежде всего в работах В. И. Ленина, относящихся к периоду создания партии большевиков, первой русской революции 1905 г., получили глубокое освещение такие вопросы, как

¹ См., например, у В. В. Шаронова: «Как субъект сознания класс может выступать... во-первых, как непосредственный творец сознания, во-вторых, как опосредованный творец сознания, в-третьих, как носитель сознания» (*Шаронов В. В. Психология класса. Проблемы методологии исследования*, с. 61).

² Элементы общественного сознания, не являющиеся продуктом непосредственной материально-общественной деятельности классов (наука, идеология, философия, искусство и др.), отмечает В. В. Шаронов, «определяются этой деятельностью опосредованно по крайней мере в двух отношениях: во-первых, их связь с материальной деятельностью осуществляется посредством обыденного сознания и общественной психологии, во-вторых, их содержание опосредуется практическими потребностями и интересами социальных общностей...» [*Шаронов В. В. Психология класса. Проблемы методологии исследования*, с. 66).

144

соотношение стихийности и сознательности в рабочем движении; развитие сознания рабочего класса от его незрелых, исторически первичных форм до уровня высокого классового самосознания; взаимодействие рабочего класса и его авангарда — партии, включая процессы выработки научной идеологии пролетариата и ее привнесения в ряды рабочего класса. Формулируя основное ядро этой проблематики, В. И. Ленин писал: «...социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм *вносится* идеологами»¹.

Не менее важную роль тезис о «расщеплении» субъекта общественного сознания на непосредственного творца и носителя играет также в рамках феноменологического анализа различных типов группового, в том числе классового, сознания. В частности, он проливает свет на такое чрезвычайно важное в теоретическом и социально-политическом отношениях явление, как *историческая неоднородность группового сознания*. И именно в этом пункте анализа мы вплотную сталкиваемся с явлениями, от которых уже всего один шаг до выхода на разнообразную и сложнейшую проблематику собственно массового сознания.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 6, с. 362—363.

Раздел II

ФЕНОМЕН

*И СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА
МАССОВОГО СОЗНАНИЯ*

Боже, сколько профессий, и
шестьей, и групп, Сколько разных собраний,
движений и мод, Сколько всяких кружков,
всяких банд, всяких трупп!

Ж. Брассанс

Открывая новый раздел, хотелось бы отметить, что трудности, с которыми сталкивается всякий, рискнувший подступить к решению проблем массового сознания, отчетливо делятся па две категории. Первые из них имеют, так сказать, *субъективное* происхождение — связаны с многочисленными ошибками, допущенными исследователями в ходе изучения предмета, с разнообразными искажениями его существа, вызванными заскорузлостью догматического мышления или откровенным, а также более или менее искусно камуфлируемым идеологическим интересом, наконец, с многозначностью терминологии, используемой при описании весьма далеких по своей природе явлений и процессов. В результате всех этих обстоятельств рассматриваемый предмет во многом утратил свои действительные очертания, предстает в ложном свете противоречивых, взаимно исключающих друг

146

друга суждений, и теперь, чтобы «пробиться» к нему, необходимо шаг за шагом, слой за слоем «очищать» его от возникших в разное время и по разным причинам «литературных напластований».

Одним из способов преодоления такого рода трудностей является подход к предмету, как бы заново, без оглядки на то, что было сказано ранее по его поводу. Разумеется, опыт предшественников, в том числе неудачный, невозможно игнорировать: помимо всего прочего, на ошибках учатся. Однако одно дело — иметь в виду этот опыт, учитывая заключенное в нем «рациональное зерно», в процессе позитивного рассмотрения предмета, и совсем другое — заниматься его непосредственным анализом, определяя природу и характер допущенных ошибок и мистификаций, раздавая «всем сестрам по серьгам», и таким образом двигаться к адекватному воспроизведению предмета. Понятно, что, принимая во внимание задачи и объем настоящего исследования, мы будем держаться первого пути. Такое решение кажется тем более оправданным, что в советской литературе явно нет недостатка в критике всего «наговоренного» (преимущественно буржуазными авторами) по поводу рассматриваемой проблематики, при несомненном дефиците в ее конструктивной разработке.

Трудности другого рода имеют, напротив, *объективный* характер. Они связаны с самой природой, самими свойствами феномена массового сознания и заключаются в том, что и эта природа, и эти свойства в самом деле с большим трудом поддаются фиксации и описанию, поистине неуловимы с точки зрения строгих оп-

147

ределений. Насчитывающий не один десяток лет опыт теоретического изучения общественного мнения — достаточно яркое тому подтверждение!

Ясно, что от этих трудностей невозможно абстрагироваться. Весьма широкие по своему набору, все они ждут действительного преодоления в процессе анализа предмета. И именно с ними пришлось прежде всего иметь дело в предлагаемом читателю исследовании.

Глава 4

ГРУППОВОЕ СОЗНАНИЕ

И СОЗНАНИЕ ГРУПП.

ОБНАРУЖЕНИЕ «НЕКЛАССИЧЕСКИХ»

СИТУАЦИЙ

4.1. Историческая неоднородность

*группового сознания
и групповая неоднородность
сознания группы*

Итак, первое явление, которое представляет для нас бесспорный интерес,— это *историческая неоднородность группового сознания*. Рас-

¹ «...Если мы обратимся к трудам и статьям исследователей общественного мнения,— авторитетно свидетельствовал в свое время Г. Дюрент, бывший руководитель Британского института общественного мнения,— мы не обнаружим достаточной теоретической ясности. Луи Гуттман в бесчисленном количестве статей и Ноль Лазарсфельд, в частности в «Американском солдате», пытаются дать какой-то теоретический анализ этого феномена, который они всю жизнь измеряют. Но в обоих случаях их анализ имеет тенденцию выродиться в математическую символику: объясняют-

148

смаывая ее применительно к классовому сознанию современного пролетариата, член Политбюро ЦК Компартии Греции Антонис Амбатъе-лос пишет: «Эта неоднородность проявляется прежде всего в *содержании* классового сознания — в различии знаний, представлений, чувств, разделяемых теми или иными «секторами» класса. Однако она имеет и более глубокую природу, затрагивая *уровни существования* классового сознания. В результате часть класса может осознавать положение класса в обществе, его интересы, цели, задачи борьбы и т. д. на уровне обыденного сознания, в то время как другая — в форме теоретических предложений, научных истин. Можно ли вообще представить себе ситуацию, при которой бы все отряды рабочего класса (профессиональные, региональные, возрастные и т. п.) или — тем более! — все члены класса демонстрировали абсолютное единство позиций по всем вопросам, монолитное классовое сознание? Скорее всего, лишь в абстракции. Потому что даже в «звездные часы» жизни пролетариата — в периоды его грандиозных классовых боев, в моменты его революционных выступлений, когда понимание классовых интересов, соответственно классовая солидарность, достигает наивысшего развития и наибольшего распространения в сознании класса,— даже в эти моменты, как известно, сохраняет всю свою силу различие в составе пролетариата его от-

ся отношения внутри некой реальности, в некоторых случаях даже отношение этой реальности к другим понятиям, но природа самой реальности остается скрытой...» (*Durent H. Public opinion, polls and foreign policy.— The British Journal of Sociology, vol. VI, N 2, June, 1955, p. 152*).

149

«

сталых и передовых слоев, массы и авангарда, класса и идеологов класса... Рабочий класс представляет собой сложное целое, живой организм. Он меняется не только в историческом масштабе, с десятилетиями, но и *в каждый данный момент* своего существования; меняется прежде всего по своему составу: в него постоянно вливаются новые отряды — часть из рядов самого рабочего класса (дети рабочих семей), часть из других слоев населения... Очевидно, становясь носителями классового сознания пролетариата, все эти люди не сразу поднимаются до высот такого сознания. Разумеется, партия, передовые отряды рабочего класса в процессе воспитательной, организационной и пропагандистской работы стараются по возможности сократить этот путь. В результате часть новых пополнений пролетариата в исторически более короткие сроки, нежели класс в целом, приходит к усвоению передовых идей и ценностей класса... Однако, как известно, подобная деятельность партии приносит желательные плоды далеко не всегда, да и в случае успеха для достижения указанных результатов требуется определенное время... Поэтому-то в каждый данный момент мы застаем в сознании класса «участки», находящиеся на разных этапах развития классового сознания в целом»¹.

Отмеченное в приведенном высказывании несовпадение ролей и «фигур» творца и носителя группового сознания обнаруживает себя, далее, в том, что те или иные группы, их отдельные «части» оказываются носителями не только

¹ Амбатьелос А. О формировании сознания современного рабочего класса.— Проблемы мира и социализма, 1978, № 6, с. 46, 47.

150

«своего», собственного (пусть находящегося на разных стадиях исторического развития), но и «чужого», привнесенного «со стороны», порожденного другими общностями, группового сознания. Это ведет к возникновению такого многогранного в политическом, культурном и иных отношениях явления, как *групповая неоднородность сознания общности (группы)* или — в более широкой формулировке — *несовпадение* того или иного *группового*, в частности классового, сознания, с одной стороны, и *фактического* сознания данной группы (данного класса) — с другой.

Если взять, к примеру, сознание того же рабочего класса, действующего в условиях капитализма, то нетрудно обнаружить, что оно неоднородно не только в первом — историческом, но и во втором — социальном отношении. В самом простом случае эта последняя неоднородность обуславливается сложностью состава рабочего класса, формирующегося из различных слоев населения. «Капитализм,— отмечал в этой связи В. И. Ленин,— не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию... от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.»¹ Очевидно, все эти «части» пролетариата, становясь со временем носителями собственно пролетарского сознания, на протяжении более или менее длительного периода еще сохраняют «верность» групповым сознаниям своих «бывших» общностей. И такое положение оказывается ха-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 58.

151

рактерным, пишет А. Амбатьелос, «не только для стран, недавно освободившихся от колониального гнета... (где молодой пролетариат по своему социальному составу отличается особенно большой пестротой), но и для стран развитого капитализма, где процессы формирования рабочего класса идут самым бурным образом, причем уже не только «снизу», за счет полупролетарских и мелкобуржуазных (крестьянских) слоев, но и «сбоку» и даже «сверху», за счет средних слоев, служащих и интеллигенции»¹. Кроме того, у групповой неоднородности фактического сознания рабочего класса имеются и иные, более широкие основания, коль скоро «существенные различия в позициях — взглядах и поведении — могут демонстрироваться и представителями класса, относящимися к его «кадровому» составу. В практике деятельности коммунистов подобная реальность сопряжена с такими острыми проблемами, как правооппортунистическая, социал-демократическая (некоммунистическая, а подчас даже антикоммунистическая) ориентация части «чистого» (по словам Ленина) пролетариата, как связь отдельных «секторов» такого пролетариата с откровенно реакционными силами и режимами и т. д.»². Очевидно, в данных случаях механизмы усвоения частью рабочего класса «чужого» классового сознания (в первую очередь буржуазного) связаны уже не с генезисом соответствующих слоев пролетариата, не с «родимыми пятнами»,

¹ Амбатьелос Л. О формировании сознания современного рабочего класса.— Проблемы мира и социализма, 1978, № 6, с. 47.

² Там же, с. 48.

152

указывающими на особенности их происхождения, а с особенностями бытия рабочего класса в капиталистическом обществе, в частности с разносторонним действием рассмотренной выше формулы К. Маркса и Ф. Энгельса относительно господства в сознании общества мыслей и идей господствующего класса.

Наконец, при анализе фактического сознания той или иной группы (класса) мы сталкиваемся еще с одним чрезвычайно важным для понимания и учета реалий духовной жизни общества явлением — *синкретичностью сознания всякой общности*, возникающей в результате перекрещивания, пересечения (и именно на этой базе — взаимодействия) различных типов группового сознания в пределах действия той или иной отдельной группы.

Смысл этого явления — до банальности очевидного, но тем не менее далеко не всегда учитываемого в теории и политической практике — заключается в том, что множества индивидов, образующие в своей совокупности ту или иную группу (например, тот или иной класс), одновременно входят и во многие другие более или менее широкие общности: демографические, региональные, этнические, политические, совпадающие с ближайшим окружением человека (средой его проживания) и т. п. В результате они оказываются носителями не одного (связанного с данной группой), а нескольких различных типов группового сознания. «...Будучи в составе класса,— пишет по этому поводу А. Ам-батъелос,— рабочие являются творцами и носителями специфического для данного класса сознания — соответствующего положению пролетариата в обществе, отражающего его интере-

153

сы, отличного от сознания других классов и т. д. В качестве членов иных общностей те же рабочие наряду с представителями других классов и слоев населения, входящих в общность, участвуют в создании и распространении иных, отличных от классовых, элементов сознания. В обществе, как известно, помимо прочего, существуют и так называемое общечеловеческое сознание... и так называемое историческое сознание, выражающее отношение людей к прошлому и будущему своей страны... и так называемое традиционное сознание, принимающее форму национальных, этнических и т. п. обычаев, вкусов, предрассудков, моделей отношения к действительности; и специфическое сознание тех или иных возрастных групп (например, то же «молодежное» сознание, с большой силой проявившееся в ряде капиталистических стран в памятные 1968—1969 гг.) и т. д.» ■

По сути дела, здесь снова фиксируется факт несовпадения собственно группового сознания группы с ее фактическим сознанием. Однако нельзя не заметить (и, следовательно, не учитывать в теории и на практике) существенных различий между явлениями, названными выше групповой неоднородностью сознания группы, и синкретичностью ее сознания. Очевидно, в первом случае речь идет об определенном *совмещении* в фактическом сознании группы различных *видов* группового сознания, выделяемых по какому-то одному основанию, то есть действующих в рамках того или иного *одного типа* (например,

¹ Амбатъелос А. О формировании сознания современного рабочего класса.— Проблемы мира и социализма, 1978, № 6, с. 48-49.

154

классового, или национального, или профессионального). Во втором — о *пересечении* в этом сознании нескольких, множества различных, выделяемых по несовпадающим основаниям, *типов* группового сознания (классовых + национальных + региональных + профессиональных и т. д.)¹. Очевидно также и то, что с точки зрения характеристик реального положения и задач исследования собственно группового сознания общности эти различия в самом деле весьма немаловажны. Ведь в первом случае это сознание оказывается в состоянии более или менее острой *конфронтации* (антагонистической или неантагонистической) с находящимися рядом с ним «чужими» сознаниями, во втором же — оно тем или иным образом *взаимодействует* с разного рода «другими» групповыми сознаниями².

¹ В этой связи уместно вернуться к словам В. И. Ленина, приведенным на с. 151. Отметив социальную неоднородность рабочего класса, он тут же говорит и о другого рода

его «делениях» — «земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. и.» (.7с-нин И. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 59).

² Уместно отметить, что явление синкретичности — как раз в отличие от явления неоднородности — всегда свойственно не только сознанию групп, но и сознанию личности. «Выполняя различные социальные функции,— пишет Г. М. Андреева,— человек является членом многочисленных социальных групп, он формируется как бы в «пересечении» этих групп, является точкой, в которой пересекаются различные групповые влияния». Для личности, «включенной в систему взглядов, представлений, норм, ценностей многочисленных групп», «крайне значимо определить, какова будет та «равнодействующая» этих групповых влияний, которая и определит содержание сознания личности» (Андреева Г. М. Социальная психология, с. 176, 177).

155

4.2. Первые опыты изучения негрупповых общностей

Как бы, однако, там ни было, во всех рассмотренных нами случаях (за исключением тех, где речь шла о различных формах общечеловеческого сознания) теоретический анализ функционирования общественного сознания оказывался неизменно связанным с представлениями о **групповом характере его субъекта** — творца и носителя. Данный подход сложился я качестве ведущего, господствующего не только в марксистской традиции, но и в различных направлениях и школах буржуазной социологии. Вкладывая неодинаковое содержание в само понятие «группа», концентрируя свое внимание заведомо на разных типах групп, руководствуясь в их анализе качественно различными методологическими принципами и т. д., марксистская и буржуазная социальная мысль тем не менее описывают субъект общественного сознания равно в терминах групповых общностей.

Это значит, что, за вычетом тех или иных элементов общечеловеческого сознания, именно формы группового сознания («чистого» или «сложного»), взятые во всей их совокупности, заполняют в анализе все поле функционирования общественного сознания в различных типах обществ. И именно в принадлежности индивидов к тем или иным группам (в рамках различных типов общества), а значит, к тем или иным типам группового сознания, усматриваются решающие детерминанты, определяющие основной спектр социального поведения людей. В частности, в рамках собственно марксистского подхода, с его положением о господстве в

156

обществе классовых отношений и в структуре общественного сознания — классовых форм сознания, объяснение поведения, деятельности тех или иных индивидов и множеств индивидов достигается (разумеется, при прочих равных обстоятельствах, в общем и целом, в конечном счете и т. д.) с помощью формулы: «деятельность ·*-механизм сознания (разного рода экономические, политические, идеологические, нравственные и иные установки, ориентации, мотивы, интересы, импульсы, настроения и т. д., приводящие к данной деятельности)-«-классовые характеристики субъекта деятельности, обуславливающие соответствующие механизмы сознания». Или — поскольку второй член формулы может оцениваться (опять же при прочих равных обстоятельствах, в конечном счете и т. д.) в качестве более или менее адекватного отражения третьего — с помощью еще более простой зависимости: «деятельность■*-классовые характеристики субъекта деятельности»¹.

Иным выражением описываемого взгляда на субъект общественного сознания является тот факт, что внимание современной социологии и социальной психологии сосредоточено преимущественно (можно даже сказать, в подавляющем большинстве исследовательских ситуаций) на разнообразных формах *группового поведения* людей, на деятельности тех или иных — больших и малых, естественных и «искусственно» созданных (обществом или самим исследовате-

¹ Об уточнении границ использования данной формулы см.: Грушин Б. А.

157

лем), социальных и прочих — групп¹. И господство такого подхода, как следует из всего изложенного выше,— вполне закономерное явление, коль скоро вчерашнее и нынешнее человечество в самом деле представляет собой совокупность прежде всего именно данного рода общностей.

Вместе с тем уже примерно сто лет назад, на переломе минувшего и текущего столетий, в поле зрения социальной науки оказались факты общественного (совместного) поведения людей, к которым критерии «классического» группового подхода оказались явно неприменимыми. На первый взгляд, здесь были налицо те же общности индивидов, причем иногда общности весьма значительные, однако — и в этом заключался весь вопрос! — они демонстрировали формы поведения, отличные от собственно групповых форм, и отличались иной природой, нежели уже описанные наукой привычные группы. Во-первых, они возникали как бы случайно, не в силу некоей изначальной «заданности», связанной с какими-то общими признаками индивидов, образующих общность, а скорее неожиданно, по тому или иному конкретному «поводу». Во-вторых, их характеризовала четко выраженная кратковременность существования:

¹ Известно, что в современной социальной науке огромное место занимают также проблемы личности, индивида, индивидуального поведения и сознания. Однако эта сторона дела, естественно, полностью выпадает из контекста нашего разговора, поскольку — в соответствии с предметом рассмотрения — мы постоянно имеем в виду лишь те разделы науки, в которых речь идет об анализе собственно *общественных* явлений, деятельности и сознании разнообразных множеств индивидов — *общностей*.

158

некоторые из них создавались и распадались буквально на глазах у исследователя. А главное — они представляли собой множества индивидов, относящихся к самым различным типам и видам традиционно выделяемых групп, живо напоминая «вавилонское смешение языков и рас». Таковы были, например, толпы людей, собравшихся где-нибудь на улице или в каком-либо помещении,—эти первые, наряду с так называемой публикой¹, исторически зафиксированные социологией (в лице Г. Тарда, Г. Лебона, Ш. Сигеле и др.) образчики «неклассических», то есть негрупповых, типов человеческих общностей. И их важнейшим свойством, помимо названных, было то, что они являлись носителями *особого, специфического типа сознания*, близкого к рассмотренным выше случаям совмещения или пересечения групповых сознаний, однако несводимого к ним. Так наука впервые столкнулась с феноменом, получившим впоследствии название **массового сознания**.

К сожалению, явление толпы — из-за общей бедности и выраженной специфичности его характеристик, а также чрезвычайной ограниченности ареала его действия² — не давало воз-

¹ Различие «толпы» и «публики» было введено уже Г. Тардом, который считал, что первая представляет собой физическое, сплоченное, активное (преимущественно негативно действующее) множество индивидов, в то время как вторая — духовное, рассеянное, более цивилизованное («терпимое») целое (см.: *Тард Г. Личность и толпа*. Спб., 1903).

² По определению Б. Ф. Поршнева, толпа — «это самая начальная и самая низшая, можно сказать, всего лишь исходная форма социально-психической общности» (*Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история*, с. 94).

159

МОЖНОСТИ «ГЮ ДОСТОИНСТВУ» ОЦЕНИТЬ ПОДЛИННЫ!!

смысл обнаруженного более широкого объекта, увидеть его действительные грани, связи с жизнью общества в целом и функционированием общественного сознания в

частности. К тому же, как уже отмечалось в предисловии к книге, первые исследователи «толпы», «публики» и аналогичных объединений — прежде всего в силу занимаемых ими откровенно антинародных классовых позиций, а также из-за общей неразработанности в ту пору методического аппарата исследований, отсутствия надежных, экспериментально проверенных данных — с самого начала пошли в анализе предмета в ошибочном направлении.

Негрупповой характер зафиксированных ими общностей не был осмыслен именно в этом его специфическом качестве, вследствие чего из поля зрения полностью выпала первоочередная задача проведения принципиальных границ между «толпой» («публикой» и т. д.) и «классическими» группами, в частности и прежде всего социальными. Крайне узкое по своему фактическому «положению» в жизни общества явление «толпы» стало трактоваться неоправданно широким образом, отождествляться с «массой» как таковой, с гигантскими «секторами» в структуре общества (трудящимися классами, нациями) и даже... обществом в целом.

Совершенно неадекватные описания и оценки — в немалой степени как раз под влиянием указанных идеологических посылок — получили и многие конкретные характеристики рассматривавшихся общностей, в частности их разного рода негативные, разрушительные, «уничтожа-

160

ющие личность» свойства. В результате «этот способ восприятия социальной действительности приводил к реакционным выводам, когда термин «толпа» подставлялся на место социально-политической категории «народные массы», когда революционное массовое движение подводилось под типологическую конструкцию, выработанную при наблюдении действий случайного собрания, реакционного сбоя, косной, обывательской аудитории»¹.

Справедливости ради следует сказать, что в работах Тарда, Лебона и других социологов и социальных психологов, первыми обратившихся к «неклассическим» общностям, содержалось немало верных наблюдений и выводов. Точным, в частности, было указание на то, что в этих общностях объединяются индивиды различного социального положения, относящиеся к разным нациям, профессиям, возрастам и т. д. Многообещающей была мысль Лебона о том, что толпой может быть не только множество рабочих, но и множество академиков. Наконец, особенно много продуктивных суждений было высказано по поводу конкретных механизмов сознания, действующих в рамках толпы, в частности связанных с явлениями подражания, заражения, внушения и т. д. Однако эти положения и выводы не заняли подобающего места в общей концепции, утонули в массе ложных, в том числе полностью перечеркивающих их, высказываний. В результате наметившееся было направление анализа не получило в последующие годы сколь-

¹ Ашин Г. Эволюция понятия «масса» в концепциях массового общества», — В кн.: «Массовая культура» — люзии и действительность. М., 1975, с. 37.

Б. А. Грушин 161

ко-нибудь позитивного развития, стало предметом острой научной критики или крайне далеких от науки идеологических спекуляций¹.

4.3. Новые возможности и новые трудности анализа предмета

Между тем жизнь, как говорится, брала свое. Бурные социальные, экономические, политические, культурные процессы, происходившие в XX столетии, приносили с собой все новые и новые примеры возникновения и действия «неклассических» общностей. При этом речь шла уже не только о толпе или публике (скажем, тех же читателей газет, как у Тарда), но о весьма *широкой серии* самых разнообразных по их характеристикам, в том числе достаточно устойчивых, множеств людей, демонстрирующих совместное, но не

групповое поведение, а также стоящий «за» этим поведением особый тип общественного, но не группового сознания.

Среди этих разновеликих по масштабам объединений во всех без исключения типах обществ стали, помимо прочего, фигурировать участники различных массовых политических и социокультурных движений (например, в защиту окружающей среды, в знак протеста против тех или иных акций империализма, за мир и устранение ядерной опасности и т. п.); аудитории отдельных средств и каналов массовой информации; потребители тех или иных (в частности, «социально окрашенных» — престижных, мод-

¹ См. об этом, в частности: *Ашин Г. К.* Доктрина «массового общества». М., 1971, с. 19, 53—57 и др.

162

ных и т. п.) товаров и услуг; члены многочисленных любительских (по интересам) ассоциаций и «клубов»; болельщики футбольных команд и поклонники кинозвезд. Но особое место в этом ряду — как по распространенности, всеобщности своего значения, так и по яркости своих «негрупповых» характеристик — стали занимать различные «секторы» так называемой общественности, выступающие носителями широкого (например, действующего в границах отдельных государств, а также за их пределами) *общественного мнения*.

Ведь что бы там ни говорилось о «неуловимости» и «загадочности» последнего, сколько бы ни приводилось примеров, свидетельствующих не только о силе, но и о слабости указанной общественности, ныне тем не менее уже ни один серьезный исследователь или политик не может не признать, что XX век и особенно его вторая половина характеризуются качественным сдвигом в функционировании данного социального института: из феномена, традиционно ограниченного рамками тех или иных «замкнутых» общностей, групп (родовых, этнических, «цеховых», профессиональных и т. п.), а в более широких масштабах проявлявшегося лишь спорадически, общественное мнение превращается в постоянно действующий и, главное, действенный элемент жизни современных государств, выступая наряду с «классическими» общностями (группами) в качестве относительно самостоятельного агента, активно участвующего в социальной и политической борьбе, в том числе в процессе выработки и принятия ответственных решений практически на всех уровнях социального управления.

(>*

163

В отличие от любых «классических», более или менее понятых и предсказуемых с точки зрения их поведения субъектов социального действия, общественное мнение, совпадающее с вербальной реакцией публики на различные события и факты жизни и, следовательно, представляющее собой, так сказать, массовое сознание в чистом виде (массовое сознание *in actu*, в действии), отличается многими поистине «неожиданными» свойствами. Известно, например, что оно, как правило, неоднородно, противоречиво по своим позициям, поэтому если одна его часть высказывается «за», то другая непременно «против». Известно также, что оно чаще всего изменчиво, подвижно в своих предпочтениях — то поддерживает силы прогресса, то может оказаться («вдруг») на стороне самых отсталых представлений и даже откровенной реакции. Все это не только доставляет множество хлопот идеологам и политикам, стремящимся овладеть данным феноменом, научиться управлять им в конкретных условиях, но и выдвигает немало принципиальных в теоретическом отношении вопросов.

Общественное мнение, пожалуй, как никакое другое аналогичное образование, ставит современную социальную науку перед фактом: в обществе существуют и действуют не только разнообразные «классические» группы с присущими им определенными (групповыми) типами общественного сознания, но и некоторые *неизвестные, не определенные до сих пор типы общественного сознания*, присущие столь же неопределенным (и крайне «неожиданным»), особенно в условиях антагонистических

классовых обществ) множествам индивидов, объединяю-

164

щим представителей различных групп, но в то же время не имеющим группового характера. Понятно, что факт этот требует пристального рассмотрения — как по части обнаружившихся «неклассических» форм сознания, так и в отношении самих лежащих «под» ними «неклассических» общностей. В результате сегодня наука снова столкнулась с проблематикой, с которой в свое время не справились Тард, Лебон и их последователи. И хотя изменившаяся социальная практика предоставляет теперь иные, несравненно более богатые возможности для ее адекватного осмысления и решения, многие вопросы до сих пор остаются по-прежнему без ответа.

Нынешняя социология и социальная психология — и это необходимо еще раз самым решительным образом подчеркнуть — весьма далеки еще от сколько-нибудь полного понимания выделенного объекта. Причем среди нерешенных, по крайней мере до конца, фигурирует и главная задача: проведения надежных границ между собственно группами и «неклассическими» множествами индивидов (массами), равно как между групповым и негрупповым — массовым — сознанием. Вместе с тем то, что не удается осуществить на уровне строгих *определений*, достаточно хорошо *ощущается* ныне большинством исследователей: указанные границы конечно же существуют! Подобная ситуация характерна в том числе для авторов-марксистов, воспитанных на традициях группового, классового подхода к общественным явлениям. Если некоторые из них и не решаются пока — по тем или иным соображениям — прибегнуть к новому языку, продолжают, имея в виду массы и

165

1

массовое сознание, описывать их соответственно в терминах групповых общностей и группового сознания, то при этом они, как правило, оговариваются, что речь идет в данных случаях о некоторых специфических, необычных группах, так сказать, «группах» в кавычках.

Сошлюсь в данной связи на книгу Г. М. Андреевой «Социальная психология», для которой как раз весьма характерно ощущение новых направлений в исследовании общественного сознания. Остановившись на работах Г. Тарда и его современников, автор, помимо прочего, пишет: «...среди некоторых социальных психологов в настоящее время существует мнение, что эта проблематика вообще «старомодна» и не заслуживает разработки. Очевидно, в действительности вопрос заключается не в том, что проблемы устарели, а в том, что новый этап развития науки предполагает новые методы для исследования этих старых проблем. Что же касается самого явления, существования таких специфических общностей людей, как толпа, публика, или аудитория большого массового зрелища, то вряд ли его можно отрицать, так же как и наличие в этих условиях специфических форм общения и воздействия. Напротив, усложнение форм общественной жизни, развитие массовых форм потребления произведений культуры и искусства, массовых форм проведения свободного времени, средств массовой информации заставляют с особым вниманием отнестись к изучению и данного класса явлений»¹. И еще: «...общение многообразно по формам, и имеются такие ситуации, когда возникает потребность в

¹ Андреева Г. М. Социальная психология, с. 161.

166

нем в случайно возникших, стихийно сложившихся группах, которые не связаны общей деятельностью... часто даже и не в группах, в строгом смысле этого слова, а в тех объединениях людей, которые возникли на короткий срок часто по случайному поводу. Отсутствие длительного контакта между людьми в таких ситуациях не снимает вопроса о том, что общение и здесь крайне важно и значимо для жизнедеятельности людей»¹. Отнеся, как мы видели, указанные «случайные» общности к большим группам, Г. М.

Андреева подчеркивает, что сам термин «группа» по отношению к ним «весьма условен»².

Так что же, спрашивается, представляют собой массы как специфические человеческие общности, выступающие в качестве субъекта особого типа общественного сознания? Каким образом становится возможным возникновение этих феноменов в условиях многократно стратифицированных классовых обществ? Наконец, какими важнейшими отличительными свойствами обладает собственно массовое сознание? Вот вопросы, к рассмотрению которых мы должны теперь приступить, исходя из охарактеризованных выше принципов марксистско-ленинского анализа общественного сознания в целом. Однако прежде я хотел бы обратить внимание читателя на одну из самых серьезных сложностей, с которой мне пришлось столкнуться в процессе решения этих вопросов и которую, боюсь, так и не удалось до конца преодолеть.

В предисловии к книге отмечалось, что ее цель — рассмотрение широкого комплекса про-

¹ Андреева Г. М. Социальная психология, с. 160.

² См. там же, с. 193.

167

блем, касающихся собственно определения массового сознания, выявления его основных характеристик и границ существования. При этом имелось в виду, что речь должна идти о массовом сознании как таковом, массовом сознании *вообще*, безотносительно к тем или иным его конкретным видам, связанным с действиями различных видов масс. Однако весь фокус заключается как раз в том, что массовое сознание, как и сама масса, не существуют вообще, что они всегда облечены в те или иные *конкретные формы* и потому требуют в анализе не только абстрактных, общих, годных на все случаи определений, но и фиксирования специфических, частных характеристик отдельных форм.

Возьмем, к примеру, такие присутствующие в любом современном обществе множества индивидов, как толпа, аудитория той или иной телепередачи, общественность, высказывающая определенное мнение, поклонники какого-либо эстрадного кумира. Пожалуй, и без всякого специального анализа, на основе одной лишь прикидки «на глазок» можно утверждать, что все они не совпадают друг с другом по ряду характеристик, что каждое отличается определенной спецификой, которая, естественно, должна учитываться исследованием. Однако, с другой стороны, все эти образования представляют собой различные случаи именно массы как некоего особого типа «неклассических» общностей, отличного от групп в собственном смысле этого слова. Значит, все они заключают в себе и нечто единое — то, что делает их различными *видами* некоего общего *рода* — массы.

Опыт изучения данного явления показывает, что типичной ошибкой многих, если не подав-

168

I

ляющего большинства исследователей было как раз то, что они принимали специфические признаки отдельных форм массы (чаще всего той же толпы) за характеристики массы как таковой, распространяя их тем самым на все остальные виды рода. К сожалению, данная тенденция сохраняется и поныне¹. В результате общая природа явления по-прежнему ускользает от исследователей, не получая адекватного осмысления. Отсюда — необходимость отвлечения при анализе массы от любых конкретных форм ее существования, однако такого отвлечения, которое предполагает постоянное «сохранение в памяти» (как автора, так и читателя) не только самого факта существования этих конкретных форм, но и представлений о разнообразии их характеристик.

Отмечаемая трудность решения задачи становится еще большей, если учесть, что о

множественности форм, видов массы и массового сознания приходится говорить не только в указанном смысле, применительно к рамкам того или иного отдельного общества. Рассматриваемые явления принимают также разнообразные

¹ Чтобы убедиться в этом, достаточно еще раз вернуться к приведенным выше суждениям Г. М. Андреевой, в которых интересующему нас классу явлений неизменно приписываются такие свойства, как «случайность», «стихийность» возникновения, «несвязанность (индивидов) общей деятельностью». Нетрудно показать, однако, что эти признаки присутствуют отнюдь не во всех случаях функционирования массы. Так, уже об очереди в магазине нельзя сказать, что она возникает столь же случайно, как толпа; аудитория телевидения конечно же осуществляет общую, хотя и не совместную, деятельность, а общественное мнение может быть по своему происхождению не только спонтанным, стихийным, но и организованным...

169

I

исторические формы в зависимости от коренных социально-экономических и общественно-политических характеристик общества, в частности в условиях капитализма и социализма. Это находит свое выражение в том, что их многие свойства там и тут оказываются качественно отличными, существенно не совпадающими. Причем эти различия, несовпадения касаются не только содержания одних и тех же образований, но и самих способов их существования, механизмов возникновения и функционирования, перспектив развития и т. д.

Принимая во внимание последнее обстоятельство, о занимающем нас предмете, строго говоря, нужно было бы писать не одну, а несколько книг, отнесенных к различным социально-экономическим и общественно-политическим структурам. Однако в сложившейся исследовательской ситуации, когда некоторым частным (а именно типично капиталистическим) формам явлений устойчиво придается значение всеобщих, подобное мероприятие должно быть предварено попыткой описания предмета в его, так сказать, родовых определениях, с позиций его самых общих свойств, исходных, базовых характеристик. Другое дело, что такого рода описание опять же не должно терять из виду ни факта существования различных исторических форм соответствующих явлений, ни реальных специфических признаков этих форм.

Каким образом должна преодолеваться данная трудность? Мне лично выход из положения виделся в том, чтобы по ходу изложения материала, при каждой предоставляющейся возможности (связанной не столько с требованиями логики самого изложения, сколько с наличием

170

уровнем разработки той или иной проблемы) указанные общие определения, характеризующие род «массовое сознание», сопровождать необходимыми конкретизациями, относящимися к его отдельным, в том числе историческим, видам.

Глава 5

ПРОЦЕССЫ МАССОВИЗЛЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

5.1. Начальные характеристики

Итак, как же образуется и что собой представляет феномен массы — носителя массового сознания? Если оставить пока в стороне проблему времени *первоначального* возникновения этого рода человеческой общности (а ряд исследователей не без оснований настаивает на архаичности феномена массы¹) и ограничиться исключительно рамками современности, поиски ответа на поставленный вопрос приведут нас к широким процессам *массовизации*, захватившим все без исключения типы существующих ныне обществ.

К. Маркс был первым в истории науки мыслителем, кто раскрыл глубинную природу этих процессов, а также обратил внимание на чрезвычайно важное по своим практическим и теоретическим последствиям явление разнообразия

¹ См., например: *Grabowsky A. Zur Problematik der Masse.— Zeitschrift für Politik. München, 1968, Jg. 15, N2.*

171

их форм. Он показал, что исходной предпосылкой и одновременно основной базой массовизации, начинающейся со становлением капитализма, служит определенный уровень развития производительных сил, а именно промышленная революция, возникновение принципиально новых средств труда — машин; что крупное капиталистическое производство представляет собой типичный случай собственно массового производства; наконец, что, зарождаясь в сфере экономики, указанные процессы постепенно распространяются на все остальные сферы жизни общества — политику, культуру и т. д.

«Действие многих рабочих,— писал К. Маркс в «Капитале»,— в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства»¹. В сущности, уже в этих словах мы находим изначальные, предельно общие характеристики феномена массовизации², хотя на первых порах — ив этом состоит значительная сложность их самостоятельного выделения и осмысления — они теснейшим образом переплетены с характеристиками качественно иных процессов: формирования классов рабочих и капиталистов.

Два момента представляются тут особенно

" *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 333.* . ² Не случайно К. Маркс, говоря здесь «о создании новой производительной силы», подчеркивает, что она «по самой своей сущности есть массовая сила» (там же, с. 337).

172

важными с интересующей нас точки зрения. Во-первых, *соединение в рамках общности «большого»* (несопоставимого по своим размерам с предшествующими формами производства) *числа индивидов*, ведущее к умножению социальных — общественных и межличностных — отношений, связей между ними. Во-вторых, *уравнение* (сколь примечателен в этой связи Марксов рефрен «одно и то же», «одного и того же»!) *условий и иных характеристик деятельности индивидов*, ведущее к определенному уравнению (в границах данной деятельности) свойств самих индивидов — их естественных и социальных возможностей и способностей. Последнее обстоятельство связывается К. Марксом, в частности, с вовлечением в производство женского и детского труда: машина, подчеркивает он, исторически сыграла роль средства «увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи без различия пола и возраста»¹. Не меньшее значение получает и «формальная свобода», приобретаемая индивидами в отношении выбора рода и места их деятельности, проявляющаяся во взаимозаменяемости индивидов в различных образующихся общностях и, стало быть, в возможности свободно «входить» в них и «выходить» из них².

Оба названных момента, так сказать, в «свернутом виде» содержат в себе наиболее существенные признаки явления массовизации, которые получают дальнейшее развитие по мере

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 406. * См. там же, с. 179-183.*

173

разыертыпания процесса вширь и вглубь, в том числе не только в капиталистическом, но и в социалистическом и развивающемся обществах.

В сфере материального производства это развертывание принимает вид исторической последовательности: основанная на расчлененной системе машин фабрика — объединяющий несколько цехов-«фабрик» завод-гигант — национальное объединение заводов в рамках одной отрасли (трест, монополия) — национальное межотраслевое объединение — межнациональное (интернациональное) объединение в рамках одной

отрасли — наконец, межнациональное (интернациональное) объединение в рамках нескольких отраслей. В сфере непосредственно связанного с производством обмена указанный процесс совпадает с аналогичным переходом от разного рода и уровня местных, региональных рынков сначала к национальной, а затем и международной торговле. При этом в него оказываются втянутыми и физически разрозненные множества неиндустриальных производителей — мелкая буржуазия города и деревни.

Дальше — больше. Начавшись в сфере экономики, массовизация — в конечном счете на базе развития той же машинной техники, особенно новейших ее форм, связанных с нынешним этапом научно-технической революции, — медленно, но верно распространяется на все остальные участки жизни общества, захватывая сферы нематериального производства (наука, искусство, производство разного рода услуг), управления, материального и духовного потребления, политики, досуга, быта, наконец, общения между людьми, включая такие, казалось бы, в корне несовместимые с представлениями

174

о массовости виды общения, как семейные и сексуальные отношения¹.

Важнейшей составной частью и одновременно мощным катализатором всех этих процессов становятся порождаемые ими формы массовой культуры, стандарты духовной жизни, связанные с возникновением и функционированием в обществе различных видов так называемой массовой информации². Потребность в подобной информации со стороны разного рода массовизирующей деятельности вызывает к жизни специальные средства ее производства и распространения: современную печать, радио, телевидение, кинематограф и т. п. Не зная в принципе никаких границ своего действия — ни демографических и социальных, ни национальных и государственных, — эти средства не только «обслуживают» массовые процессы в различных сферах жизни общества, но и сами порождают — в том числе в глобальных масштабах — новые виды массовой деятельности, сопряженные со специфическими механизмами массовой коммуникации, с многообразными способами оперирования массовой информацией³. Вместе с тем

¹ В книге Д. Рисмена «Одинокая толпа», где дается всесторонний анализ процессов массовизации, характеризующих современное капиталистическое общество, в специальном разделе с примечательным заголовком «Секс: последняя граница» убедительно показывается, что эта граница также не выдерживает напора массовых отношений, преступается ими в тех или иных формах.

² Общее определение данного типа социальной информации, а также характеристику ее отдельных видов см. в книге: Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980, с. 19—38.

³ К числу этих способов, в частности, относятся собственно создание (производство) массовой информа-

175

феномены массовой информации, массовой культуры приобретают в жизни современных обществ и более широкое значение, будучи связанными не только с указанными mass media (хотя считать так стало устойчивым предрассудком, проникшим даже в научную литературу), но и с разнообразными формами спонтанной, неспециализированной — в том числе обходящейся без каких-либо технических средств — информационно-коммуникативной деятельностью широких слоев населения, начиная с производства и распространения различных видов фольклора (от песен до анекдотов) и кончая стихийным выражением общественного мнения¹.

Безусловно, процессы массовизации, развертывающиеся в различных сферах жизни общества, существенно отличаются друг от друга как по своим масштабам и глубине, так и по формам своего проявления. Что касается различных видов нематериального производства (связанных прежде всего с функционированием науки, средств массовой информации и пропаганды, систем воспитания и образования, с предложением разного

рода бытовых услуг, а также, в меньшей степени, с созданием и предложением продуктов и услуг художественной культуры), то все они, в той или иной мере, воспроизводят технологические, организационные и

ции, ее перевод, размножение, передача (распространение), потребление, использование, хранение, разрушение (см. там же, с. 20).

¹ См.: Массовая информация в советском промышленном городе, с. 28, а также: «Массовая культура» или культура для масс? — Проблемы мира и социализма, 1983, № 1; Коммунисты и общественное мнение.—Там же, 1980, № 5.

176

прочие структуры массовой деятельности, возникшие первоначально на промышленных предприятиях. Ярчайший пример этого — современная наука, во множестве ситуаций представляющая собой (благодаря масштабности решаемых ею задач, ориентации на скорейшее внедрение результатов исследований в практику и т. п.) совокупность крупных, подчас огромных учреждений, объединяющих сотни и тысячи людей, занятых преимущественно технической, исполнительской деятельностью. Стандартизованная во всех своих основных звеньях, характеризующаяся выраженной обезличенностью результатов, эта деятельность крайне далека от былых представлений о науке как об индивидуальном, «кабинетном» творчестве. Это подлинно массовое производство информации (знаний), осуществляющееся в типично «фабричных», индустриальных формах¹.

Существенно иное положение вещей отличает сферы потребления, досуга, человеческих отношений, где массовизация не сопровождается подобной жесткой формальной организацией деятельности людей. Здесь она проявляется в виде стихийных, статистических процессов, в которых участвуют распыленные, по видимости не связанные друг с другом множества индивидов. Однако и тут и там налицо типично массовая, хотя и разных видов, деятельность с ее изначальными специфическими атрибутами: участием значительных совокупностей индивидов, общностью характеристик этих индивидов в процессе деятельности, их формальной неза-

¹ См.: Грушин В. А. К анализу способов производства научной информации.— Вопросы философии, 1973, № 11.

177

висимостью, свободой с точки зрения возможности самого выбора соответствующей деятельности¹.

5.2. Развертывание процессов *вширь* и *вглубь*

В то же время, как уже говорилось, эти исходные признаки получают дальнейшее развитие по мере развертывания процессов массовизации *вширь* и *вглубь*. Оно находит свое выражение прежде всего в *принципиальном увеличении размеров* общностей людей, осуществ-

¹ В статье «Логические принципы исследования массового сознания» В число подобных базовых свойств массовой деятельности я относил также неупорядоченный, неорганизованный, «вариабельный» характер *отдельных актов*, составляющих массовое поведение. В этой связи последнему противопоставлялись формы «коллективного поведения», отличающиеся «технологической» (как в случае профессиональной деятельности) или «внешненормативной» (как в случае деятельности тех или иных общественных организаций) упорядоченностью (см.: Вопросы философии, 1970, № 7, с. 49— 51). Тремя годами позже, в процессе работы над статьей о способах производства научной информации, мне, однако, пришлось убедиться в неточности этих суждений, проистекавшей не в последнюю очередь из-за несовершенства использовавшейся в то время терминологии. Обнаружилось, что в составе массовой деятельности (например, в сфере того же материального производства или науки) могут присутствовать и акты поведения, отличающиеся строго регламентированным, то есть «организованным», «упорядоченным», характером. Впрочем, памяк на подобное понимание присутствовал

уже и в публикации 1970 г., где, помимо прочего, утверждалось, что любой вид деятельности, реализуемой в современном обществе— производственной, управленческой, научной и т. п.,— «включает в себя как собственно профессиональное, так и массовое поведение» (там же, с. 50).

178

ляющих (совместно или порознь, организованно или спонтанно) одну и ту же деятельность. Ведь поистине грандиозна разница между сотнями пролетариев, работавших на первых капиталистических фабриках, и десятками тысяч рабочих и служащих, занятых на современных заводах-гигантах, не говоря уже о миллионах (I) участвующих в различных политических движениях и акциях, составляющих массу потребителей тех или иных товаров и услуг или аудитории прессы, радио, телевидения, кино. «Вместе с основательностью исторического действия,— писал об этой закономерности развития человеческого общества К. Маркс,— будет... расти и объем массы, делом которой оно является»¹. Аналогичную оценку процесса мы находим и у В. И. Ленина: «По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрасти и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем»².

Классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что рассматриваемое явление имеет чрезвычайно важное значение в жизни человечества. Именно вовлечение в различные виды деятельности «новых сотен и сотен миллионов людей», указывал В. И. Ленин, есть «основная причина... громадного ускорения мирового развития...»³. И именно здесь основа наблюдаемого в XX столетии резкого повышения роли народных масс в истории, усиления их участия в механизмах экономического, социального, культурного, политического, идеологического и т. п.

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, С. 90.*

² *Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 2, с. 53У—540.*

³ Там же, т. 45, с. 174.

179

управления. Ведь по мере того как массы все более и более вовлекаются в те или иные социальные процессы — производственные, потребительские, политические,— активно, в качестве субъектов, или пассивно, в качестве объектов исторического, социального действия, их голос все более и более, по необходимости и объективно (то есть независимо от идеологических установок тех или иных форм политического управления, а также нередко вопреки этим установкам) приобретает значение действенного фактора в процессе эффективного социального управления, в том числе принятия решений институтами власти¹.

¹ Разумеется, в различных социально-экономических и общественно-политических структурах положение вещей оказывается неодинаковым. В результате и сегодня во множестве ситуаций можно наблюдать, как широкие слои населения тех или иных стран бессильны что-либо изменить в «поведении» органов управления, как политики и администраторы демонстрируют откровенно пренебрежительное отношение к настроениям и запросам масс. Однако известно, что в нынешних условиях — как раз в отличие от минувших времен! — подобное пренебрежение практически никогда не проходит бесследно, неизменно оборачиваясь (рано или поздно) различными осложнениями в механизмах управления, не говоря уже об ухудшении положения дел в соответствующих сферах жизни общества. По этому ни одно современное эффективное управление не может не считаться с новой исторической реальностью и — как результат — ставит перед разного рода политиками, администраторами, вообще лицами, занятыми в сфере управления, задачи по осмыслению и оценке названного фактора. Именно с решением этих задач связаны многочисленные констатации буржуазных социологов и политиков типа следующей: «Во всех странах национальные лидеры при выработке СВОУ внешней и внутренней политики должны учитывать

общественное мнение. Несколько десятилетий назад основные решения по мировым проблемам принима-

180

Следующий важнейший элемент распространения массовизации — *качественное усиление неоднородности состава* общностей, участвующих в различных массовых процессах. Оно вызывается уже самим количественным ростом этих общностей, но в еще большей мере выходом указанных процессов за пределы собственно производственной деятельности.

Зародившись в сфере материального производства, массовизация осуществлялась первоначально исключительно внутри соответствующих социальных групп — классовых, профессиональных и т. п. Образовывавшиеся при этом множества с самого начала не были гомогенными (однородными) во многих существенных отношениях, в частности в отношении половой, возрастной, национальной, религиозной и т. п. принадлежности входящих в них индивидов. Однако социальный состав этих множеств, находящий выражение в социальном происхождении и положении их членов, характере их труда и т. д., оставался поначалу неизменно однородным. По мере роста масштабов производства, а также вызываемого научно-технической революцией усиления общественного разделения труда картина меняется. Современный промышленный пролетариат, с одной стороны, непрерывно пополняется за счет других классов населения (прежде всего крестьянства, усиленно мигрирующего в город, и разнообраз-

лись руководителями государств и дипломатами. В большинстве случаев народ имел или незначительное влияние на руководство политикой страны или вообще не имел такового. Сегодня простой горожанин, крестьянин или житель сельвы хочет, чтобы к нему прислушивались» (*Gibson J. Ideology and World Affairs. Boston, 1964, p. 14.*)

181

ных «средних слоев» самого города), а с другой — многократно дифференцируется на различные профессиональные отряды, группы лиц, отличающиеся различным образованием, непосредственным содержанием труда, уровнем доходов и т. д.

Кроме того, новые требования производства ведут к широкому вовлечению в него работников умственного труда — инженерно-технического персонала, а также разного рода служащих, занятых в управленческом аппарате. В результате теперь в рамках отдельных предприятий и их объединений «плечом к плечу» трудятся представители не одной, а множества социальных групп — разнообразные «синие», «серые» и «белые» «воротнички». И эта возрастающая гетерогенность (разнородность) состава участников массовых процессов становится особенно зримой, когда массовизация вторгается в сферы потребления, досуга, общественно-политической деятельности. Как справедливо отмечал Г. Блумер, один из наиболее серьезных исследователей феномена массы на Западе, кинозал собирает «под одну крышу» самых непохожих друг на друга во всех иных отношениях людей, а у экрана телевизора «рядом» оказываются контрагенты в сфере производства — рабочий и капиталист¹.

Сталкиваясь с этим явлением, буржуазные социологи единодушно усматривают в нем выражение и доказательство так называемой «де-стратификации» капиталистического общества — размывания границ между социальными классами, а то и полного уничтожения этих

¹ *Shumeg II. Collective Behavior.*— In: *New Outlines of the Principles of Sociology.* N. Y., 1946.

182

«классических» групп. В следующем параграфе мы специально вернемся к данному вопросу. Однако уже теперь следует сказать, что подобное толкование феномена социальной и иной неоднородности множеств индивидов, осуществляющих ту или иную массовую деятельность, представляет собой либо плод теоретического заблуждения, либо — значительно чаще — откровенный идеологический трюк. И не потому, что в

капиталистическом (как и — особенно—в социалистическом) обществе не происходит серьезных изменений в социальной структуре, в том числе связанных с положением и характером границ между классами (хотя термин «дестратификация» явно неадекватным образом описывает эти изменения), а просто потому, что рассматриваемая теперь сторона явления массовизации — в отличие от ряда других его сторон и, стало быть, явления в целом — сама по себе не приводит еще к сколько-нибудь существенным изменениям в социальной структуре общества. Ведь интересующие нас гетерогенные множества индивидов, действующие на *одних* «участках» жизни современных обществ, ни в малейшей мере не исключают существования и функционирования в этих обществах разного рода «классических» (по Блумеру, гомогенных) общностей, в частности отдельных классов, слоев и профессиональных групп, действующих на *других* (к тому же более существенных для жизни общества в целом) «участках» социального пространства. Разве, посидев «рядом» у одного и того же телевизора, а вернее, просмотрев одну и ту же программу по приемникам отнюдь не одинакового качества и стоимости, рабочий и капита-

183

лист не оказываются снова по разные стороны баррикады, как только они ступают на заводской двор?!

Оба отмеченных момента распространения массовизации с логической необходимостью, хотя и в силу действия разных механизмов, ведут, далее, к *принципиальному умножению всевозможных социальных связей и отношений* в жизни всех без исключения типов социальных субъектов.

Данное явление затрагивает прежде всего сферу собственно *общественных отношений*, то есть отношений между различными общностями — как «классическими» группами (нациями, классами, малыми группами и т. д.), так и возникающими вновь множествами индивидов, осуществляющими массовую деятельность. Характеризуя эту сторону процесса, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что исторически массовое производство разрушает прежде всего все без исключения формы «старой», феодальной замкнутости и ограниченности — цеховой, кастовой, региональной, национальной, порождая «всестороннюю связь» и «всестороннюю зависимость» различных типов общностей, в частности наций, друг от друга¹. Вместе с тем по своему глубинному существу, своей природе процесс массовизации выступает в качестве исторической антитезы и «новым», типично капиталистическим формам разобщенности людей, связанным с явлениями буржуазного эгоизма и своекорыстия (хотя в условиях капиталистического общества, как мы увидим далее, эта особенность массовизации в силу ее

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 4, с. 427-428.

184

несовместимости с самими принципами частной собственности не получает адекватного развития, «погашаясь» рядом противоположных тенденций и принимая уродливые формы).

В результате в современном мире чрезвычайно распространенными оказываются самые разнообразные связи между различными общностями людей, в том числе теми, которые, кажется, еще позавчера даже не подозревали о существовании друг друга. В широчайшем спектре этих связей — экономическое и торговое сотрудничество и конкуренция, военные конфликты и помощь, культурные контакты, политическая и идеологическая солидарность и противоборство, туристический обмен, смешанные (межнациональные) браки, разнообразные миграционные процессы и т. д. и т. п. Их прямым выражением является и тот факт, что сегодня десяткам миллионов людей на земле есть дело до всего, что происходит не только в их ближайшем окружении, но и в обществе в целом, во всем мире — до того, какой урожай был получен в том или ином регионе, с каким очередным заявлением выступил тот или иной политический лидер, какие результаты достигнуты в рамках того или иного научного или художественного

направления, каких успехов добился тот или иной спортсмен.

Соответственно принципиально расширяется и сфера *межличностных отношений*, умножается число контактов, в которые вступают друг с другом индивиды, принадлежащие к одним и тем же, а также к различным общностям.

Буржуазные социологи, как известно, немало потрудились над тем, чтобы доказать обратное. Исходя из практики капиталистического обще-

185

ства, в свете собственного понимания массы как некоего неизменно ущербного, бедного во всех отношениях (в отличие от так называемой «элиты») образования¹, они настаивают на том, что современные процессы массовизации, в первую очередь связанные с урбанизацией и развитием mass media, помимо всего прочего, наносят непоправимый ущерб «двусторонним» контактам между индивидами, заменяя их «односторонне» направленными (извне па индивидов идущими) потоками информации. В действительности же объем межличностных отношений в современных обществах отнюдь не сокращается. Совсем наоборот!

Нетрудно обнаружить прежде всего, что к известному расширению этих отношений во многих ситуациях ведет уже простое увеличение размеров общностей, в рамках которых индивиды совместно осуществляют ту или иную деятельность. Аналогичный эффект вызывается, далее, и только что отмеченным расширением объемов отношений между различными совокупностями людей, коль скоро в большинстве случаев эти отношения реализуются именно на уровне прямых контактов между индивидами, представляющими соответствующие общности. Главное же основание рассматриваемого явления — это, безусловно, возникновение и функционирование в современных обществах огромного числа новых образований — как разного рода формальных и неформальных групп, так и, особенно, многочисленных «неклассических», массовых общно-

¹ См.: *Грушин Б. Л.* Масса как субъект исторического и социального действия.— Рабочий класс и современный мир, 1984, № 5, с. 33—35, 44—45.

186

стей,— в которых так или иначе, с той или иной степенью интенсивности и плотности связей, то ли по собственному желанию, то ли вопреки ему приходится действовать множествам людей.

Еще какие-нибудь сто лет назад общее количество «социальных ролей» индивида, отмечающих его принадлежность к различным группам, в среднем, наверное, не превышало и десятка. Он был членом семьи, соседом, жителем какого-то поселения, принадлежал к какому-либо социальному классу, к какой-либо нации, мог трудиться в каком-то, как мы бы теперь сказали, «коллективе», входить в какую-нибудь общественную, политическую организацию... Ныне же, по подсчетам социологов, каждый человек является членом, как минимум, 5—6 только малых групп. К ним надо прибавить еще не менее 10—15 больших и «средних» групп — наряду с классом, нацией, профессией (а иногда и несколькими профессиями), разного рода «старые» плюс новые коллективы и организации, в которых индивид осуществляет многочисленные виды производственной, потребительской, общественной, досуговой деятельности. Накопец, совсем уже велико число разнообразных массовых общностей, членами которых оказываются сегодня множества людей. Ко всему прочему, теперь они и читатели, подписчики нескольких газет и журналов, слушатели радио, телезрители, и поклонники тех или иных видов искусства и спорта, и участники тех или иных общественно-политических акций, и пассажиры различных видов транспорта, посетители кафе и ресторанов, клиенты многочисленных учреждений бытового обслу-

187

живания, здравоохранения и т. д. и т. п. И каждая из этих общностей, естественно, несет с собой новые связи индивида с другими людьми, расширяя границы его

межличностных отношений к

Причем такого рода коммуникации увеличиваются в своем объеме не только абсолютно, но и относительно, занимая все более значительное место в жизни каждого человека, а тем самым и общества в целом. Чтобы убедиться в этом, достаточно сделать простой эксперимент: посчитать число всех своих контактов с другими людьми за день и сравнить их, к примеру, со своими контактами со средствами массовой коммуникации. Если последние, благодаря телевидению, возможно, и превзойдут первые по общим, суммарным затратам времени, то, можно поручиться, они заметно уступят им по самому количеству контактов, то есть по числу использованных за день источников информации, а также диапазону принимаемых и обсуждаемых сведений. Кроме того, как показывают результаты социологических исследований, межличностные контакты нередко оказываются «весомее» общения со средствами массовой коммуникации и с точки зрения эффективности воздействия на личность — за счет формы диалога, большей «близости» содержания информации к непосредственным интересам индивида, относительно большего доверия людей к подобным источникам информации ит. д.²

¹ См., например: *Летев Т.* Массового общуване и личността. София, 1984.

² См., в частности: Массовая информация в советском промышленном городе, с. 239—240, 340, 352, 358 и др.

188

Другой вопрос — и тут нельзя не согласиться с буржуазными исследователями, — что отмечаемый рост числа межличностных коммуникаций, как и вообще социальных связей и отношений в жизни современных обществ, сопровождается серьезными изменениями в их характере. Коль скоро временное «пространство» деятельности субъектов общения, а также их физические и духовные ресурсы всегда остаются ограниченными, одновременное включение «Мы» и «Я» во множество связей с другими «Мы» и «Я» — причем связей не только устойчивых, стабильных, но и моментальных, ситуативных — неизбежно ведет к относительному выхолащиванию содержания многих из этих связей, к усилению в их структуре разного рода поверхностных механизмов, формальных моментов, не затрагивающих сущностных свойств отдельной человеческой личности, равно как и различных объединений людей. Данное явление порождает целый ряд значимых эффектов. Один из них — возникновение относительной независимости индивидов от тех или иных (отдельных) видов отношений, усиление момента их формальной свободы с точки зрения «входа» в соответствующие общности и «выхода» из них (по крайней мере, в те или иные конкретные моменты жизнедеятельности «массовых индивидов»). Другой — проникновение в сферу¹ Следует подчеркнуть, что отмечаемый эффект присутствует сегодня не только в социальных отношениях, свойственных разного рода массовым объединениям людей, но и — все чаще — в рамках функционирования «классических» групп. Его типичные проявления в последнем случае — социальная и региональная миграция населения, текучесть рабочей силы, разводы (особенно по инициативе женщин, еще совсем недавно накрепко «привязанных» к семье) и т. д.

189

социальных, в том числе межличностных (а в подобных случаях вернее было бы говорить: не межличностных, а межиндивидуальных), отношений известных моделей поведения, связываемых с представлениями о «бездушии» — стандарте, формализме, бюрократии и т. п.

Данный пункт прямо подводит нас еще к одному существенному элементу, отличающему развертывание процессов массовизации вширь и вглубь, — *дальнейшему уравниванию свойств индивидов*, оказывающихся включенными в те или иные виды массовой деятельности. В сфере социальных отношений, общения этот элемент возникает во многих ситуациях в результате определенного элиминирования, даже атрофирования (за ненужностью!) неповторимых, уникальных свойств личности. В целом же у него имеется гораздо более широкая основа. Как мы видели, К. Маркс связывал ее прежде

всего с общностью (сходством) условий и иных характеристик самой массовой деятельности людей.

Если оставить в стороне детали, суть дела сводится к устойчивой исторической и логической зависимости: общие (сходные, одинаковые, одни и те же) характеристики процесса массовой деятельности, осуществляемого разными субъектами, —*- общие (сходные, одинаковые, одни и те же) свойства субъектов, осуществляющих указанную деятельность. Первоначально эта зависимость реализуется в границах исключительно той или иной отдельной — данной — деятельности. Соответственно включающиеся в нее разные люди уравниваются друг с другом лишь в каком-то одном, конкретном отношении, оставаясь во всех остальных отношениях непо-

190

хожими друг на друга, неповторимыми личностями. По мере же того как в обществе увеличивается общее количество видов массовой деятельности, в которых приходится участвовать одним и тем же индивидам, их неповторимые личностные свойства «обкатываются», «обтачиваются» уже не с одной, а с разных, многих сторон. В этом же направлении действует и углубляющееся разделение труда, ограничивающее деятельность отдельного индивида выполнением частичных операций, ставящее его в зависимость от других людей и снижающее значение его личного опыта, а стало быть, и личностных характеристик как производителя. В результате возникает феномен относительного «подобия» этих индивидов как таковых, в целом, независимо от их той или иной конкретной деятельности.

Данное явление, как известно, давно уже нашло широкое отражение в общественном сознании, в том числе в его разного рода художественных формах — литературе, театре, кинематографе. С большой выразительностью оно было зафиксировано, например, в стихах Александра Ткаченко, приведенных как-то в «Литературной газете» Андреем Вознесенским:

Ты втиснешься в вагон,
как будто в том заветный, среди людей,
по крови неродных, поедешь на работу
такой же незаметный, как тысяча других,
как тысяча других...
А там, доверчивый вполне к словам поверхностей
любых,

191

ты — камень в стенке,
ветка на стволе, как тысяча других,
как тысяча других...
Не думай, человек,
со всех сторон сосед, что случаем из тысяч
дорогих, ты любишь женщину
совсем не так, как все,— как тысяча других,
как тысяча других...

Хорошо знакомо это явление и науке. Социологи отчетливо обнаруживают его, в частности, в ходе анализа эмпирических фактов «усреднения» образа жизни представителей различных социальных слоев и групп населения. По мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, образ жизни — это «определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности», который «совпадает как с тем, *что* они производят, так и с тем, *как* они производят»¹. Так вот в современном мире жизнедеятельность огромных масс людей из различных «секторов» общества оказывается связанной с множеством не только одних и тех же «что», но и одних и тех же «как». Отсюда эффект «подобия» существенно разнящихся друг от друга социальных субъектов: ведь «какова жизнедеятельность индивидов, — подчеркивали основоположники

марксизма,— таковы и они сами»².

Причем порождающий данный эффект процесс массовизации по мере своего развертывания приобретает выраженные черты обратимости. Если в его начале — в соответствии со

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 15.

² Там же.

192

сформулированной выше исторической и логической зависимостью — общие (сходные) свойства субъектов деятельности возникают в качестве *следствия* общих условий и иных характеристик самой массовой деятельности, то со временем, увеличиваясь в числе, они начинают играть уже роль определенной *предпосылки* возникновения в обществе новых видов массовой деятельности, прямо вытекающих из сложившейся «одинаковости» множества индивидов. Так, те или иные потребности, становясь массовыми, общими, порождают массовые же, общие формы их удовлетворения, массовый спрос вызывает к жизни массовое предложение и т. д.

5.3. Конкретно-исторические формы процессов.

Массовизация и атомизация социальной деятельности

Насколько в действительности далеко заходят процессы массовизации во всех рассмотренных нами проявлениях? Очевидно, в различных исторических условиях дело обстоит по-разному. Однако сначала, отнюдь не преуменьшая значения таких различий, хотелось бы подчеркнуть сам факт безусловного присутствия отмеченных явлений во всех типах современных обществ, а также непреложности вытекающих из них последствий.

Оценивая в целом эти последствия, нельзя не видеть их явной связи с *серьезными изменениями в социальной структуре* современных обществ, в том числе теми, которые как раз описываются буржуазными социологами в терми-

7 Б. А. Грушиц

193

нах «дестратификации», то есть уничтожения (исчезновения) в обществе разного рода «стратумов» — социальных слоев и групп населения, и отождествляются с наступлением эры «социальной однородности». В рамках анализа указанной связи марксистам удалось получить по меньшей мере два существенных результата: во-первых, показать, что наблюдаемые изменения в социальной структуре обществ вызываются не только процессами массовизации как таковыми, но и целым рядом иных глубоких тенденций; во-вторых, доказать, что на нынешнем этапе развития человечества эти изменения вовсе не совпадают с исчезновением социальных классов и слоев.

Будучи отнесенным к условиям капитализма, первый вывод имеет в виду, помимо прочего, такие социальные явления и процессы, как возникновение «промежуточных», «переходных» групп на «стыках» традиционных социальных классов и слоев; сближение характера потребления различных социальных групп; образование в обществе значительной прослойки маргинальных, в том числе деклассированных, элементов и т. д.¹ Второй же вывод, в частности, подчеркивает, что любое обратное ему утверждение оказывается неточным (а именно «опережающим» реальный ход истории), даже применительно к современному социалистическому обществу, поскольку его действительное движение к социальной однородности, социальному единству осуществляется путем сложного диалектического преодоления существующей неоднородности — не в форме простого отмирания,

¹ См., например: Ашин Г. К. Доктрина «массового общества», с. 43—45.

194

исчезновения всякой дифференциации, а путем изменения самих типов этой дифференциации, то есть перехода от более глубоких и широких различий к различиям

менее глубоким и широким (но не менее, а, скорее, более многочисленным) ¹. И вовсе уж не имеют под собой никакой реальной почвы рассуждения об исчезновении (или пусть даже относительно ослаблении) социальной гетерогенности, когда они высказываются в отношении современного капитализма: ежедневная практика нынешних капиталистических обществ (хотя бы тот же беспримерный рост безработицы) убедительнейшим образом обнаруживает, что разного рода социальные антагонизмы и конфликты там отнюдь не ослабевают — совсем наоборот!

Вместе с тем, как уже говорилось, социальная структура современных обществ в самом деле существенно меняется. Однако суть этих изменений не в исчезновении социальных «стратов», не в уничтожении границ между ними, а в появлении новых моментов, которые характеризуют, с одной стороны, *положение* в социальной структуре тех или иных типов и видов социальных общностей, а с другой — способы их *взаимоотношений* друг с другом. Иначе говоря, границы между «стратами» остаются, однако очер-

¹ «...Единство социалистического общества,— подчеркивалось на XXVII съезде КПСС,— вовсе не нивелировка общественной жизни, социализм развивает все многообразие интересов, потребностей, способностей людей... Более того, социализм нуждается в таком многообразии, видя в нем необходимое условие дальнейшего подъема творческой активности людей...» (Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 51).

7*

195

тания, конфигурации, а также сам характер, свойства этих границ приобретают новые черты. В конечном счете рассматриваемое явление — выражение того, что человеческое общество продолжает свое историческое движение от «жестких» социальных структур, характеризовавшихся наличием «закрытых», наглухо отгороженных друг от друга, обладавших (в пределе) типичными свойствами «каст», социальных классов и слоев, к структурам все более «гибким», «эластичным», характеризующимся разного рода «открытыми» — с точки зрения возможности «входа» и «выхода» из них — социальными общностями. Появление на арене активной исторической деятельности огромных множеств людей, принципиальное усиление всевозможных социальных коммуникаций между различными слоями и группами населения, а также другие аналогичные процессы естественно ведут к резкому росту «пространственной» (территориальной) и социальной — вертикальной и горизонтальной — мобильности членов общества, в результате чего границы между отдельными «секторами» общества становятся, с одной стороны, все более непостоянными, подвижными, а с другой — все более «пористыми», рыхлыми, если угодно, «размытыми». И конечно же существеннейшую роль в этих изменениях играют широко функционирующие в современных обществах многочисленные виды особого рода социальных общностей — массы, возникающие в качестве *главного следствия* распространения процессов массовизации вширь и вглубь и характеризующиеся специфическими, принципиально отличающимися их» от любых «классических» групп свойствами.

196

Что же касается конкретно-исторических форм протекания рассматриваемых процессов в различных обществах, то их специфика ярко обнаруживается при сопоставлении двух тесно связанных, но не совпадающих друг с другом явлений — собственно *массовизации*, о которой у нас идет речь, и так называемой *атомизации*, одной из исторических (особых) форм порождения феноменов массы.

Выше говорилось, что большинство современных видов масс возникает в результате процес сов массовизации, происходящих в различных сферах жизни нынешних обществ. По самой глубинной своей сущности эти процессы разрушают различные формы разобщенности людей, означая социальное движение от «Я» к «Мы» и от разного рода

ограниченных «Мы» к «Мы», действующим во все более широких, в том числе глобальных, масштабах. В основе этого движения лежит развитие производительных сил, научно-технический прогресс: создаваемые в его ходе механизмы, оборудование, материалы, проникая во все без исключения виды производства, потребления, духовной жизни общества, вызывают на свет — в качестве своего естественного следствия и одновременно важнейшей предпосылки, важнейшего условия своего эффективного использования — специфически массовые способы социальной деятельности, а тем самым и различные виды масс.

Иными словами, современная массовизация своим рождением обязана определенному уровню технико-экономического развития общества, то есть с неизбежностью возникает там и тогда, где и когда общество тем или иным способом — органически, в силу своего имманентного раз-

197

вития, или в результате международного обмена, путем заимствования у других новейшей техники и технологии, — достигает этого уровня. Причем рассматриваемая, так сказать, в «чистом виде», вне зависимости от тех или иных конкретных общественных условий, в которых она осуществляется, массовизация, вообще говоря, не несет в себе никаких «указаний» насчет того, в каких именно исторических формах «коллективности» — «иллюзорных», «мнимых» или подлинных, «действительных» (Маркс и Энгельс)¹ — окажется реализованной соответствующая массовая деятельность, насколько далеко в интересующем нас направлении пойдет процесс объединения «Я» в «Мы», по неизбежности сопровождающийся (коль скоро таково свойство всякой массовизации!) уравниванием входящих в массу индивидов, какими следствиями он обернется для каждого отдельного «Я» и т. д. и т. п.

Вместе с тем, как известно, подобное рассмотрение — не более чем абстракция, которая может быть принята лишь на «мгновение». Ведь подобно всем остальным социальным процессам процессы массовизации осуществляются не в безвоздушном пространстве, а в конкретных социально-экономических, общественно-политических и иных условиях жизнедеятельности конкретных обществ. Естественно поэтому, что фундаментальные характеристики последних оказывают решающее воздействие на анализируемые процессы, облекая их в соответствующие исторические (в том числе и национально окрашенные) формы. В частности, важнейшей спе-

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 61.

198

цифической особенностью типично капиталистических форм массовизации оказывается их теснейшая связь, сопряженность с одновременно осуществляющимися в капиталистическом обществе процессами атомизации. Эта связь здесь настолько сильна, настолько зримо и широко представлена, что большинство буржуазных исследователей массы вообще не видят различий между теми и другими процессами, полностью отождествляют их, рассматривая атомизацию в качестве неперменной стороны и следствия *всякой* массовизации¹. Между тем в действительности это безусловно разные процессы, связь между которыми имеет сугубо исторический характер, то есть не является логически необходимой, присутствующей во всех теоретически допустимых и эмпирически наблюдаемых случаях.

Очевидно, суть *всякой*, в том числе современной, социальной атомизации заключается в двух моментах: во-первых, в разъединении, обособлении людей друг от друга, сопровождающемся ослаблением межличностных отношений между ними, выхолащиванием содержания этих отношений; во-вторых, в стирании человеческих «Я», в движении от совокупностей разнообразных уникальных «Я» к совокупностям тождественных друг другу («одномерных», как у Г. Маркузе) «единиц». Первый из этих моментов отмечает факт своего рода «корпускуляризации» социальной жизни, второй — то, что образующиеся в результате его «корпускулы» принимают вид подобных друг

другу и чрезвычайно бедных по своему содержанию «атомов».

¹ См., например: *Kornhauser W. The Politics of Mass Society. L., 1960.*

199

В тех или иных масштабах оба эти момента повсеместно и многократно встречаются в истории и вне связи друг с другом, то есть в явления атомизации в собственном смысле этого слова. Достаточно вспомнить, например, с одной стороны, о феодальной разобщенности людей, основанной на парцеллярных формах хозяйства, или об их капиталистической разобщенности, порождаемой буржуазным эгоизмом, индивидуализмом, всепроникающей конкуренцией, а с другой — о положении лишенных личностных свойств индивидов в условиях родового строя, «коллективного» рабского труда или так называемых тотальных (монолитных) общностей типа некоторых религиозных сект, фашистских политических организаций и т. д. В явлении же атомизации оба названных момента соединяются воедино, взаимообуславливают и дополняют друг друга.

Легко заметить, что в соответствии с первым из них всякая атомизация представляет собой процесс, прямо противоположный по своей направленности движению «Я—>-Мы». Именно поэтому в докапиталистической истории человечества мы находим немало примеров существования атомизированных индивидов, не объединенных в те или иные массы, то есть атомизации, не сопровождающейся одновременной массовизацией. Каким же тогда образом возникает связь этих разновекторных процессов в условиях капитализма? В силу действия каких факторов массовизация приводит здесь сплошь и рядом к образованию атомистических масс? Основоположники марксизма-ленинизма, отвечая на этот вопрос, видели суть проблемы в исторических особенностях господствующих при

2(М)

капитализме производственных, общественных отношений, покоящихся на частной собственности и в силу этого вызывающих к жизни — в массовом масштабе! — феномен *отчуждения*, при котором разного рода общественные связи (экономические, политические, культурные и т. п.) оказываются оторванными от находящихся в этих связях индивидов, а условия их существования и деятельности — неконтролируемыми со стороны индивидов¹.

Иными словами, глубинным основанием процессов атомизации, наблюдаемых в современном капиталистическом обществе, и тем самым процессов возникновения особого типа атомистических масс оказывается не высокий уровень развития техники самой по себе (как это утверждают многие буржуазные социологи), а историческая неразвитость господствующих здесь общественных отношений, их несоответствие достигнутому уровню развития производительных сил или — в иных терминах — несоответствие имеющихся форм социальной организации, общения уровню развития способов деятельности. Это — главное. Что же касается более близких к «поверхности» общественной жизни и, следовательно, более конкретных форм данного несоответствия, то они выражаются в чрезвычайно широком спектре разнородных явлений в диапазоне от бюрократизации, стандартизации процессов массовой деятельности, откровенно антигуманистического использования результатов технического прогресса (например, средств автоматизации) и т. д. до ущербности, неразвитости самой массовизированной личности, проин-

¹ См.: *Маркс И., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т., т. 2, С. 61-62.*

2Н1

ляющейся, в частности, по словам К. Маркса, в «*неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека*», в его стремлении упичтожить все то, чем, па началах частной собственности, не могут обладать все¹.

Понятно, что всякое общество, в котором господствуют или в той или иной мере присутствуют названные черты, вступая в стадию массо-визации (или — в иных случаях

— оказываясь захваченным, застигнутым массовизацией), с неизбежностью сталкивается в своей жизни с возникновением разного рода атомистических масс. Напротив, когда обществу удастся преодолеть решающее противоречие «между производительными силами и формой общения»² и на основе устранения частной собственности открыть путь для всесторонней — экономической, политической и ипой эмансипации человека, тогда возникает принципиальная возможность для того, чтобы массовизация, начала развертываться в ином историческом русле. Индивиды и в составе масс могут, по словам авторов «Немецкой идеологии», участвовать «как индивиды», а масса в целом представлять не в виде совокупностей обезличенных, однообразных «атомов», а в виде «ассоциаций» объединений, сохраняющих индивидуальность своих членов³. Именно установление в результате революции нового типа производственных отношений, соответствующего современным (массовым) способам деятельности и вызывающего качественную перестройку всей системы общественных отношений в сферах потребления, политики, культуры,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 115.

² Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 58.

³ См. там же, с. 63—64.

202

быта и т. д., составляет, по К. Марксу и Ф. Энгельсу, главную основу возникновения и широкого распространения в обществе различных форм действительной, подлинной коллективности, в том числе различных видов ассоциативных масс.

Имеете с тем при рассмотрении природы, механизмов образования последних (как и атомистических общностей) должен приниматься во внимание не только их глубинный базис, по и целый ряд иных, так сказать, вторичных характеристик общественной жизни, лежащих «под» ними и накладывающих безусловную печать па свойства «Я», действующих в составе массы. В отношении ассоциативных масс это в первую очередь наличие в обществе разнообразных эффективных форм организации деятельности и — особенно — самодеятельности масс, способов их привлечения к активному участию в производстве и управлении, в политической и культурной жизни, а также высокий уровень развития культуры, сознания и самосознания самого «человека массы», наличие у него твердых ориентации и установок, активной жизненной позиции, нонконформистской психологии и т. д.

Помимо всего прочего, учет данного обстоятельства позволяет более корректно, нежели это обычно делается в нашей литературе, провести исторические границы между сравниваемыми типами коллективности — отнеся мнимую и подлинную коллективность соответственно к условиям капиталистического и социалистического обществ, оцепить их в качестве образований, *адекватных* сущностной природе каждого из этих обществ, но отнюдь не присущих *исключительно* тому или иному обществу. Подобная

203

оценка означала бы грубое искажение действительности. Известно ведь, что отдельные виды ассоциативных масс, как и подлинно коллективистских групп, образуются и действуют и в условиях современного капитализма (например, участники нынешнего антивоенного движения, политические организации революционного пролетариата и т. д.)¹. С другой стороны, и при социализме подлинная коллективность не возникает сама собой «па следующий день» после революции и даже после окончательного упразднения частной собственности. Напротив, ее формирование и развитие — в значении всеобщей, господствующей формы существования человеческих общностей — происходит па протяжении длительного исторического периода, в борьбе с

¹ В этой связи никак нельзя согласиться с утверждениями, будто бы, «согласно Марксу, общество, построенное на основах частной собственности, объективно не может создать такой тип общности людей, который можно определить как коллектив», будто бы «буржуазное общество знает лишь «суррогаты коллективности»...» (Андреева Г. М.

Социальная психология, с. 299—300). Правда, автор этих слов сама прекрасно чувствует содержащуюся в них натяжку и потому оговаривается: «При этом не имеется в виду абсолютная невозможность возникновения подлинной коллективности в капиталистическом обществе. Ее прообраз складывается, в частности, в организациях пролетариата. Но это именно прообраз, поскольку ни в какой из ячеек капиталистического общества невозможен коллективный труд как труд свободный, основанный на общественной собственности. Следовательно, подлинная коллективность, в полном смысле этого слова, может быть реализована лишь в социалистическом обществе...» (там же, с. 299). Однако приведенная оговорка в действительности нимало не ослабляет ригоризма исходных определений и, отражая их дух, несет в себе новые неточности, вызывает новые возражения.

204

многочисленными и разнообразными элементами и формами социального атомизма.

При этом нельзя не видеть (материалы XXVII съезда КПСС, январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС дают нам на сей счет немало новых убедительных доказательств), что среди последних в социалистическом обществе присутствуют не только доставшиеся ему в наследство от старого строя, но и возникающие в нем самом новые образования. Их появление па свет вызывается здесь, в частности, действием таких факторов, как недостаточное соединение непосредственных производителей со средствами производства, общественной собственностью (приводящее к возникновению феноменов социального отчуждения), чрезмерная (недостаточно социально контролируемая и ограничиваемая) стандартизация различных видов, условий, процессов, продуктов человеческой деятельности, широкое проникновение элементов бюрократизма и формализма в механизмы социального управления и т. д.

Глава 6

ОБЩЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ВИДЫ И РАЗНОВИДНОСТИ МАСС -НОСИТЕЛЕЙ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

6.1. Ложные признаки, фигурирующие в литературе

Попробуем теперь, суммируя все сказанное выше, выделить специфические свойства масс, сосредоточив внимание в первую очередь на *самых общих* из них, присущих феномену мас-

205

сы как таковому, безотносительно к тем или иным его конкретным разновидностям. Начать решение данной задачи, на мой взгляд, целесообразно с фиксирования тех признаков массы, которые — в силу их ложности — как раз *не должны приниматься в расчет*, хотя они постоянно фигурируют в определениях различных авторов.

Как уже мельком отмечалось, наиболее распространенная ошибка в анализе массы состояла и состоит в том, что признаки, в действительности свойственные лишь *некоторым* (отдельным, частным) видам и типам интересующего нас феномена, некритически оценивались и оцениваются исследователями в качестве имеющих *всеобщее* значение. Именно к такого рода признакам следует отнести прежде всего «случайность» и «стихийность» возникновения массы, а также «кратковременность» ее существования. Совершенно очевидно, что ни один из них не может быть включен в общее определение массы, поскольку большинство или, скажу осторожнее, очень многие виды масс возникают в качестве целостного образования отнюдь не случайно, а вполне закономерно, не стихийно, а, напротив, в результате целенаправленных усилий соответствующих социальных учреждений и организаций, обнаруживая при этом несомненную (нередко на протяжении десятилетий) устойчивость во времени. Достаточно сослаться в этой связи хотя бы на многочисленные аудитории различных средств и каналов массовой информации. Кроме того, два последних из названных признаков заведомо не являются и

выделяющими для феномена массы, поскольку известно, что стихийно воз-

206

никающими, а также неустойчивыми во времени вполне могут быть и некоторые «классические» группы.

К такого же рода заблуждениям, безусловно, следует отнести, далее, ссылки на признаки, имеющие силу лишь в отношении отдельных исторических, прежде всего типично капиталистических, форм существования массы, вроде тех, что масса — это неизменно «дегумапн-зированная» общность, множество «атомнзиро-вапных», обезличенных индивидов и т. д. Как мы увидим дальше, интересующие нас общности в действительности могут быть не только атомистическими, но и неатомистическими (ассоциативными), характеризоваться не только «выхолащиванием» входящих в их состав личностей, но и сохранением человеческого «Я», отличаться не только «угнетенным» копформп-стским сознанием, но и подлинным единодушием.

По тем же причинам в общем определении не может фигурировать и такой, наиболее часто встречающийся в литературе признак массы, как внушительность ее размеров. Разумеется — и об этом у нас уже не раз шла речь, — многие виды современных масс насчитывают в своем составе огромные количества индивидов: тысячи, десятки и сотни тысяч, миллионы. Более того, в некоторых исследовательских ситуациях именно данное обстоятельство оказывается весьма существенным с точки зрения понимания тех или иных особенностей функционирования массы. И все же количественный момент явно не может приниматься во внимание, когда речь заходит о выделении общих признаков массы как специфического рода соци-

207

альной общности. Во-первых, потому, что «большие размеры» сами по себе вовсе не обязательная характеристика всякой массы. Напротив, с принципиальной точки зрения, при прочих равных обстоятельствах в современных обществах она может насчитывать, по-видимому, любое — свыше двух — количество «единиц». Да и на практике мы ежедневно сталкиваемся с вполне «камерными» (всего в несколько человек) вариантами ее существования. Во-вторых, если все же продолжать настаивать на «больших размерах», нельзя не прийти к выводу, что данное понятие в высшей степени неопределенно, в результате чего оно практически не может использоваться при идентификации многих общностей в качестве «масс» или «пс-масс», особенно тех из них, что лежат в «пограничной» зоне между заведомо «большими» и заведомо «небольшими». Кроме того, какой бы ни была количественная определенность массы, она все равно не может считаться ее сколько-нибудь отличительным, выделяющим признаком в сравнении с «классическими» группами, поскольку те, как известно, также могут обладать любыми объемами (в диапазоне от многомиллионной нации до супружеской пары) и, стало быть, то уступают по своим размерам каким-то видам масс, то, напротив, превосходят их.

Наконец, перечисляя разного рода ошибочные суждения относительно специфических свойств массы, необходимо упомянуть и о целом ряде, так сказать, откровенно *мнимых* признаков, которые не только не характеризуют

¹ См. об этом: Массовая информация в советском промышленном городе, с. 29—30.

208

ют массу как таковую, но и не присущи ни одному из ее конкретных видов. Два заблуждения в этом плане кажутся особенно типичными. Первое, разделяемое некоторыми советскими авторами, заключается в утверждении, будто бы масса (в отличие от группы, коллектива) — это множество индивидов, не осуществляющих никакой совместной деятельности. Второе, лежащее в основе большинства буржуазных представлений о массе, связывает ее существование лишь с «нижними» слоями общества — народом, представителями трудящихся классов, «чернью» и т. п., противостоящими его «верхним» слоям — так называемой «элите». В действительности же ни то, ни другое суждение не имеет к характеристикам массы никакого отношения.

Первое — потому, что всякая масса, будучи реальной, естественной *общностью*, а не просто *множеством* индивидов, как раз предполагает, что входящие в нее индивиды объединены каким-то действительным (пусть хотя бы кратковременным) социальным процессом, осуществляют ту или иную общую деятельность, демонстрируют то или иное совместное поведение; более того — сам феномен массы не возникает, если подобная общая, совместная деятельность или подобное поведение отсутствуют¹. Второе — потому, что важнейшая специ-

¹ Замечу, что в данном пункте анализа мы сталкиваемся с принципиальным методологическим вопросом: всякое ли реальное, то есть эмпирически фиксируемое, в том числе непосредственно наблюдаемое, множество индивидов представляет собой в строгом смысле этого слова социальную общность и, следовательно, может оцениваться в качестве той или иной группы или массы? На мой взгляд, нет. Очевидно,

209

фика масс как порождения проникающих *во все сферы жизни общества* процессов массовизации заключается, помимо прочего, в том, что они могут возникать и практически возникают как раз на всех без исключения уровнях социальной иерархии, в том числе (а может быть, и чаще всего?) на различных «пересечениях» этих уровней. Уж в чем, в чем, а в этом Лебон был прав: «толпой» может быть не только множество рабочих, но и множество академиков...

6.2. Действительные свойства масс как особого типа социальных общностей

Какие же, однако, свойства массы составляют ее *действительные отличительные особенности*, учитывая которые можно дать общее опре-

главным, исходным признаком всякой человеческой общности — будь то группа или масса — является как раз совместность (разумеется, не обязательно в ситуации непосредственного общения, взаимодействия) некоторой деятельности, некоторого поведения входящих в множество людей. Простое арифметическое множество индивидов «становится» собственно общностью лишь при соблюдении этого условия. В противном случае оно так и остается простым множеством индивидов, в котором каждый член множества осуществляет свою индивидуальную деятельность, никак не связанную с деятельностью других членов множества. Можно ли себе представить на практике такое множество? Вполне. Достаточно посмотреть на прохожих, идущих по улице, на людей, коротающих тем или иным способом время в ожидании летной погоды в зале аэровокзала, или вспомнить об используемых в экспериментальной психологии лабораторных «группах», члены которых подвергаются тем или иным испытаниям (например, тестированию) в сугубо индивидуальном порядке, вне всякой связи и зависимости друг от друга.

210

деление рассматриваемого феномена в отличие от разного рода «классических» групп? В книге «Массовая информация в советском промышленном городе», где, скорее всего, впервые в нашей литературе была предпринята попытка ответить на этот вопрос, в общей сложности выделялись четыре таких признака:

1) *статистический характер* общности, находящий выражение в том, что данная общность совпадает с множеством дискретных «единиц», не представляя собой какого-либо самостоятельного, целостного образования, отличного от составляющих его элементов;

2) *стохастическая (вероятностная) природа* общности, находящая выражение в том, что «вхождение» индивидов в данную общность носит неупорядоченный, «случайный» характер, осуществляется по формуле «может быть, а может и не быть», в результате чего такая общность всегда отличается открытыми, «размытыми» границами, неопределенным количественным и качественным составом;

3) *ситуативный характер существования* общности, находящий выражение в том, что она образуется и функционирует исключительно на базе и в границах той или иной конкретной деятельности, невозможна вне ее, в результате чего всегда оказывается неустойчивым образованием, меняющимся от случая к случаю, от одной конкретной ситуации к другой;

4) *выраженная гетерогенность (разнородность) состава* общности, ее откровенно вне-групповая (или межгрупповая) природа, находящая выражение в том, что в данной общности «разрушаются» границы между всеми существующими в обществе социальными, демо-

211

графическими, политическими, региональными, образовательными и т. п. группами. Соответствует веяно — в противоположность массе — под группами в указанной монографии понимались общности, отличающиеся органическим характером; определенностью и устойчивостью границ; существованием, не зависимым от тех или иных конкретных способов их деятельности; выраженной гомогенностью (однородностью) состава¹.

Представляется, что в целом данное решение вполне, как говорится, может быть «принято за основу», поскольку в нем с необходимой полнотой отражены основные, зафиксированные выше особенности процессов массовизации, осуществляющихся в современных обществах. Вместе с тем нетрудно обнаружить, что оно нуждается в определенных комментариях и уточнениях, связанных как с недостаточной проясненностью некоторых важных моментов, так и с очевидной недоговоренностью, незавершенностью анализа, особенно в части выявления разного рода «следствий» из перечисленных признаков, а также зависимостей между ними. Так, имея в виду первый признак, следует, видимо, специально оговорить, что его неверно было бы трактовать в том смысле, что масса вовсе не представляет собой целостного образования. Напротив, будучи родом социальной общности, то есть объективно складывающегося объединения людей, она заведомо обладает определенной *целостностью*. Другое дело, что эта целостность, в отличие от групповой, полностью лишена свойств органического, системного

¹ См.: Массовая информация в советском промышленном городе, с. 32—34.

212

образования (обладающего самостоятельными качествами, не равными сумме качеств членов общности) и как таковая *не имеет структуры*, характеризуется *аморфностью*. Максимум, о чем можно говорить в отношении массы, это о той или иной, например, пространственной (как в случае с аудиторией массового зрелища) упорядоченности ее членов — не больше¹. Помимо всего прочего, данная особенность массы прямо порождается отмеченным выше фактом уравнивания (в том или ином отношении) положения и свойств индивидов, включающихся в какую-то массовую деятельность и образующих на этой основе соответствующую массу. Совсем как в «Ярмарке» В. Высоцкого:

Богачи и голь перекатная, покупатели все, однако, вы. И хоть ярмарка не бесплатная, в этот день вы все одинаковы.

Имея в виду статистический характер массы, следует сказать и о таком ее существенном признаке, как *анонимность*, находящем выражение, в частности, в том, что члены массы, в отличие от членов группы, «не знают» друг друга, точнее, «не открываются» друг перед другом никакими своими индивидуальными, личностными свойствами. Многие буржуазные исследователи считают данный признак едва ли

¹ В данной связи хотелось бы отметить неточность формулировок, использованных мною на начальной стадии анализа феномена массы, когда при определении характера «общественности» как субъекта общественного мнения (массового сознания) явно смешивались категории «целостности», с одной стороны, и «социального организма»,

«структуры» — с другой (см.: *Грцишин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений, с. 203—206).

213

не решающим при определении специфики массы. В действительности же он явно вторичен, поскольку уже содержится в понятии «статистическая общность». К тому же оценка этого признака предполагает и другое уточнение. Очевидно, во-первых, что разные виды масс обладают им в неодинаковой степени — достаточно сравнить в этой связи так называемые контактные, то есть включающие непосредственное общение индивидов друг с другом, и дисперсные, распыленные массы, в которых подобное общение (в объеме всей массы) практически полностью исключено. Во-вторых, нельзя не видеть, что данный признак имеет силу и в отношении ряда групп, в первую очередь больших, таких, к примеру, как классы, нации. Поэтому, имея его в виду, точнее было бы говорить не просто о том, что масса, в отличие от группы, анонимна, а о том, что это свойство неизменно, с необходимостью присуще всякой массе и, напротив, не является столь же неизменным, необходимым для всякой группы. В определенных комментариях нуждается также второй отличительный признак массы, фиксирующий стохастическую, вероятностную природу данного типа социальной общности. Прежде всего его неверно понимать в том смысле, что масса — это случайно, то есть беспричинно, возникающее образование. Очевидно ведь, что при строгом подходе такого нельзя сказать даже о простейшем виде массы — толпе, поскольку для ее возникновения необходимо наличие, с одной стороны, некоторого внешнего повода — «первотолчка», а с другой — некоторых внутренних характеристик, особой «предрасположенности» индивидов, входящих

214

в данную общность. И тем более не случайными по своему образованию оказываются такие виды массы, как движение сторонников мира, аудитории средств массовой информации и т. п., возникновение которых неизменно связано с наличием определенных предпосылок, действием многих политических, идеологических, технических, организационных и других факторов.

Следовательно, имея в виду рассматриваемый признак, мы должны трактовать его в принципиально ином — математическом смысле. Тогда случайным во всякой массе будет не само ее возникновение, а ее конкретное «наполнение», ее конкретный состав — как количественный, так и качественный,— то есть включение в нее тех или иных отдельных индивидов. В сущности, мы имеем тут дело с типичным вероятностным, или, как говорят теперь математики, нечетким множеством, характеризующимся открытыми, «размытыми» границами¹. И нетрудно увидеть, что данная особенность массы представляет собой естественное выражение и одновременно следствие таких сторон процессов массовизации, как количественное расширение общественных связей

¹ В этой связи весьма плодотворными для анализа феномена массы представляются идеи, развиваемые в последние 15 лет в рамках так называемой «математики нечеткости». Американский ученый Л. А. Заде, явившийся пионером в этой области, специально оговаривал, что теория нечеткости дает аппарат для анализа и моделирования прежде всего «гуманистических систем», то есть систем, в которых присутствует человек (см., в частности: *Заде Л. А.* Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений.— Математика сегодня. М., 1974).

215

^

индивидов, усиление относительной независимости последних от многих из этих связей, возникновение феномена взаимозаменяемости индивидов во многих общностях, усиление их свободы с точки зрения «входа» в те или иные общности и «выхода» из них и т. д.

В этом свете представляется возможным уточнить и такую особенность существования массы, как *неопределенность ее состава*, «размытость» границ. Совершенно очевидно, что в отдельных случаях масса может быть и «закрытой», то есть

характеризоваться вполне определенным количественным и качественным составом. Таковы многие пространственно ограниченные «малые» массы — например, аудитория того или иного конкретного киносеанса, которую конечно же можно не только сосчитать, но и измерить в отношении любых — социальных, демографических и т. п. — характеристик ее составляющих (скажем, с помощью специального анкетирования). Вместе с тем, если рассматривать данный пример, совершенно очевидно и то, что эта аудитория меняется от сеанса к сеансу, случайно заполняясь разными — каждый раз другими! — индивидами, в результате чего *в принципе* оказывается общностью неопределенной, «пульсирующей» с точки зрения ее количественного и качественного наполнения. Поэтому-то система непрерывного, так называемого non-stop кинопроката оказывается наиболее рельефной и адекватной моделью существования данного рода массы. В общем же виде можно сказать: коль скоро та или иная масса уже существует, в ряде случаев представляется возможным провести ее количественные и качественные границы; коль

216

скоро же она еще не образовалась, судить о тех и других мы можем лишь с определенном степенью вероятности.

Следующая отличительная особенность массы — ситуативность ее образования и существования — ближайшим образом связана, как мы видели, с *неустойчивостью* данного рода социальной общности. Обсуждая эту сторону дела, важно подчеркнуть, что речь идет вовсе не о том, что всякая масса меняется во времени или тем более имеет «короткий век». Первое из этих суждений, хотя оно и верно, отражает отнюдь не ситуативный характер, а вероятностную природу массы. Второе же просто ошибочно фактически, поскольку известно, что многие виды массы, например подписчики той или иной газеты, существуют на протяжении не одного десятилетия. Стало быть, под неустойчивостью массы следует понимать нечто иное, а именно жесткую привязанность данного рода общности к тому или иному конкретному, всегда строго определенному виду, способу деятельности (поведения), более того — ограниченность ее существования исключительно этими рамками. Как таковая, всякая масса — общность сугубо *относительная*, о которой вообще нельзя говорить, не имея в виду той или иной осуществляемой ею деятельности. Так, читатели какой-либо газеты представляют собой массу лишь постольку, поскольку они читают данную газету, и они вовсе не представляют собой никакой общности вне отношения к этой газете.

Ясно, что с рассматриваемой точки зрения масса принципиально отличается от разного рода групп. Конечно, возникновение и существование последних также связано с теми или

217

иными видами, способами деятельности. Однако, во-первых, большинство групп — начиная с социальных классов и кончая семьей — образуются на базе не одной, а множества различных видов деятельности, в результате чего возникает момент относительной независимости существования группы от каждого из них в отдельности. Во-вторых, даже в тех случаях, когда в основе образования группы (например, рабочей бригады или футбольной команды) лежит какой-то один вид деятельности, реальное существование этой группы отнюдь не исчерпывается осуществлением лишь данного вида занятий; оно предполагает участие группы во множестве иных социальных действий — как минимум тех, что связаны с разнообразными взаимоотношениями данной группы с какими то другими группами. Очевидно, с массой не происходит ничего подобного. Будучи чистой функцией от определенной (массовой) деятельности, типичной общностью *ad hoc* (для данного случая), она постоянно меняет свое имя и обличье, оказываясь одной в одном отношении и совсем иной — в другом¹.

¹ В книге «Массовая информация в советском промышленном городе», в том месте, где речь идет об информационной деятельности сопоставляемых общностей, эта мысль поясняется следующим примером: «Тысячи руководителей предприятий и учреждений,

знакомящиеся с инструкцией о мерах по предупреждению пожаров,— это группа. Сотня людей, пришедших в кинотеатр и составивших аудиторию конкретного фильма (в рамках сеанса),— это масса. Чем отличаются однотипные информационные ситуации (потребление информации) в обоих случаях? По-видимому, прежде всего тем, что в первом случае информацией ная деятельность оказывается производной от определенной (заданной заранее) характеристики группы ин-

218

Анализ свойства ситуативности массы выдвигает немало важных в теоретическом и практическом отношениях проблем, в том числе касающихся *взаимоотношений* данного типа социальной *общности* и входящих в нее *индивидов*. В целом, как известно, эта сфера весьма обширна и не обделена вниманием исследователей, которые с первых же шагов рассмотрения массы обнаружили, что связи «индивид — масса» (или «индивид — индивид» в составе массы) и «индивид — группа» («индивид — индивид» в составе группы) принципиально отличаются друг от друга. В русле описания этих различий в разное время и по разным поводам были зафиксированы, в частности, такие особенности массового общения и взаимодействия индивидов, как более или менее выраженная потеря личностью ее индивидуальных качеств, отсутствие (в пределе) контроля со стороны личности над ситуацией, подверженность индивидов таким специфическим способам воздействия, как заражение, внушение и т. д. Насколько в действительности все эти признаки характерны для *всякой* массы (а не только для ее отдельных типов и видов) — это большой вопрос, требующий специального, в том числе экспериментального, изучения. И он не единственный в рамках рассмотрения зависимости «индивид — масса».

Отмеченный нами ситуативный характер возникновения всякой массы, находящий выражение в определенной относительности ее

дивидов (их служебных обязанностей), во втором же она сама формирует «группу» (множество), не существовавшую до такой деятельности» (Массовая информация в советском промышленном городе, с. 34).

219

существования, позволяет увидеть здесь ряд новых моментов, обойденных предшествующим анализом. Таковы в первую очередь вопросы: характеризуется ли масса как социальная общность некоторыми нормами (подобными групповым нормам); ощущает ли себя индивид членом массы (подобно тому, как он ощущает себя членом группы); характеризуется ли положение индивида в составе массы некоторым статусом; наконец, можно ли говорить о том, что индивид в составе массы играет какие-то социальные роли? Очевидно, рассмотрение этих вопросов в ходе дальнейшего анализа массы поможет пролить свет на многие существенные стороны формирования и функционирования данного рода социальной общности.

Теперь о последней из сформулированных выше отличительных особенностей всякой массы — выраженной гетерогенности ее состава. На первый взгляд, этот признак достаточно «прозрачен», чтобы нуждаться в каких-либо комментариях. Однако на самом деле и тут имеются свои «тонкости». Они связаны прежде всего с тем, что определенной (причем подчас весьма ярко выраженной) неоднородностью состава отличаются также все без исключения типы и виды больших и малых групп. Начиная с наций, объединяющих в себе лиц, принадлежащих к одной национальности, но к различным социальным, демографическим, политическим, религиозным, региональным и т. п. группам, или классов, включающих в себя, наряду с представителями всех названных групп, также лиц различных национальностей, и кончая семьями, члены которых отличаются друг от друга не только по полу и возрасту, но и зача-

220

стью по социальному положению, профессии, образованию и т. д. С другой стороны, и всякая масса в качестве реальной общности не может, очевидно, не характеризоваться определенной гомогенностью — какими-то общими свойствами, равно

присущими всем индивидам, входящим в массу, и создающими саму возможность возникновения подобного образования. Значит, проводя различия между массой и группой, мы не можем просто сослаться на гетерогенность первой и гомогенность второй, но должны выявить специфику проявления этих признаков в том и другом случае.

Особую остроту данной проблеме придает то обстоятельство, что отдельные виды массы могут возникать и реально возникают не только на пересечении различных групп, структурирующих общество по тому или иному основанию, но и внутри этих групп. Именно поэтому в работах В. И. Ленина понятие «масса» — в тех случаях, когда оно наделяется как раз специфическим, то есть отличным от понятий «класс», «слой», «группа», смыслом,—употребляется двояким образом: во-первых, применительно к общностям, объединяющим представителей различных социальных слоев и классов (в таких случаях В. И. Ленин говорит о «трудящейся массе», «эксплуатируемой массе», «массе рабочих и крестьян» и т. д.), во-вторых, применительно к общностям, включающим в себя представителей каких-то отдельных социальных классов или слоев (тогда у него речь идет о «рабочей массе», «массе мелкой буржуазии» и т. д.)¹. И такое положение вещей, разу-

¹ Для первого способа использования В. И. Лениным понятия «масса» типично, в частности, такое его

221

меется, характерно для взаимоотношении массы не только с социальными, но и любыми другими типами групп — например, демографическими (в связи с чем, как известно, различаются многочисленные «разновозрастные массы» и собственно «масса молодежи»), религиозными (ср. «масса верующих» и «масса верующих христиан») и т. д., причем не только с группами, образующими структуру общества в целом, но и с теми, что составляют структуру любой органической общности, любого «социума», независимо от уровня его существования и размеров.

Оценивая рассматриваемую ситуацию в общем виде, мы можем говорить, как кажется, о

высказывание: «...и рабочий класс и все более и более-разнообразные слои общества выделяют с каждым годом все больше и больше недовольных, желающих протестовать, готовых оказать посильное содействие борьбе с абсолютизмом, невыносимость которого еще не всеми сознается, но все более широкой массой и все острее ощущается» (*Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 6, с. 128). Для второго — к примеру, упоминание о многомиллионной массе трудящегося крестьянства, кустарей, мелких ремесленников и проч. (см. там же, с. 88). При этом В. И. Ленин подчеркивал диалектику исторического процесса, в соответствии с которой происходят изменения в конкретном социальном наполнении той или иной массы. «Понятие «массы»,— отмечал он,— изменчиво, соответственно изменению характера борьбы... Когда революция уже достаточно подготовлена, понятие «массы» становится другим: несколько тысяч рабочих уже не составляют массу. Это слово начинает означать нечто другое. Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним разумеют большинство, и притом не простое лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплуатируемых; другого рода понимание недопустимо для революционера, всякий другой смысл этого слова становится непонятным» (там же, т. 44, с. 31-32).

222

трех принципиальных моделях возникновения (существования) массы: 1) надсоциетальной — когда масса возникает на пересечении групп данной общности и каких-то других общностей (например, данного общества и других обществ); 2) субсоциетальной — когда масса образуется в рамках данной общности (общества), захватывая все или часть выделяемых в ней по тому или иному основанию групп, и 3) внутригрупповой — когда масса объединяет лиц, относящихся к какой-либо одной, гомогенной в определенном отношении группе, различаемой в составе общности

(общества). Действительное несовпадение этих моделей наглядно предстает на рис. 3, где заштрихованные фигуры массы или масс соотнесены с группами K_j , образующими структуру некой общности S по основанию k . И понятно, что подобного рода обстоятельство также требует уточнения границ между массой и группой по линии «гетерогенность — гомогенность» их состава.

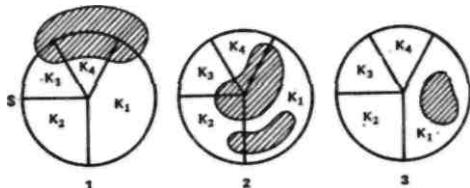

Рис. 3. Модели существования массы с точки зрения ее соотношения с группами, структурирующими общность S по основанию k .

Где на самом деле объективно проходят эти границы? С моей точки зрения, ответить на этот вопрос далеко не просто. Думается, одна-
223

ко, что решение его состоит, скорее, не в том, что всякая масса *более гетерогенна*, нежели группа (коль скоро некоторые группы могут быть также весьма — по большому числу признаков—разнородными образованиями), а в том, что она во всех случаях *менее гомогенна*, нежели любые группы. Последние, как мы говорили, неизменно осуществляют большое число разнообразных видов деятельности, и это предполагает высокую степень однородности данного типа социальных общностей — наличие у входящих в них индивидов большого числа общих свойств. Известно, например, что, опре деляя классы, В. И. Ленин связывал существование и функционирование этих «больших групп людей» с такими признаками, как их место в исторически определенной системе общественного производства, их отношение к средствам производства, их роль в общественной организации труда, наконец, способы получения и размеры той доли общественного богатства, которой они располагают¹. Аналогичным образом под нациями понимаются большие группы людей, складывающиеся на основе их территориальной, языковой, экономической, культурной и духовной общности. И так, в сущности, обстоит дело с любыми типами и видами групп, главной характеристикой которых — как органических, системных образований — оказывается (при всей их гетерогенности) именно многосторонняя однородность их состава.

Качественно иное положение вещей отмечает существование масс, для которых, по словам

¹ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 3Я, с. 15. 224

К. Маркса, характерно то, что они «образуют внутри себя и между собой весьма массовые противоположности»¹. Возникновение данного рода социальных общностей, как отмечалось, неизменно связано с каким-либо одним, определенным видом деятельности, способом поведения, поэтому-то и гомогенность их состава всегда оказывается по необходимости ограниченной с точки зрения «набора» признаков, обуславливающих объединение в них соответствующих множеств индивидов. Сдается даже, что речь тут чаще всего идет в конечном счете об однородности *лишь в одном отношении*, а именно в отношении характеристик *сознания* входящих в массу индивидов. Правда, плюралистическая картина мнений, высказываемых общественностью по тому или иному конкретному вопросу, как бы свидетельствует об обратном — о том, что сознание массы может быть также неоднородным. В действительности, однако, тут только видимость противоречия. Ведь общественность как субъект общественного мнения представляет собой как раз не единую массу, а множество, совокупность нескольких масс, которые занимают несовпадающие позиции по обсуждаемой проблеме и гомогенны в отношении характеристик их сознания.

В этой связи представляется возможным провести достаточно строгие границы между массами и группами и в случаях внутригруппового существования масс (3-я

модель), в частности при объяснении феномена «рабочей массы», функционирующей в составе рабочего класса (разумеется, при условии, если данный термин — в контексте того или иного анализа со-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 171.

8 Б. А. Грушни 22Г)

циальных явлений — не используется в качестве прямого синонима термина «рабочий класс»). Очевидно, однородность такой массы, объективно выделяющейся или выделяемой исследователем внутри гомогенной социальной группы по тому или иному основанию (например, с точки зрения ее настроений, позиций, реального поведения в экономической или политической борьбе рабочего класса), заключается не столько в том, что она — *рабочая*, то есть состоит из представителей одного класса (тем более что само выделение данной общности как раз призвано подчеркнуть ее несовпадение с другими «частями», «секторами», «массами» класса), сколько в том, что она — *масса*, то есть демонстрирует некоторый единый способ поведения и сознания. Указание на принадлежность этой массы к рабочему классу не выявляет ее специфику, коль скоро рядом с ней возможно существование иных «рабочих масс», а служит всего лишь способом очертить границы данной общности в отношении ее социального состава. Что же касается специфики той или иной «рабочей массы», то она должна фиксироваться в особых определениях, отмечающих основания выделения соответствующей общности. Не поэтому ли у В. И. Ленина понятия «рабочая масса», «мелкобуржуазная масса» и т. п., как правило, сопровождаются уточнением характера массы в качестве «революционной», «реакционной», «неразвитой», «недовольной», «полной решимости действовать» и т. д.?

Важно отметить, что анализ свойств гомогенности и гетерогенности массы, помимо прочего, проливает дополнительный свет на проблему

226

соотношения масс и классов, в которой столь безнадежно запуталась (или которую столь откровенно фальсифицировала) буржуазная общественная мысль. Оценивая природу масс с различных идеологических позиций — откровенно антидемократических, включающих прямую клевету на трудящиеся массы, отождествляющих их с темной, неразвитой и не способной к развитию «чернью», «толпой» (Я. Бурк-хардт, Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет), или социально-критических, рассматривающих массу как негативное порождение современного антигуманного капиталистического общества (Э. Фромм, Д. Рисмен, Р. Миллс, Г. Маркузе), или позитивистских, связывающих явление массы с научно-техническим прогрессом, деятельностью средств массовой информации и пропаганды (Г. Блумер, Э. Шилз, Д. Мартин-дейл), и т. п.—буржуазная социология неизменно настаивает на том, что массовое общество, массы якобы приходят на «смену» классовому обществу, классам.

Между тем из всего изложенного выше должно быть ясно, что никакие массы — ни возникающие внутри классов, ни образующиеся на их пересечении — конечно же не заменяют собой данных основных групп в жизни современных обществ, ни на йоту не подрывают объективного существования и первостепенного значения социальной структуры последних. Этого не происходит уже потому, что многочисленные массы выделяются в составе социума на принципиально иных основаниях, на качественно ином фундаменте, нежели классы (как, впрочем, и любые другие типы групп), и, стало быть, действуют не *вместо* них, а *наряду*

8*

227

с ними. Более того, само подчеркивание выраженной социальной и иной гетерогенности масс — как их специфического свойства в сравнении с «классическими» группами — вообще приобретает смысл лишь при условии, что классы и прочие группы существуют в обществе не только в составе масс, но и (прежде всего!) в «чистом», «несмешанном» виде, то есть до масс и независимо от масс.

Правда, сторонники тезиса о замене классов массами выдвигают такой аргумент: мол, на современном этапе исторического развития человеческого общества как раз меняются сами основания его структурирования, в частности исчезают, теряют свое значение те свойства и признаки жизнедеятельности людей, которые «раньше», еще «вчера», объединяли их в классы и другие группы. Однако этот аргумент не выдерживает никакой критики. Как уже отмечалось, он находится прежде всего в острейшем, очевидном противоречии с *практикой* функционирования современных обществ, которая на огромном числе фактов, ежедневно и во всех без исключения сферах человеческой жизнедеятельности подтверждает актуальность, значимость, «весомость» разделения людей на классы и иные традиционные группы. А с другой стороны, его абсолютно невозможно согласовать с *теоретическими* представлениями об обществе как системном образовании, целостном организме. Дело в том, что социальные, демографические, этнические, региональные и иные группы, выделяемые в составе общества по основаниям k, l, p и т. д.¹ — в силу специфики данного рода социальных общностей, — действительно структурируют общество в тех

228

или иных отношениях, так что в результате их выделения мы всегда имеем $S(k) = K_1 + K_2 + \dots + K_n$, или $S(i) = L_1 + L_2 + \dots + L_n$, или $S(p) = P_1 + P_2 + \dots + P_n$ и т.д. При этом анализ различных аспектов взаимодействия данных составляющих позволяет понять и теоретически воспроизвести общество как единое целое, систему, тем самым выявить закономерности его функционирования и развития. Напротив, массы, по каким бы основаниям они ни возникали, никогда не представляют собой структурных составляющих более широкого целого; подобная их роль полностью исключается самой сущностью масс как особого рода аморфных, бесструктурных социальных общностей, характеризующихся случайным, неопределенным составом, неустойчивостью, относительностью существования.

Очевидно, данный тезис вовсе не нуждается в доказательстве, когда речь идет о 1-й модели существования масс (см. рис. 3), поскольку в этом случае они вообще выходят за рамки социума, включают в себя совокупности индивидов, принадлежащих не только рассматриваемому обществу, но и каким-то другим обществам. Однако и применительно к моделям 2 и 3 его доказательство не составляет особого труда, так как уже из рисунка ясно, что массы, образующиеся в этих случаях в составе общества по тем или иным основаниям, не расчленяют это общество исчерпывающим образом на ряд элементов, заполняющих *все* его «пространство» и находящихся в определенных *связях* друг с другом, *зависимостях* друг от друга.

Образно говоря, массы — это веструктурные «острова» в групповой структуре социума, при-

229

чем, как остроумно заметил Э. Я. Баталов при описании типов массового сознания, — образования не устойчивые, а как бы «плавающие» в составе более широкого целого¹. Возникая в последнем по тому или иному основанию, они «делят» его на собственно массу и не-массу, так что в результате мы всегда имеем

$S(x) = X + X$, или $S(y) = y + y$, или $S(z) = Z + Z$ и т. д. При этом ситуация не меняется и в тех случаях, когда по какому-то основанию χ (например, в зависимости от включенности населения в сферу действия различных каналов прессы) мы имеем не одну массу X (читателей газет вообще), а множество таких масс (совпадающих с читателями отдельных изданий), поскольку и здесь образуется $S(x) = X_1 + X_2 + \dots + X_n + X$, где X будет представлять ту часть населения, которая вовсе не пользуется рассматриваемыми источниками информации². К тому же, как свидетельствует эмпирический опыт, названные массы X_1, X_2, X_n в той или иной их части неизменно заполняются одними и теми же индивидами, то есть оказываются множествами пересекающимися³ (чего, по определению, не может быть с группами, выделяемыми по любому основанию k), так что

вме-

¹ См.: Баталов Э. Массовое политическое сознание современного американского общества: методология исследования.—Общественные науки, 1981, № 3, с. 118.

² Например, в упоминавшемся таганрогском исследовании величина X, то есть не-аудитории газет, равнялась 4% городского населения (см.: Массовая информация в советском промышленном городе, с. 217, 234).

³ В том же Таганроге 73% населения регулярно читало две и более газет, а 18% — четыре и более газет (см. там же, с. 229).

230

сто приведенного равенства $S(x) = X_1 + X_2 + \dots + X_n + X$ в действительности будет иметь место

неравенство $S(x) \neq X_1 + X_2 + \dots + X_n + X$.

Таким образом, в отличие от разного рода групп, массы в принципе не могут структурировать социальное целое. Поэтому настаивать на том, что современное общество «превращается» из классового в массовое, что оно состоит исключительно из масс и прочее, значит сознательно или неосознанно возрождать допотопный взгляд на общество как на аморфное, бесструктурное образование — тот самый взгляд, который, как известно, давным-давно уже был отброшен социальной наукой в качестве абсолютно непродуктивного, полностью лишённого какой-либо объясняющей, эвристической силы. Очевидно, подобный ретроградный ход мысли свободно преодолевается в теории, если решение проблемы соотношения масс и классов видится не в рамках метафизического противопоставления «или — или», а в рамках диалектического рассмотрения копьюнктивного отношения «и — и» с неременным учетом качественно различных ролей сравниваемых типов общностей в жизнедеятельности социума.

В этой связи нельзя не отметить и той путаницы в решении рассматриваемой проблемы, которая присутствует в нашей литературе. Ее крайним выражением, как уже говорилось в начале книги, является полное отрицание объективного существования феномена массы, объявление его всего лишь «злонамеренной выдумкой» буржуазной социологии. Вспомним хотя бы утверждение Г. Гибша и М. Форверга: массы как социального явления не существует. Ясно, что здесь мы сталкиваемся с тем же ме-

231

тафизическим взглядом на вещи с позиции «или — или», хотя решение дилеммы тут прямо противоположно тому, на котором настаивают буржуазные социологи.

Иного рода путаница возникает в тех, особенно распространенных в последнее время случаях, когда массы, хотя и признаются в качестве некой самостоятельной социальной данности, однако интерпретируются в терминах традиционных групповых общностей, а то и прямо отождествляются либо с группами в целом, в первую очередь с теми же классами, либо с какими-либо (чаще всего никак не определяемыми) их «частями». Именно с таких позиций, по-видимому, рассуждают авторы книги «В лабиринтах буржуазного сознания», для которых весьма типично, к примеру, такое высказывание: «Буржуазные социологи предпочитают говорить о массе вообще. Однако это понятие нуждается прежде всего в классовом осмыслении»¹. Очевидно, в результате подобного подхода из поля зрения исследователей ускользает одно из главных специфических свойств масс, связанное с выраженной гетерогенностью их состава, их преимущественно внеклассовым (как и вообще внегрупповым) или межклассо-

¹ В лабиринтах буржуазного сознания, с. 124. Следует оговорить, что приведенные слова, вырванные из контекста рассуждений авторов книги, не проводящих четких границ между массами и классами, сами по себе допускают и иное, вполне верное толкование. Ведь всякая «большая» масса, возникающая на пересечении различных классов, в самом деле нуждается в «классовом осмыслении», точнее, в анализе ее классового состава, поскольку без такого анализа невозможно понять многих сторон проявления, функционирования данного рода человеческой общности.

вым (межгрупповым) характером. Кроме того, в этих случаях из-за отсутствия необходимых определений каждый раз остается неясным, чем, собственно, вызывается подобное «удвоение» терминологии, почему авторы не довольствуются традиционными понятиями «группа», «класс», прибегая к дополнительному попятно «масса».

Между тем, как вытекает из всего сказанного выше о специфике масс, такое «удвоение» терминологии в самом деле необходимо, поскольку массы, с одной стороны, и группы, в том числе классы,— с другой, объективно представляют собой качественно различные типы социальных общностей, которые, не заменяя друг друга и не совпадая друг с другом, существуют в современных обществах наряду друг с другом. Именно в признании этого «наряду» (в смысле «и —и») и состоит, на мой взгляд, исходный пункт действительного решения проблемы соотношения сравниваемых общностей. Другое дело, что подобной констатацией проблема конечно же не исчерпывается. Ведь массы и классы не функционируют в обществе буквально «рядом» друг с другом, то есть независимо друг от друга, а, напротив, находятся в определенных, весьма сложных *взаимоотношениях, взаимодействиях*. Поэтому анализ не может остановиться на выявлении лишь самого факта их сосуществования, а должен быть продолжен дальше — в направлении исследования их различных связей и зависимостей. В следующем разделе мы, помимо прочего, специально займемся данной проблемой, когда речь пойдет о взаимоотношении форм массового и классового сознания.

6.3. Недостаточность

общего определения

и направления его конкретизации

Теперь же подведем итоги рассмотрения специфических свойств феномена массы в надежде, что проведенный анализ не только освободил его от многочисленных фиктивных, мнимых характеристик, но и свел к какому-то приемлемому минимуму ту неопределенность, которая постоянно сопровождает термин «масса», исключая возможность его эффективного использования в философских и социологических конструкциях. Решение последней задачи представлялось особенно важным, поскольку именно с этим пунктом К. Маркс и Ф. Энгельс связывали одну из главных слабостей анализа массы в предшествующей философии, в частности у Бруно Бауэра и К⁰. В оценке представителей «критической критики», подчеркивал К. Маркс в «Святом семействе», «масса представляет собой *неопределенный* предмет, в силу чего она не способна ни выполнять какое-нибудь определенное действие, ни вступать в какое-нибудь определенное отношение к чему-нибудь. Масса, составляющая предмет критической критики, не имеет ничего общего с *действительными* массами, которые, в свою очередь, образуют внутри себя и между собой весьма массовые противоположности»¹.

Какое же общее определение масс можно дать, исходя из всего сказанного о них в предыдущем параграфе? Очевидно, следующие: *массы — это ситуативно возникающие (сущест-*

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 171. 234*

вующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования). Заранее следует признать, что это определение нуждается в дальнейшем совершенствовании. Однако при всех его недостатках оно, как кажется, вполне удовлетворительно выполняет две основные функции: во-первых, позволяет провести надежные, четкие границы между массами и группами, во-вторых, проливает достаточно света на основные характеристики того особого типа общественного сознания, носителем которого являются массы и которое, собственно, совпадает с массовым сознанием.

Что же касается упомянутых недостатков, то они, на мой взгляд, заключаются прежде всего в двух особенностях предложенного определения. Во-первых, в явной

незавершенности логического анализа содержащихся в нем признаков с точки зрения установления всех возможных связей между ними, выявления пересечения, а то и полного изоморфизма (совпадения) некоторых из них (например, дискретно-статистического характера массы и ее стохастической, вероятностной природы). Очевидно ведь, что обнаружение такого изоморфизма сделает приведенное определение избыточным, потребует его замены более простой, экономной формулой. Главный же недочет, конечно,— это чрезмерно общий, абстрактный характер предложенного определения: фиксируя основные свойства всякой, любой массы — массы как таковой, оно не содержит в себе никаких указаний на действительные, реально существующие массы, что принципиально ограничивает возможности

235

его операционального использования в анализе тех или иных конкретных массовых явлений и процессов. При здравой оценке этих возможностей нельзя не вспомнить о ядовитом замечании К. Маркса, адресованном тому же Б. Бауэру и К⁰: «Та масса, с которой имеет дело *критическая критика*, «создана» ею самую наподобие того, как если бы естествоиспытатель, вместо того чтобы говорить об определенных классах растений и животных, противопоставил самому себе «класс вообще»¹. И уж во всяком случае речь должна идти о том, чтобы каждый раз, приступая к любому анализу действительных, реальных массовых явлений и процессов, «развертывать» предложенную формулу в необходимое число более конкретных определений, фиксирующих конкретные же, те или иные особые случаи проявления общего рода «масса».

Имея, в частности, в виду задачи и границы нашего исследования, направленного на выявление различных характеристик массового сознания, понятие «масса» следует конкретизировать по целому ряду оснований. В первую очередь — в зависимости от таких *формальных* свойств рассматриваемых совокупностей индивидов, как их относительная величина, протяженность существования во времени, упорядоченность в пространстве, наличие непосредственных связей между индивидами, способ возникновения, наконец, гомогенность или гетерогенность социального (классового) состава. В соответствии с названными признаками необходимо различать следующие виды масс:

— большие и малые;

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 171. 236

— устойчивые (постоянно функционирующие) и неустойчивые (импульсные);

— сгруппированные и несгруппированные;

— контактные и неконтактные (дисперсные)¹;

— спонтанные (стихийно возникающие) и организуемые (институционализированно порождаемые)²;

¹ Б. Ф. Поршнев характеризует данные виды масс как совпадающие с «социально-психическими» общностями и «статистическими» множествами индивидов (см.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история, с. 127—128), что представляется весьма неточным терминологически. Во-первых, потому, что любые, в том числе контактные, массы, по определению, являются общностями неорганическими, то есть статистическими, а во-вторых, потому, что любые дисперсные массы (как и контактные) также обладают определенными «социально-психическими» характеристиками, хотя последние формируются и проявляются в самом деле (тут Б. Ф. Поршнев прав) качественно иным образом, нежели это происходит в случае непосредственного общения и взаимодействия индивидов.

² А. Грабовски (ФРГ), понимающий под массами исключительно такие множества индивидов, как толпа, участники тех или иных религиозных действий и т. д., говорит в этой связи о «спонтанных» и «искусственных» массах, оценивая последние в качестве «звена тоталитарного режима», неких образований, ориентированных на «подавление внутреннего врага» или «отпор внешнему врагу» (*Grabowsky A. Zur Problematik der Masse.— Zeitschrift für Politik. München, 1968, Jg. 15, N 2*). С этой классификацией в

принципе нельзя согласиться — как из-за крайней исторической узости толкования феномена «организуемой» массы, так и из-за очевидной неуместности при ее описании термина «искусственный», поскольку многие виды институционализированно порождаемых масс — например, нынешние аудитории средств массовой информации — возникают и функционируют в современных обществах вполне *естественным* образом, органически сочетая в себе элементы организованности (в смысле — создания «извне») и стихийности.

237

— состоящие из представителей одного класса (социального слоя) и нескольких, различных классов (слоев).

Соответственно с учетом всех этих признаков, тех или иных их значений может быть описана и каждая конкретная масса. Так, например, толпа представляет собой малую, неустойчивую, сгруппированную, контактную, стихийно возникающую, социально неоднородную (или, напротив, однородную) массу; аудитория телевидения — большую, устойчивую, несгруппированную, дисперсную, отчасти организуемую — отчасти стихийную, гетерогенную в социальном отношении массу и т. д.

Другое направление конкретизации понятия «масса» связано с выделением многочисленных *содержательных* характеристик рассматриваемых совокупностей индивидов. В их числе должны фигурировать прежде всего те свойства масс, которые проявляются в различных формах *массового поведения*: социальная направленность (или «знак») деятельности масс, интенсивность этой деятельности, мера ее организованности (в смысле слаженности, консолидированности), ее внешней выраженности и т. д. Именно в этой связи В. И. Ленин различал, помимо прочего, следующие виды масс:

— прогрессивные, или революционные, консервативные, реакционные, или антиреволюционные, а также нейтральные, неопределившиеся;

— активные, действующие, борющиеся и пассивные, бездеятельные, «сонные», выжидающие;

— сплоченные, дисциплинированные, самостоятельные и распыленные, неорганизованные, анархичные;

238

— решительные и нерешительные; экстремистские и робкие; и т. д. и т. п.¹

Следующий важнейший аспект содержательной классификации масс касается их глубинных свойств, проявляющихся в различных исторических особенностях индивидов — членов массы, точнее, в различных исторических формах *взаимоотношения, взаимодействия индивидов в составе масс*. В основе этих свойств лежат уже не те или иные частные признаки бытия отдельных масс, а принципиальные — социально-экономические, общественно-политические, социокультурные и т. п. — характеристики различных типов обществ, в которых возникают соответствующие типы рассматриваемых общностей.

Как уже отмечалось, в условиях современного капитализма — с его острыми формами социального, политического и духовного отчуждения, дегуманизацией социальных отношений — адекватным способом существования большинства видов масс является их функционирование в качестве атомистических общностей, или (что то же самое) в качестве множеств атомизированных индивидов. Приравняемые к «абстракту» (Э. Фромм) или «одномерному человеку» (Г. Маркузе), такие индивиды характеризуются утратой — в составе массы — личностных характеристик, неповторимого «Я»; на смену этим качествам приходит стандартный, унифицированный набор всевозможных

¹ Подробную характеристику проводимых В. И. Лениным различий в поведении масс и соответственно в самих видах и разновидностях масс см. в кн.: *Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история*, гл. I, в частности, с. 18, 25, 30, 49, 61, 64, 71.

239

СВОИСТВА — потребностей, интересов, знаний, эмоции, реакций, поступков,—

сопровождается, с одной стороны, острым ощущением собственного бессилия, невозможности вырваться из жесткого круга навязываемых «извне» моделей сознания и поведения, а с другой — гнетущим чувством бездуховности, неприкаянности, «одиночества в толпе». Это уже не классический буржуазный индивидуализм, основанный на свободе промысла, а обособленность, изолированность объединенных в массу людей, озабоченных промыслом свободы.

Имея в виду подобный тип объединения индивидов, К. Маркс и Ф. Энгельс определяли его как «суррогат коллективности», «иллюзорную», «мнимую» коллективность, которая противопоставляет себя всем входящим в нее индивидам «как нечто самостоятельное»¹. Одновременно они говорили о коллективности подлинной, «действительной», в условиях которой входящие в нее индивиды обретают свободу «в своей ассоциации и посредством нее», ставят «под свой контроль как условия своего собственного существования, так и условия существования всех членов общества...»². Именно такова, по мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, коллективность победивших «революционных пролетариев», представляющая собой «такое объединение индивидов (разумеется, на основе уже развитых к этому времени производительных сил), которое ставит под их контроль условия свободного развития и движения индивидов, условия, которые до сих пор представлялись власти случая

¹ См.: Маркс И., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 61.

² Там же, с. 61, 63.

240

и противостояли отдельным индивидам как нечто самостоятельное именно вследствие их разъединения в качестве индивидов и вследствие того неизбежного для них объединения, которое было обусловлено разделением труда и стало, в результате их разъединения, чуждой для них связью»¹.

Ради точности анализа нельзя не отметить, что приведенные суждения основоположников марксизма относились ими прежде всего к *групповым* социальным общностям — классам, а также их отдельным «подразделениям», в частности, как мы бы теперь сказали, к трудовым коллективам. Однако, вне всякого сомнения, они имеют и более широкое значение, характеризуют различные исторические типы общества в целом (не случайно ведь К. Маркс и Ф. Энгельс вели речь не просто о *коллективах* как таковых, но именно о различных типах *коллективности*). Следовательно, они с полным основанием могут быть отпесены и к тем вторичным — по отношению к классам и другим группам — социальным объединениям, какими являются в современных обществах многочисленные виды масс. Во всяком случае, зафиксированные классиками марксизма свойства мнимой коллективности целиком присущи так называемым атомистическим массам и без труда обнаруживаются в них многими исследователями, в том числе весьма далекими от того, чтобы разделять марксистские взгляды.

С другой стороны, уже накопленный к настоящему времени опыт анализа позволяет прийти к твердому выводу относительно существования

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 63-64.

241

в современном мире качественно иного исторического типа массовых общностей, который, в отличие от атомистического, следуя терминологии, предложенной К. Марксом и Ф. Энгельсом, можно было бы назвать ассоциативным, или массами, состоящими из ассоциированных индивидов. Именно к этому историческому типу относятся определения В. И. Ленина — «самостоятельная», «дисциплинированная», «сплоченная» масса. Его важнейшие специфические свойства состоят в том, что индивид здесь обладает высокой степенью личной свободы как в отношении вхождения в массу и выхода из нее, так и в отношении своего поведения в составе массы, характера своих взаимоотношений с другими индивидами — членами массы. Тем самым он не теряет своего «Я», различает и осознает себя в составе целого, свои связи с другими индивидами.

Вспомним приводившийся выше поэтический образ А. Ткаченко. Интересно, что советский поэт, имеющий дело с реалиями социализма, наряду с усредненностью положения, подобием множества индивидов в массе отчетливо чувствует и другую сторону ситуации: его герой не растворяется целиком в массе, не подавляется ею, сохраняет, несмотря на причастность к массе, свою неповторимость. Поэтому после очередного рефрена «как тысяча других, как тысяча других» А. Ткаченко завершает свое стихотворение словами:

Нет, это не обидно. Тебя мой взгляд отыщет по водам жизни, какие б
ни прошли круги, ведь ты — ведь ты
один из тыщи,
242
как тысяча других,
как тысяча других...

Предложенное различие атомистических и ассоциативных масс, разумеется, нуждается в дальнейшем анализе. Оно ставит перед теоретической и эмпирической социологией немало сложных вопросов, в частности касающихся уточнения границ между названными типами социальных общностей. Однако сам факт существования этих типов, на мой взгляд, не может вызывать сегодня каких-либо сомнений, как не может вызывать сомнений и принципиальное несовпадение лежащих «под» ними оснований, о которых шла речь в параграфе 5.3.

Наконец, завершая разговор о возможных способах конкретизации понятия «масса», об определении тех или иных видов и разновидностей рассматриваемых общностей, необходимо сказать еще об одном чрезвычайно важном направлении их анализа, связанном с учетом многочисленных характеристик *массового сознания*. Известно, что данному аспекту В. И. Ленин придавал особенно большое значение, требуя на каждом этапе и в каждый момент развития общества тщательнейшим образом изучать настроения и нужды масс, их мнения и устремления, особенности психологии и мышления, степень сознательности и меру подверженности различным предрассудкам¹. В соответствии с этим в своих работах он различал — в тех или иных контекстах — массы «сознательные» и «несознательные», «готовые к революционному порыву» и «забитые», «информированные», «просвещенные» и «обманутые», «темные», «от-

¹ См., в частности, высказывания В. И. Ленина, цитировавшиеся в предисловии к книге.

243

крыто выражающие протест» и «бессловесные», «довольные» и «недовольные» и т. д. и т. п.¹ Разумеется, некоторые из этих и подобных им характеристик как бы «повторяют» — на уровне сознания — уже рассмотренные нами объективные (формальные и содержательные) свойства масс, «зеркально отражаясь» в соответствующих способах существования и деятельности (поведения) массовых общностей. Однако это относится лишь к части характеристик массового сознания. Другая же, большая их часть, не связана «автоматически», однозначно с разного рода объективными проявлениями, поэтому не может быть сведена к ним и заслуживает самостоятельного рассмотрения. Переходя к нему, мы остановимся прежде всего на некоторых «изначальных», общих свойствах массового сознания, позволяющих провести его принципиальные границы, с тем чтобы затем на этой основе ввести ряд дальнейших конкретизаций.

¹ Подробнее см.: *Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история*, гл. 1.

Раздел III

СПЕЦИФИКА

МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

В СРАВНЕНИИ

С ДРУГИМИ ТИПАМИ

ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Напиток... чем-то напоминал вишневый пирог с кремом, ананас, жареную индейку, сливочную помадку и горячие гренки с маслом.

Л. Кэрролл

Приступая к непосредственному рассмотрению тех или иных — общих и частных — характеристик массового сознания, нельзя прежде всего не констатировать примечательный факт: при всей неизученности нашего объекта как такового в современной литературе явно нет недостатка в описании его разнообразных свойств. Особенно в работах, посвященных исследованию общественного мнения, явлений массовой культуры, деятельности средств массовой коммуникации, различных форм массового поведения людей и т. п. Это естественно, поскольку какие бы трудности ни возникали *в теории* при изучении массового сознания, *на практике* мы постоянно сталкиваемся с ним и, следовательно, можем относительно легко фиксировать те или иные его эмпирические признаки. В одних случаях при этом имеется в виду содержание

245

данного сознания (тогда, в частности, нередко отмечается, что оно «упрощенно» отражает социальную действительность), в других — особенности его строения (тогда довольно единодушно признается момент «противоречивости», «разорванности» этого сознания), в третьих — особенности его формирования (тогда, как правило, рассматриваются связи массового сознания с так называемым обыденным сознанием), в четвертых — его функции (тогда утверждается, что оно регулирует общественное и индивидуальное поведение людей) и т. д. и т. п.

Стоит ли говорить, что многие из этих характеристик оказываются достаточно точными. Казалось бы, чего лучше?! И все же, на мой взгляд, проделанная в данном направлении работа еще далека от того, чтобы считаться удовлетворительной. В силу целого ряда обстоятельств. Во-первых, потому, что, выявляемые разными авторами по разным поводам и основаниям, относящиеся чаще всего к каким-то конкретным социальным ситуациям и вследствие этого лишь к каким-то частным формам массового сознания, все эти характеристики, будучи собраны вместе, далеко не всегда согласуются друг с другом, а значит, не дают сколько-нибудь общего представления об интересующем нас объекте как «родовом», целостном образовании. Во-вторых, потому, что некоторые из них заведомо не являются присущими лишь массовому сознанию, встречаются и в иных («немассовых») ситуациях, в результате чего специфика изучаемого объекта остается нераскрытой, по крайней мере до конца. Наконец, потому, что подавляющее большинство авторов, «наделяя» массовое сознание теми или иными свойствами,

246

активно избегает четкого ответа на главный вопрос: какому именно социальному объекту (типу сознания) приписываются соответствующие свойства?

Последнее обстоятельство является конечно же самым важным, определяя все остальные минусы анализа. Без его теоретического преодоления невозможно ни «связать» воедино те или иные качества интересующего нас объекта, ни выявить его действительную специфику в сравнении с иными, «соседними», духовными образованиями. Поэтому-то, прежде чем заняться непосредственным анализом разного рода характеристик массового сознания, необходимо предварительно по возможности строго определить, *в какой «системе координат» должен проводиться такой анализ*, под каким, так сказать, «углом зрения», или — в иных терминах — в сравнении с какими именно другими типами (формами) сознания?

Предпринимавшиеся до сих пор немногочисленные попытки решения данной задачи большей частью приводили к неудачам.

В книге «Структура общественного сознания», в параграфе «Общественная психология как массовое сознание» А. К. Уледов, высказывая по ходу изложения немало интересных и, на мой взгляд, верных суждений, не дает тем не менее сколько-нибудь

определенного ответа на вопрос: что же все-таки представляет собой массовое сознание в отличие от «немассовых» образований в составе общественного сознания? И дело, как кажется, прежде всего в том, что автор вводит слишком много «водоразделов» между ними, отчего изначальная ситуация неопределенности лишь усиливается.

247

Так, на первых порах основной акцент делается на моменте количественной «распространенности» в обществе тех или иных взглядов и представлений, в соответствии с чем «широко распространенное» массовое сознание отличается от «не получившего еще широкого распространения» специализированного сознания. При этом, однако, не уточняется ни то, где именно проходят количественные границы между «массовыми» и «немассовыми» случаями (что естественно, поскольку данная задача, как отмечалось выше, в принципе не имеет решения ¹), ни то, что следует понимать под собственно специализированным сознанием. Затем утверждается, что «массовое сознание — это совокупность духовных образований, разделяемых целыми классами, социальными группами общества», между тем как названные субъекты обладают и иным — групповым — сознанием, в результате чего в приведенном определении понятие «массовое» без всякого ущерба для истины может быть заменено, например, понятием «классовое». Еще ниже говорится, что массовое сознание «является наличным или реальным сознанием», как будто бы таким качеством не обладают те же специализированное или классовое сознания. Потом мы читаем, что «специфика» массового сознания «состоит в том, что оно непосредственно направлено на практическую деятельность», «реализуется в практической деятельности людей», хотя, как известно, это — общее свойство многих типов, видов и форм сознания ². И так далее.

¹ См. с. 208.

² См.: Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 169—173.

248

Аналогичная неудача с определением специфики массового сознания постигла в свое время и меня в книге «Мнения о мире и мир мнени», где ошибочная оценка общественного мнения в качестве единственного способа существования массового сознания, то есть прямое отождествление общественного мнения с массовым сознанием вообще, привели к значительным «перекосам» в характеристиках специфических свойств последнего, а если говорить резче — даже к просмотру его истинной социальной природы.

Суть массового сознания (общественного мнения) усматривалась мною тогда прежде всего в том, что это — «общественное сознание той или иной эпохи в его суммарном виде», «общественное сознание со сломанными внутри него перегородками». И хотя эта характеристика действительно свойственна массовому сознанию, ее выделение в качестве исходной, «базовой» (а не производной, «вторичной», каковой она является на самом деле) было заведомо неверным. В частности, потому, что «главным» в данном типе сознания объявлялось «то, что оно представляет собой произведение двух величин — обыденного сознания и теоретического знания» (хотя, как мы видели выше, этот момент в не меньшей мере присущ и иным типам сознания — во-первых, индивидуальному, во-вторых, групповому, по крайней мере групповому сознанию больших групп). И особенно потому, что из указанной посылки делался неверный общий вывод: «Что же касается *специфики* общественного мнения в сравнении с иными типами общественного сознания, то она заключается совсем не в том, будто в основе этого явления лежат какие-то иные... начала (совсем наоборот! еще

249

раз повторяем: по своей природе общественное мнение есть органический сплав все тех же, уже известных начал), но в *особых закономерностях функционирования* данного феномена» ¹.

Спустя три года мне пришлось вносить существенные коррективы в изложенные

представления. Выяснилось прежде всего, что общественное мнение представляет собой особый, *частный случай* массового сознания, в результате чего вопрос о специфических свойствах последнего надлежит рассматривать более широко, с учетом всех форм его существования. Главным же, однако, был вытекающий отсюда вывод, что провести надежные границы массового сознания невозможно, не признав, что в основе его как раз лежат какие-то «*иные начала*». При этом в качестве таковых виделись уже не гносеологические или функциональные свойства массового сознания, а именно его социальная природа, связанная с *особым типом субъекта* — носителя данного сознания².

Интересно, что к такому же заключению независимым путем, идя в анализе объекта, так сказать, с «*другой*» стороны (а именно, со стороны групповых и массовых потребностей людей), пришел и Г. Г. Дилигенский, который в одной из своих последних работ о массовом сознании констатировал: «В нашем случае главная трудность состоит в определении *субъекта* массового сознания, его специфики по сравнению с субъектом сознания вообще»³. Это верно.

¹ Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений, с. 61.

² См.: Грушин Б. А. Логические принципы исследования массового сознания.— Вопросы философии, 1970, № 7, 8.

³ Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания.— Вопросы философии, 1983, № 11, с. 6.

250

Именно характеристики субъекта, как никакие другие, задают тот искомый «угол зрения», ту исходную «систему координат», в рамках которой можно с достаточной определенностью провести общие границы интересующего нас объекта, чтобы потом — на данной основе — выявить его разного рода специфические свойства: гносеологические и социальные, связанные с его строением, особенностями его формирования и функционирования и т. п.

Глава 7

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

7.1. «Соседи» «слева» и «справа»

С какими же другими типами сознания — с точки зрения их субъектов-носителей — следует сравнивать массовое сознание? Рассматривая этот центральный вопрос в своей интересной и глубокой статье, о которой я только что упомянул, Г. Г. Дилигенский, к сожалению, не отвечает на него вполне однозначно, предоставляя возможность по-разному интерпретировать высказываемые им положения. С одной стороны, в качестве генерального направления анализа как будто предлагается сопоставление массового сознания с сознанием *индивидуальным*, с другой же — его сопоставление с различными групповыми, в частности классовыми формами *общественного* сознания. Подобный эффект вряд ли предусматривался автором, и возникает он, по-видимому, из-за недостаточно четкого опре-

251

деления в статье субъекта самого массового сознания.

Исходная посылка Г. Г. Дилигенского — «массовое сознание может существовать и функционировать лишь входя в содержание множества сознаний индивидуальных», «существует, реализуется в массах *индивидуальных сознаний*»¹ — представляется безусловно верной. Важнейшая особенность данного типа сознания в отличие от иных типов общественного сознания, выделяемых в зависимости от их субъектов, а именно сознания общечеловеческого и группового, в самом деле заключается в том, что массовое сознание не имеет каких-либо надындивидуальных форм своего существования. Но вот вывод, который делается из этого автором, — «они, эти индивиды, и являются его субъектом», — на мой взгляд (по крайней мере, в подобной формулировке), нельзя признать верным. Особенно, когда он принимает такой вид: «Выделение индивида (обратите внимание: уже даже в единственном, а не во множественном числе! — Б. Г.) в качестве

специфического субъекта этого сознания» подчеркивает ту его особенность, что «сферой», «пространством», в которых оно существует и формируется, является внутренний мир индивидов во всем многообразии его проявлений»².

Согласиться с этими определениями невозможно, поскольку в них полностью стираются различия между массовым и индивидуальным сознаниями — первое как бы растворяется во втором, приобретая его специфические черты

¹ Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания.— Вопросы философии, 1983, № 11, с. 7.

² Там же.

252

(ср. тезис о «всем многообразии» проявлении внутреннего мира индивидов, якобы находящем отражение в массовом сознании) и, напротив, утрачивая черты собственно общественного сознания, которое с необходимостью как раз всегда «отвлекается» от тех или иных индивидуальных, неповторимых особенностей людей.

Естественно, что, прекрасно чувствуя предмет, Г. Г. Дилигенский сам не может не замечать возникающих здесь «неувязок». Поэтому, объявив субъектом массового сознания индивида или множество индивидов, он одновременно демонстрирует в статье иное понимание проблемы, в том числе закрепляя его в соответствующих — отличных от приведенных — определениях. Массовое сознание, говорит он,— это сознание всей массы членов общества, составляющих его индивидов, сознание всей массы «входящих» в социальные группы индивидов¹. А ведь это уже нечто иное! Значит, речь идет не просто об индивидах как таковых, не просто об их множествах — «арифметических суммах», но об индивидах, входящих в какие-то социальные совокупности, составляющих, образующих некие общности. «В массовом сознании,— пишет Г. Г. Дилигенский (и с этими словами уже нужно полностью согласиться),— запечатлены знания, представления, нормы, ценности, разделяемые той или иной совокупностью индивидов, выработанные в процессе их общения между собой и совместного восприятия социальной информации. Массовое сознание отличает, следовательно, во-первых, социальная типичность всех образующих его компонентов (то есть как

¹ См.: Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания.— Вопросы философии, 1983, № 11, с. 3.

253

раз определенное нивелирование, устранение индивидуальных различий.— Б. Г.), во-вторых, их социальное признание, санкционирование той или иной массовой общностью (подчеркнуто мною.— Б. Г.)»¹.

Итак, «массовые индивиды», «массы индивидов», «массовые общности» — вот действительно центральные, ключевые понятия, с помощью которых должна определяться социальная природа, а значит, и проводиться границы массового сознания. К сожалению, уже выйдя на эти понятия, автор рассматриваемой статьи тут же снова делает «шаг назад», пытаясь втиснуть их в привычные представления о «классических» группах. В одном случае это у него «вся масса членов общества», в другом — масса представителей тех или иных «социальных групп»². Отсюда возникают новые трудности. Во-первых, к числу неверных следует отнести утверждение относительно «всей массы членов общества», поскольку в действительности, как мы видели в параграфе 6.2, ни одна реальная масса не включает в себя «всех» без исключения членов общества, охватывая либо какую-то их «часть», либо множество таких «частей», принадлежащих различным обществам. Во-вторых, в свете второго определения теряется ясность в главном: кто же все-таки является подлинным, так

¹ Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания.— Вопросы философии, 1983, № 11, с. 7.

² «Субъектами многих видов массового сознания,— читаем мы в этой связи,—

являются... не только индивиды, но и большие социальные группы, в том числе классы. Массовое сознание таких групп выражает групповые интересы в тех формах, в которых они осознаны входящими в группу индивидами» (там же, с. 7).

254

сказать, основным субъектом массового сознания — «массовые индивиды» или социальные группы (кстати, почему только большие)? Наконец — если это последние (или в том числе последние), — чем тогда отличаются друг от друга собственно массовое и групповое сознания соответствующих групп? Где и как следует проводить границы между ними?

Все эти и многие другие подобные им проблемы сами собой, на мой взгляд, снимаются, если вещи будут названы «своими именами», то есть если массовое сознание будет квалифицировано в качестве особого случая безусловно *общественного* сознания, хотя и реализующегося в массе индивидуальных сознаний, но не совпадающего с каждым из них в отдельности, с индивидуальным сознанием как таковым, а также если лежащие в его основе, являющиеся его носителем субъекты будут квалифицированы в качестве особого рода человеческих общностей — *масс*, которые не совпадают ни с человечеством в целом, ни с тем или иным обществом в целом, ни со всевозможными, в том числе социальными (в узком смысле этого слова), группами, составляющими человечество и различные общества. Именно такой подход я пытался продемонстрировать на протяжении всего предыдущего изложения, и, по моему убеждению, лишь на данной основе создаются реальные возможности как для успешного проведения надежных границ занимающего нас предмета, обнаружения его действительных «соседей» «слева» и «справа», так и для выявления и объяснения всей совокупности его разнообразных, относящихся к различным «аспектам» его существования и функционирования, специфических свойств.

255

Правда, утверждение «массовое сознание — это сознание массы, сознание различных типов и видов масс», на первый взгляд, сильно смахивает на тавтологию. Однако в действительности оно ею не является¹. Не заключая в себе еще в самом деле никаких указаний на те или иные конкретные характеристики массового сознания, данное определение вместе с тем отличается вполне позитивным содержанием, коль скоро мы уже знаем, что собой представляет масса как особый, специфический род социальных общностей, и поэтому открывает путь для сравнительного анализа массового сознания, с одной стороны, и иных форм человеческого сознания — с другой. При этом, коль скоро массовое сознание — это сознание определенных общностей, стало быть, общественное сознание, генеральным направлением такого анализа должно быть, естественно, его сопоставление не с индивидуальным сознанием, а с иными (по субъекту) типами общественного сознания — в первую очередь с господствующими в нем групповыми формами сознания, а также общечеловеческим сознанием.

¹ Аналогичным образом, как было мною показано в свое время, не содержит в себе тавтологии и утверждение, что массовая информация — это информация, которой так или иначе, тем или иным способом оперируют массы. Все остальные характеристики данного типа социальной информации — связанные с особенностями ее содержания, производства, распространения, функционирования и т. п. — явно не годятся для формулирования ее общего определения (см.: Массовая информация в советском промышленном городе, с. 26—32).

256

7.2. Сколько массовых сознаний

*существует в том или ином обществе —
одно или множество?*

Являет ли собой, однако, совокупное массовое сознание, функционирующее в современных обществах, некое *единое* образование, которое *в целом* — подобно общечеловеческому сознанию — «обслуживает» жизнедеятельность своего «родового»

субъекта (всякую, любую массу, массу как таковую), или мы сталкиваемся тут — как в случае с групповым сознанием — с какими-то более или менее выраженными *модификациями, видами* этого сознания, соответствующими различным типам и видам его носителей? Таков следующий общеметодологический вопрос, возникающий в процессе определения границ интересующего нас объекта. И его рассмотрение представляется тем более важным, что многие исследователи, работающие в данной области, вовсе не видят здесь никакой проблемы, вернее, молчаливо придают обнаруживаемым ими характеристикам массового сознания неизменно всеобщее, «родовое» значение, не ограничивая их рамками действия тех или иных конкретных субъектов. В результате получается, что сознание, к примеру, толпы и телеаудитории или сознание, совпадающее с общественным мнением, которое обсуждает пути предотвращения атомной войны и определяет меру популярности того или иного эстрадного кумира,— это всегда одно и то же массовое сознание = массовое сознание «вообще».

Между тем выше, в порядке предварения этого разговора, не раз уже высказывалась мысль, что массовое сознание, как и сама масса, не су-

9 Б. А. Грушин

257

ществует вообще, всегда облечено в те или иные конкретные, в том числе связанные с его различными носителями, формы. Если это так, то первая часть сформулированной альтернативы должна быть оценена в качестве неверной. Во всяком случае, в столь категоричном, всеобщем ее выражении. Ведь массовое сознание, действующее в том или ином обществе и тем более в различных типах обществ, в огромном числе *реальных ситуаций* в самом деле предстает перед нами в виде отчетливо *дифференцированного* образования, причем дифференцированного не просую в смысле наличия в его структуре различных содержательных и формальных видов (подобная расчлененность свойственна, как известно, и общечеловеческому сознанию), но именно в смысле *внешнего* обособления этих видов, их *самостоятельного существования* в границах действия соответствующих массовых субъектов.

Отмечаемый факт с достаточной ясностью обнаруживается уже на уровне содержательных характеристик массового сознания, совпадающих с самими предметами его внимания (то есть с конкретными объектами — явлениями, процессами, проблемами — действительности, которые так или иначе фигурируют в высказываниях, образах, настроениях, интересах и иных составляющих массового сознания), с теми или иными свойствами, приписываемыми этим предметам, знаком отношения к ним (утверждение — «баланс» — отрицание — нейтральная позиция), силой такого отношения (экстремизм — уравновешенность — робость) и т. д. Любая практика научного изучения, в частности зондирования, общественного мнения дает в

258

этом отношении не только обильный, но и безусловно убедительный эмпирический материал, выявляя каждый раз более или менее развернутые ряды не совпадающих друг с другом содержательных «секторов» массового сознания со стоящими «за» ними (соответствующими им) «секторами» самой общественности.

Другое дело, что в этой — как и во всякой иной, сталкивающейся с нашим объектом — практике очень важно различать, с одной стороны, так сказать, «моментальные», меняющиеся от раза к разу характеристики массового сознания, которые проявляются в его отношении к отдельным, «точечным» объектам действительности, и с другой — его «глубинные», устойчивые свойства, проявляющиеся одновременно в отношении ко многим объектам, входящим в один или несколько различных «предметных рядов».

Очевидно, в первом случае (а именно с ним имеет дело традиционное зондирование общественного мнения) в рамках большинства реальных исследовательских ситуаций, с помощью фиксирования разнообразнейших дискретных «знаю — не знаю»,

«согласен — не согласен», «хочу — не хочу» и т. д., мы, при прочих равных обстоятельствах, не получаем еще достаточных оснований для того, чтобы говорить собственно о каких-либо *видах* массового сознания. Этому препятствует, во-первых, постоянно сохраняющаяся вероятность отклонения части зафиксированных единичных фактов сознания от его действительных, «глубинных» характеристик (в силу влияния разного рода случайных факторов, роль которых, естественно, возрастает в «точечных» измерениях); во-вторых, невоз-

«.»*

259

можность простого, арифметического суммирования отдельных фактов массового сознания (в силу несводимости друг к другу используемых здесь различных содержательных индикаторов¹, а также общей противоречивости, «разорванности» этого сознания, включающего в себя и несовместимые друг с другом высказывания, образы, настроения и т. д.).

Напротив, задача решается с достаточной надежностью и четкостью, когда мы переходим от отдельных «точек» массового сознания к его более или менее обширным «полям», то есть прибегаем к определенному интегрированному измерению множества дискретных характеристик сознания. Последняя операция совершается с помощью специфических, преимущественно теоретических средств анализа. И как раз прежде всего на этой базе мы получаем возможность, имея в виду содержание массового сознания, судить уже не просто о тех или иных его «моментальных», подвижных «секторах», но именно о его более или менее устойчивых, стабильных видах — например, выделять в нем сознание «просвещенное» и «темное», «прогрессивное» и «реакционное», «удовлетворенное» и «неудовлетворенное», находящееся в различных отношениях к официальным позициям, символам пропаганды («критическое» и «конформистское») и т. д.²

¹ См.: *Грушин Б. А.* О двух подходах к изучению общественного мнения.— Социологические исследования, 1982, № 4, с. 54—55.

² Здесь следует оговориться. В отдельных случаях содержательные типологии массового сознания могут базироваться и на его «точечных» проявлениях (измерениях), если объекты, к которым «привязано» массовое сознание (по поводу которых оно высказывается,

260

Аналогичным образом массовое сознание и его субъект в огромном числе эмпирических ситуаций не представляют собой единых образований и с точки зрения всех остальных существенных характеристик этого сознания, выходящих за рамки его содержания как такового, касающихся многочисленных особенностей его объема, строения, формирования, функционирования. В этих случаях в качестве оснований дифференциации, распада массового сознания на какие-то самостоятельно существующие типы и виды выступают, помимо прочих, такие, к примеру, его свойства, как общий и актуальный мыслительный потенциал массового сознания (объем всевозможных позитивных знаний, которыми в принципе располагают те или иные массы и которые они практически используют в процессах своей жизнедеятельности), «пространственная» распространенность сознания, его устойчивость во времени, степень связности (противоречивости — непротиворечивости), «удельные веса» в сознании стихийных и институционализированных форм, мера его выраженности, характер выражения, особенности используемых в нем языковых средств и т. п. В со-

которые в нем отражаются и т. д.), сами по себе достаточно «широки», «весомы», «значимы» в социальной жизни общества. Таковы, например, «глобальные» вопросы, касающиеся форм политической власти в том или ином обществе, вопросы, связанные с отношением к войне и миру, с представлениями об основах мироздания и т. д. Позиции масс по отношению к ним, проявляющиеся в тех или иных формах (политические

выступления народа, референдумы, массовая религиозная практика, зондажи общественного мнения), отчетливо свидетельствуют о дифференциации массового сознания (равно как и самих масс) на широкие содержательные типы.

261

ответствии с этими показателями в границах деятельности различных масс объективно существуют «богатое» и «бедное» (по объему) массовое сознание, «доминирующее» и «периферийное», «комплектное» и «фрагментарное», «связное» и «разорванное», «агрессивное» и «уравновешенное» сознания и т. д.

При этом, понятно, все отмеченные дифференциации — как собственно содержательные, так и иные — являются по своему характеру *частными*, затрагивающими те или иные отдельные стороны «жизни» массового сознания. Между тем последнее, подобно всякому другому сознанию, представляет собой сложное, многомерное образование. Отсюда, как верно пишет Э. Я. Баталов, возникает необходимость его описания «в разной системе координат, т. е. одновременного построения нескольких взаимодополняющих типологий, позволяющих «высветить» моделируемое сознание под разными «углами» и построить его «сферическую модель»¹. В отличие от разного рода частных, или «специализированных», типологий, которые «моделируют какое-то одно измерение» сознания, такая, по терминологии Э. Я. Баталова, «общая» (или, я бы лучше сказал, *синтетическая*)² типология «моделирует не какое-то одно, а несколько коррелятивных измерений (характе-

¹ Баталов Э. Массовое политическое сознание современного американского общества: методология исследования.—Общественные науки, 1981, № 3, с. 107.

² Термин «общая типология» представляется мне в данном случае менее удачным, поскольку он «намекает» на *всеобщность* такого рода типологии, то есть на то, что в ней учтено *все* наличное разнообразие характеристик сознания. Между тем реализация такого учета — дело в принципе весьма проблематичное.

262

ристик)... сознания и служит своего рода синтезом специализированных типологий»¹.

Разумеется, построение таких синтетических типологий — задача чрезвычайно сложная. Однако, как показывает практика научных исследований, все же разрешимая. Многообещающий пример здесь — анализ современного массового политического сознания в США, продемонстрированный Ю. А. Замоскиным, Э. Я. Баталовым и их коллегами, сумевшими выделить 12 широких, «матричных» (то есть построенных на одновременном учете, «пересечении» различных признаков содержания, строения, функционирования и т. д.) типов этого сознания: 1) либерал-технократический, 2) либерал-реформистский, 3) либертариистский, 4) традиционалистский, 5) неоконсервативный, 6) радикал-либер-таристский, 7) радикал-этатистский, 8) право-популистский, 9) радикал-демократический, 10) радикал-бунтарский, 11) радикал-романтический и 12) радикал-социалистический².

Таким образом — если оставить пока в стороне некоторые особые, так сказать, «сложные» случаи,— у нас есть все основания утверждать, что массовое сознание, с которым мы чаще всего сталкиваемся на практике, отнюдь не пред-

¹ Баталов Э. Массовое политическое сознание современного американского общества: методология исследования.— Общественные науки, 1981, № 3, с. 108.

² См.: Современное политическое сознание в США. М., 1980. Немалый интерес с рассматриваемой точки зрения представляет также статья Г. Г. Дилигенского «Массовое общественно-политическое сознание рабочего класса капиталистических стран: проблемы типологии и динамики», опубликованная в двух первых номерах журнала «Рабочий класс и современный мир» за 1984 г.

263

ставляет собой какого-либо единого образования, присущего в одних и тех же чертах всем фигурирующим в обществе (не говоря уже о различных обществах) массам. Напротив, подобно последним, оно, как правило, более или менее отчетливо модифицировано, внешним образом распадается на какое-то число различных типов и видов. Отсюда следует, что в рассматриваемом отношении массовое сознание, во-первых, принципиально отличается от общечеловеческого сознания, располагающего лишь одной-единственной — «родовой» — формой своего бытия, во-вторых, видимым образом напоминает групповое сознание со свойственным ему «видовым» строением.

Значит ли это, что в сформулированной выше альтернативе верна вторая ее половина, то есть что между различными видами массового сознания и их субъектами (массами) существуют такие же отношения, которые характерны для группового сознания и групп? Пристальный взгляд на вещи вынуждает ответить на этот вопрос также отрицательно, поскольку в данном пункте снова обнаруживается значительная специфика анализируемого нами объекта.

В параграфе 3.2, где речь шла о групповом сознании и группах, мы видели, что взаимоотношения между ними описываются с помощью ряда инвариантных утверждений: каждый тип и вид групп производит свое собственное, органическое для него групповое сознание; каждому типу и виду групп присущи и, следовательно, могут быть поставлены в соответствие определенные типы и виды группового сознания, свойственные в целом лишь данным субъектам; нет таких двух типов и видов групп, групповое со-

264

знание которых было бы тождественно; сколько в рамках того или иного социума существует (выделяется) типов и видов групп, столько там существует (может быть различено) и типов и видов группового сознания и т. д.¹ В более конкретном выражении все эти формулы означают, что, скажем, классовое и национальное сознания не совпадают в целом друг с другом как особые типы группового сознания, а внутри классового, например, пролетарского и мелкобуржуазного сознания — как его особые виды, подобно тому как не совпадают друг с другом соответствующие социальные и этнические группы, фигурирующие в структуре общества.

Можно высказать гипотезу, что отмеченные характеристики относятся к групповому сознанию не только различных *типов* и *видов* групп, но и любых *конкретных, единичных*, то есть эмпирически фиксируемых, групповых общностей. Она кажется достаточно обоснованной в отношении сознания больших групп, различаемых в рамках тех или иных видов, — например, национального сознания отдельных этнических общностей, относящихся к одной нации, или классового сознания одних и тех же классов, действующих в различных обществах (странах). Однако такое же положение вещей — хотя с меньшей степенью очевидности — сохраняется, пожалуй, и в отношении отдельных «средних» и малых групп, входящих в состав тех или

¹ Во избежание возможных недоразумений следует подчеркнуть, что речь тут идет именно о *групповом* сознании различных типов и видов групп, а не об их *фактическом* сознании, рассматривавшемся в параграфе 4.1 и представляющем собой различные случаи «сосуществования» и «пересечения» (в рамках деятельности каждой группы) различных групповых сознаний.

265

иных больших. Конечно, экспериментальная база для такого заключения пока еще недостаточна. И все же у него имеются определенные основания, связанные, в частности, с многочисленными социально-психологическими исследованиями однотипных и одновидовых малых групп: рабочих коллективов, студенческих групп, школьных классов и т. п. Ведь, если отвлечься от разного рода* деталей и некоторых «исключений из общего правила», на основе многих из этих исследований можно прийти к выводу, что в обществе, при прочих равных обстоятельствах, не существует групп-«близнецов», то есть двух малых групп, абсолютно идентичных с точки зрения характеристик их групповой

психологии, а также группового сознания в целом, подобно тому как в нем не существует и двух личностей с тождественными индивидуальными сознаниями.

Впрочем, как бы там ни обстояло дело с единичными, конкретными группами, тезис об органической связи, взаимном соответствии различных типов и видов групп, с одной стороны, и аналогичных типов и видов группового сознания — с другой, можно считать бесспорным.

Качественно иная ситуация наблюдается в сфере взаимоотношений массового сознания и его субъектов, хотя, на первый взгляд, все здесь выглядит точно так же, особенно когда анализ движется не от субъектов этого сознания к самому сознанию, а наоборот — от форм (видов) сознания к его носителям. В предыдущей главе утверждалось, что те или иные **типы** и виды массового сознания, будучи свойством разного рода объективно (то есть не на основе характеристик их сознания) различаемых типов и ви-

266

дов масс, одновременно сами являются видооб-разующим фактором, «расчленяющим» социум на определенное число массовых общностей. Это означает, что, если исследователям удалось каким-то образом выделить некоторые виды массового сознания, каждый из них будет иметь «под собой» своего собственного носителя.

Вместе с тем все эти рассуждения — не более чем трюизм, сохраняющий силу в отношении любых форм общественного сознания: раз в составе последнего существует и обнаружен какой-то относительно самостоятельный «сектор», в составе социума, естественно, должна быть и может быть обнаружена какая-то общность, которая породила данное сознание и обладает им. В этом пункте никакой специфики массового сознания еще нет. Однако она сразу же начинает проявляться, если обсуждаемый тезис «перевернуть», поставив вопрос иначе: каждая ли присутствующая в социуме общность обладает своим *собственным, свойственным в целом лишь ей* «общностным» сознанием? Применительно к группам, как мы видели, данный вопрос решается безусловно положительно. Применительно же к массам — если и положительно, то при условии целого ряда существенных ограничений, а в предложенной всеобщей форме, скорее всего, и вовсе отрицательно.

Это становится достаточно очевидным, если обратиться к сознанию разного рода *единичных, конкретных* масс, выделяемых в составе тех или иных типов и видов массовых общностей по каким-либо объективным (то есть не связанным с характеристиками их сознания) основаниям — например, читателям различных газет, «болельщикам» различных футбольных клубов, толпам

267

«зевак», собравшимся по разным поводам на улице, и т. д. Как свидетельствуют данные эмпирических исследований, в любой серии подобных общностей всегда можно обнаружить по крайней мере несколько таких, которые будут иметь одно и то же сознание — как с точки зрения «набора» входящих в него образований, так и с точки зрения механизмов его функционирования. Отсюда возникает возможность говорить о существовании и определенном распространении в обществе разнообразных масс-«близнецов», как две капли воды похожих друг на друга в отношении характеристик их сознания, что, разумеется, вовсе не исключает и иной констатации — того, что в обществе, в том или ином его пространственно-временном континууме, могут также действовать и реально действуют вполне уникальные, неповторимые по своему сознанию массы.

Аналогичное положение вещей сохраняется в принципе и при переходе от конкретных, единичных масс к их различным объективным *типам* и *видам*, во всяком случае, к некоторым из них, особенно выделяемым по формальным основаниям. Так, к примеру, имея дело с большими и малыми массами, действующими в сфере моды или коллекционирования произведений искусства (поклонниками того или иного типа

предметов вообще и лицами, стремящимися к обладанию — в рамках этого увлечения — каким-то определенным предметом), вряд ли можно настаивать на том, что сознания данных общностей будут существенно различаться друг от друга по широкой совокупности их основных свойств (особенностям содержания, строения, способам выражения и т. п.), по крайней мере

268

настолько, чтобы тут можно было говорить о различных, самостоятельных видах массового сознания. Скорее наоборот: в глаза бросается прежде всего принципиальное совпадение сознаний сравниваемых общностей, одинаковость форм их существования и механизмов функционирования.

Та же по сути дела картина повторяется и в случае, если разнообразные виды масс выделяются по их содержательным признакам, в частности в зависимости от сферы поведения «массовых индивидов» (политика, религия, мораль и т. д.). При сопоставлении подобного рода массовых общностей среди них тоже всегда можно найти, по крайней мере, несколько таких, которые демонстрируют один и тот же принципиальный (например, экстремистский) тип сознания, независимо от «предметного» поля действия соответствующих масс. При этом из сказанного — и это хотелось бы еще раз специально подчеркнуть — отнюдь не вытекает, будто бы в обществе вовсе не остается места для разного рода содержательных (как, впрочем, и формальных) видов и типов масс, которые обладают неповторимыми, специфическими именно для них видами и типами сознания, не совпадающими с сознанием иных типов и видов массовых общностей. Совсем наоборот! К примеру, так называемые атомистические и ассоциативные массы, о которых шла речь выше, достаточно отчетливо обнаруживают, что им в целом органически присущи как раз такие, не совпадающие друг с другом типы массового сознания.

О чем все это, однако, говорит? Если все наши рассуждения, равно как и лежащие за ними эмпирические наблюдения, верны, из них с не-

269

обходимостью следует, что между массами — субъектами массового сознания и самим этим сознанием объективно складываются и существуют несколько (если не принципиально!?) иные отношения, нежели между «классическими» группами и групповым сознанием. И главное в этом отличии — отсутствие тех «жестких», устойчивых органических связей, того однозначного взаимного соответствия, которые характерны для групп и форм группового сознания. На смену таким связям и такому соответствию приходят нестрогие, «размытые» зависимости, имеющие *вероятностный* характер. В результате вместо приводившегося выше ряда суждений, описывавших отношения «группы — групповое сознание», мы получаем новую серию инвариантных утверждений: лишь некоторые типы и виды массовых общностей производят свое собственное массовое сознание или отличаются своим собственным массовым сознанием; не каждому типу и виду масс могут быть поставлены в соответствие определенные типы и виды массового сознания, свойственные в целом лишь данным субъектам; если в том или ином социуме имеется какое-то множество типов и видов массовых общностей, всегда есть вероятность обнаружения среди них таких, которые будут полностью совпадать друг с другом сточки зрения основных характеристик их сознания; среди различных типов и видов массового сознания, фигурирующих в том или ином обществе (или нескольких обществах), наверное есть такие, которые могут быть поставлены в соответствие одновременно нескольким, органически связанным с ними типам и видам массовых общностей и т. д.

270

Как видим, в настоящей «аксиоматике» — в отличие от описывавшей отношения между групповыми общностями и групповым сознанием — общие высказывания типа «все», «каждый» сменяются частными суждениями с подлежащими «некоторые», а категорические связи типа «да» или «нет» — условными связями «в одних случаях — да,

в других — нет». Это позволяет рассматривать ее в качестве более широкой системы положений, фиксирующей взаимоотношения между субъектами общественного сознания и формами последнего, в сравнении с первой «аксиоматикой», приобретающей значение *частного случая*.

При этом хотелось бы подчеркнуть: когда утверждается, что лишь некоторые типы и виды массовых общностей обладают своим собственным, специфическим массовым сознанием (в то время как многим другим из них свойственны какие-то общие типы такого сознания), или — в форме инверсии — что среди многочисленных типов и видов массового сознания, обнаруживаемых в обществе, всегда есть такие, которые «на равных» принадлежат нескольким различным типам и видам масс,— смысл этих утверждений вовсе не совпадает с тривиальной констатацией того эмпирического факта, что отдельные типы и виды массового сознания *в той или иной мере и степени* могут быть фактически присущи различным типам и видам масс, стало быть, иметь не одного, а одновременно *множество различных носителей*.

Данная констатация в самом деле достаточно тривиальна и, кроме того, имеет гораздо более широкий смысл, то есть должна быть отнесена не только к отдельным типам и видам массового

271

сознания, но и к любым его формам, и не только к ним, но и — это *Nota Bene!* — практически к любым ограниченным (в значении: не общечеловеческим) формам общественного сознания вообще, во всяком случае, на современном этапе развития человеческого общества. Разве мы уже не видели, как органически связанные своими «корнями», происхождением, всем своим существом с жизнедеятельностью соответствующих групп (будь то социальные классы, нации, профессии, возрастные или какие угодно другие группы), те или иные формы группового сознания, будучи так сказать, «выпущены на свет божий», сплошь и рядом перестают быть исключительной принадлежностью породивших их (непосредственно или опосредованным путем, то есть с помощью теоретиков и идеологов соответствующих групп) субъектов, проникают теми или иными своими «частями» в сознание других групп, становятся также и их достоянием

Так, в числе носителей мелкобуржуазного сознания в современном мире наряду с крестьянством и мелкой буржуазией города выступают определенные слои промышленных рабочих, крупной буржуазии, а также интеллигенции, причем данное сознание, как известно, весьма широко распространено не только в развивающихся и капиталистических, но и в социалистических обществах. С другой стороны, совре-

¹ В данном пункте анализа мы отвлекаемся от случаев существования в минувшей и переживаемой истории человечества разного рода герметических (этнических, религиозных, территориальных и т. п.) общностей, чье сознание, по определению, наглухо «закрыто» для других групп и не знает никаких иных носителей, кроме самой данной общности.

272

менный рабочий класс в условиях капитализма может быть приверженцем не только своей пролетарской, марксистской, но и (в каких-то своих частях) разного рода «чужой», в том числе враждебной его природе буржуазной идеологии. В параграфе 4.1 довольно подробно говорилось обо всех этих явлениях, и именно на их основе было введено принципиальное различие между собственно групповым сознанием, органически присущим той или иной группе, и ее фактическим сознанием, в котором — в тех или иных комбинациях — «сосуществуют» различные групповые сознания, порождая феномены групповой неоднородности и синкретичности сознания группы.

Теперь же — в связи с анализом специфики отношений между массовым сознанием и его носителями — речь идет совсем о другом. Не просто о том, что некоторые типы и виды этого сознания «обслуживают» одновременно несколько

различных типов и видов масс (подобное положение вещей, повторяю, свойственно также любому современному групповому сознанию, «обслуживающему» не только «свою», но и множество «чужих» групп), а о том, что как раз в отличие от группового сознания рассматриваемые типы и виды массового сознания не могут быть во всех случаях «жестко» привязаны к какому-то *одному*, определенному типу и виду массовых общностей, для которого они бы являлись его *собственным* сознанием, коль скоро они именно «на равных» принадлежат одновременно нескольким типам и видам масс, *в целом свойственным многим из них*. Конкретный пример: разнообразные общие формы массового сознания, продуцируемые и функционирующие в

273

сфере потребления различных видов массовой информации, массовой культуры. Среди читателей газет, телезрителей, театральной публики социологические исследования без труда обнаруживают одни и те же типы массового сознания, в отношении которых полностью исключена логика «группового» анализа: мол, будучи органически, так сказать, изначально связанными (по своей природе, механизмам своего порождения и т. д.), к примеру, с той или иной массой читателей, эти формы «затем» — в силу действия уже совсем иных механизмов — заимствуются и присваиваются соответствующими совокупностями телезрителей, посетителей театров и т. д. Нет, логика здесь совсем другая: обнаруженные типы массового сознания изначально в равной мере присущи ряду общностей, объективно осуществляющих различные типы массовой деятельности и, более того, являются единственными формами сознания, которыми располагают данные общности.

Конечно, тут возникает фундаментальный вопрос: каким образом оказывается возможным подобное явление? Как, собственно, образуются такие общие (хотя и не всеобщие!) формы сознания у заведомо различных типов и видов массовых субъектов? Однако это уже другой, самостоятельный предмет анализа, к которому мы вернемся ниже. Теперь же важно подчеркнуть главное: сам факт зафиксированной специфики массового сознания, его существенного несовпадения — под рассматриваемым углом зрения — с иными типами общественного сознания: общечеловеческим сознанием, с одной стороны, и групповым сознанием — с другой. Как мы обнаружили, в отличие от первого массовое созна-

274

ние не представляет собой «монолита» и неизменно распадается на ряд обособленных по своим субъектам-носителям, самостоятельно существующих типов и видов. В отличие же от второго границы этой его дифференциации (по субъектам), как минимум, не во всех случаях совпадают с границами дифференциации самих субъектов, а именно оказываются сплошь и рядом более «широкими», нежели последние.

7.3. Общие и частные свойства массового сознания

Сформулированная только что зависимость представляется весьма многоплановой по своему значению, открывающей разнообразные возможности для выделения и понимания ее отдельных моментов. Сейчас я хотел бы отметить по крайней мере два вытекающих из нее следствия, используя их заодно для подведения некоторых итогов предпринятого анализа, а также уточнения ряда высказанных выше положений.

Первое: в составе массового сознания необходимо различать его, так сказать, «узкие» и «широкие» типы и виды, связанные не со степенью распространенности в обществе соответствующих форм сознания, а с характером их субъектов-носителей. Так называемые «узкие» формы присущи каким-то *особенным*, вполне определенным типам и видам массовых общностей, следовательно, *ограничены* в своем существовании и функционировании исключительно жизнедеятельностью последних. «Широкие» формы, напротив, свойственны одновременно *самым*

275

различным по их объективным (формальным и содержательным) характеристикам

типам и видам масс, следовательно, весьма неопределенны с точки зрения границ их существования и функционирования. Более того, они имеют, по видимости, если и не всеобщий, то во всяком случае достаточно общий характер, проявляя *относительную независимость* от своих конкретных субъектов-носителей.

Именно наличие в массовом сознании таких «широких» форм послужило объективным основанием для возникновения в науке отмеченной выше устойчивой (начинающейся с Г. Тарда) традиции, в соответствии с которой это сознание рассматривается преимущественно «вообще», как чисто «родовое» образование, не ограниченное — в тех или иных его характеристиках — действиями каких-то отдельных, «видовых» субъектов. Прежде я не раз категорически возражал против такого подхода. Однако в свете рассматриваемых явлений (которые выше туманно обозначались мною в качестве «особых», «сложных» случаев¹) кажется, что эта категоричность должна быть несколько «ослаблена». Конечно, при максимально полном охвате всех форм существования массового сознания и, следовательно, строгом взгляде на вещи по-прежнему нельзя не настаивать на том, что это сознание, как и сама масса, не существует вообще, а предстает в жизни того или иного общества (и тем более различных обществ!) в виде ряда не совпадающих друг с другом специфических типов, в том числе связанных с различными носителями массового сознания. Безусловный факт наличия в нем указанных «узких»

¹ См. с. 263.

276

форм решительно подтверждает данный вывод. И все же соблазн выйти в анализе массового сознания на некоторые «всеобщие» модели — типа, скажем, тех, которые издавна связываются исследователями с механизмами внушения, заражения, подражания и т. д., — в самом деле весьма велик. Другое дело, что при ближайшем рассмотрении эти *всеобщие* модели, скорее всего, окажутся лишь некоторыми *общими* моделями, совпадающими как раз с отмеченными «широкими» формами существования массового сознания и, стало быть, свойственными не всем без исключения его субъектам, а только некоторым определенным (а точнее, как раз не определенным до конца) их множествам.

Рассматриваемый момент позволяет произвести и другое важное уточнение — касающееся соотношения массового и общечеловеческого сознания. Если до сих пор в нашем анализе преимущественный, а по сути единственный, акцент делался на принципиальном несовпадении первого и второго (в силу внешней дифференцированности первого, его распада на ряд обособленных друг от друга типов и видов), то теперь, в свете разговора о «широких» формах массового сознания, хотелось бы отметить и иную сторону дела — его определенную близость, определенное сходство с общечеловеческим сознанием. Особенно принимая во внимание, что так называемый «родовой», всеобщий характер последнего имеет также не абсолютный, а относительный характер, коль скоро в составе этого сознания вряд ли можно выделить хотя бы один такой элемент, будь то даже пресловутое « $2 \times 2 = 4$ » (не говоря уже о разного рода максимах морали или эталонах прекрасно-

277

го), который бы *актуально* присутствовал в головах буквально всех жителей Земли.

Когда речь идет об «общечеловечности» тех или иных форм сознания, имеется в виду их принципиальная, «сущностная» связь с родом *homo sapiens*, то есть прежде всего их *потенциальная* принадлежность этому роду (с необходимостью становящаяся реальностью при наличии соответствующих естественных и социальных условий) и, стало быть, их *независимость* от тех или иных (*любых*¹), в частности групповых, характеристик конкретных личностей, входящих в состав человечества. Но разве не нечто аналогичное по отношению к субъекту сознания наблюдается и в случае функционирования так называемых «широких» типов и видов массового сознания? Правда, в общечеловеческом

сознании эта независимость форм сознания от их субъектов-носителей (вернее то, что к этим формам могут быть причастны любые субъекты) имеет *абсолютный*, неограниченный характер, в массовом же сознании — *относительный*, ограниченный. Однако не видеть здесь определенного подобия, определенного сходства ситуаций невозможно, как невозможно не оценить и теоретической важности данного пункта: он открывает — в рамках рассмотрения «широких» форм массового сознания — интереснейшие перспективы своеобразного *безсубъектного анализа* этого сознания, то есть его анализа, так сказать, в «чистом» виде, не опосредованном деятельностью тех или иных конкретных массовых общностей или,

¹ Здесь уместно еще раз вспомнить об оговорке Б. Ф. Поршнева: кроме малых детей и душевнобольных (см. с. 118).

278

что то же самое, отнесенном к деятельности массы как некоего «родового» существа,— путь, совершенно не приемлемый при рассмотрении форм группового и «узкого» массового сознания, где выявление свойств сознания предполагает обязательное обращение к свойствам его «видовых» субъектов-носителей.

Второе существенное следствие-итог, вытекающее из изложенной общей картины специфики массового сознания, состоит в том, что среди его субъектов необходимо различать два класса массовых общностей, базирующихся как бы на *объективных* и *субъективных* основаниях.

Так называемые «объективные» типы и виды масс, которые были введены в параграфе 6.3, выделяются в анализе на основе разного рода формальных и содержательных свойств, связанных со *способами существования и деятельности (функционирования)* данных общностей, без использования собственно характеристик их сознания. Таковы различные совокупности участников тех или иных массовых социальных движений современности, выделяемые, к примеру, в зависимости от сферы и масштабов этих движений, или аудитории отдельных средств и каналов массовой информации и пропаганды, а также те или иные фрагменты этих аудиторий, различаемые, скажем, в зависимости от меры включенности людей в систему указанных средств, интенсивности их обращения к соответствующим каналам информации и т. д.

«Субъективные» типы и виды масс, напротив, фиксируются на основе определенных признаков *сознания*, присущего соответствующим

279

«массовым индивидам». Разумеется, они также существуют вполне объективно, вне воли и представлений исследователя, однако в данном случае решающим критерием их выделения являются именно свойства их сознания. Таковы, в частности, различные «секторы» общественности, обнаруживающиеся в результате зонда-жей общественного мнения, или снова какие-то фрагменты аудиторий газет, радио, телевидения, но на этот раз совсем уже иные, скажем, отличающиеся друг от друга теми или иными взглядами и предрассудками, стереотипами и установками, и т. д. Именно в данном случае, как отмечалось, сознание играет роль самостоятельного фактора, дифференцирующего массовые общности на соответствующие «субъективные» типы и виды.

Выше мне уже приходилось «намекать» на то, что рассматриваемое различие, при всей его кажущейся эфемерности, имеет важное значение с точки зрения общей характеристики взаимоотношений массового сознания и его субъектов-носителей — масс *К*. Теперь об этом следует сказать со всей определенностью. Ситуация становится почти прозрачной, если сравнить две возможные стратегии анализа предмета — движение от наличного субъекта (той или иной объективно зафиксированной массовой общности) к его сознанию и противоположное по направленности движение от типа сознания (тем или иным способом выделенного) к его субъекту. Ведь такое сравнение не только выявляет полную несхожесть возникающих тут исследовательских *задач* (одно дело описать сознание какой-то определенной

¹ См. с. 266-267.

280

массы, предположим, телеаудитории, и совсем другое — «найти» в ее составе носителей какого-то определенного, например, конформистского или технократического типа сознания). В действительности с его помощью выясняется гораздо большее, а именно принципиальное несовпадение получаемых в том и другом случае *результатов* с точки зрения решения общей проблемы взаимодействия массового сознания и его субъектов. Выше мы подробно останавливались на основных характеристиках этого взаимодействия, изображая их фактически в качестве всеобщих. Теперь же, в свете различения «объективных» и «субъективных» масс, становится очевидным, что вся фигурировавшая там «аксиоматика» имеет силу лишь в отношении первого класса масс и не имеет вовсе никакой силы в отношении их второго класса.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к утверждению: «лишь некоторые типы и виды массовых общностей обладают своим собственным массовым сознанием» или к такому его инварианту: «не каждый тип и вид массового сознания может быть «жестко» привязан к какому-то одному, определенному типу и виду массовой общности». Ясно, что речь там и тут идет исключительно об «объективных» типах и видах масс, поскольку в отношении «субъективных» общностей верными, по определению, оказываются как раз прямо противоположные формулы: «каждый тип и вид массового сознания «располагает» своим собственным субъектом-носителем»; «каждая массовая общность обладает своим собственным массовым сознанием» и т. д.

281

Отсюда вытекает необходимость еще одного важного уточнения, касающегося соотношения массового и группового сознаний. Многократно подчеркивавшиеся до сих пор качественные отличия первого от второго (в рамках оценки характера их взаимодействия со своими субъектами-носителями), оказывается, также имеют пределы: они должны связываться в наших представлениях прежде всего с «объективными» носителями массового сознания. В отношении же его «субъективных» носителей, напротив, скорее повторяется ситуация, которая характерна для групп и групповых сознаний и описывается в терминах «взаимного соответствия» тех и других с помощью двух формул — прямой: «число типов и видов групп в социуме равно числу типов и видов действующего там группового сознания» и обратной: «число типов и видов группового сознания в социуме равно числу типов и видов действующих там групп». Правда, полного тождества ситуаций тут не получается, поскольку о «взаимном соответствии» («равенстве чисел») «субъективных» типов и видов масс, с одной стороны, и типов и видов их сознания — с другой, в строгом смысле слова можно говорить, лишь имея в виду упомянутую обратную формулу. Что же касается прямой, то она оказывается в данном случае не более чем условным, фразеологическим оборотом, так как «субъективные» массовые общности, по определению, не могут быть (в отличие от групп) зафиксированы до выделения соответствующих форм массового сознания, более того, являются, так сказать, «производными» от этих последних, их своеобразными атрибутами.

282

Наконец, в заключение стоит отметить, что оба рассмотренных следствия-итога определенным образом «пересекаются» друг с другом. Сдается, в частности, что так называемые «объективные» типы и виды массовых общностей должны расцениваться в качестве основных (если не единственных?) носителей «широких» форм массового сознания (хотя это, как не раз подчеркивалось, вовсе не исключает их возможных контактов с некоторыми «узкими» его формами). Напротив, разного рода «субъективные» массы должны, по-видимому, связываться в анализе прежде всего (если не исключительно?) с «представлениями об «узких» формах массового сознания. Однако и тот и другой тезисы конечно же нуждаются в дальнейшей проработке, которая предполагает более конкретное — нежели это по неизбежности было продемонстрировано выше —

рассмотрение как различных типов и видов субъектов-носителей массового сознания, так и различных «широких» и «узких» форм его существования.

Глава 8

ПРОБЛЕМЫ СОСТАВА

И СОДЕРЖАНИЯ

МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

8.1. Беспрецедентный синкретизм составляющих

Перейдем теперь к собственно качественным характеристикам массового сознания, его разнообразным «субстанциональным» свойствам как особого рода духовного образования.

283

В логическом плане первый возникающий тут перед нами вопрос — это вопрос о составе массового сознания, его «отношении» к многочисленным микро- и макроэлементам (формам), из которых «складывается» общественное сознание в целом. В своем исходном и одновременно самом общем виде он может быть сформулирован так: все ли из этих элементов обнаруживаются также и в массовом сознании (подобно тому как они, по-видимому, обнаруживаются в совокупном поле различных типов и видов группового сознания), или оно включает в себя лишь какую-то часть из них, «осуществляется» в каком-то ограниченном их «наборе» (подобно тому, как это происходит, скажем, с общечеловеческим сознанием)?

Насколько можно судить, подавляющее большинство буржуазных социологов решительно выбирают в этой альтернативе ее вторую половину. Особенно те, кто развивают откровенно антидемократические взгляды на массу как на «чернь», противостоящую «культурной элите», или анахронически ограничивают явление массы узким кругом примитивных форм ее существования, типа архаических религиозных общностей, осуществляющих те или иные ритуальные действия, разного рода «толп», охваченных экстазом, паникой, и т. п. Для таких авторов массовое сознание — это *исключительно психическое явление*, совпадающее с совокупностью чувственных образов, эмоций, инстинктов, волевых импульсов, влечений, вкусов, настроений и т. д. Причем большинство указанных и подобных им элементов отличается в их описаниях, как правило, негативной окраской, наделено знаком минус: если уж это волевые им-

284

пульсы, то непременно иррациональные, если образы действительности, то обязательно связанные с ее неадекватным восприятием, если какие-то влечения, то во всех случаях основанные на предрассудках и преубеждениях.

Наиболее развернуто данная концепция была представлена, пожалуй, Х. Ортегой-и-Гасетом в его известном труде «Восстание масс». Когда единичный субъект, утверждал испанский философ, становится частью массы, он неизменно подпадает под власть определенных, а именно инстинктивных, иррациональных страстей, темных импульсивных реакций. Интеллекту, разуму, логической аргументации вовсе нет места в массовом сознании, и причины этого заключены в самой природе «народа» — носителя данного сознания. «Большинство людей,— писал Ортега-и-Гасет,— не имеет мнения. Народ никогда не имел никаких идей; он не обладает теоретическим пониманием бытия вещей. Неприспособленность к теоретическому мышлению мешает ему принимать разумные решения и составлять правильные мнения. Поэтому мнения надо втискивать в людей под давлением извне, как смазочное масло в машину»¹.

Здесь нет возможности, да, пожалуй, и надобности подробно останавливаться на критике такого рода взглядов: слишком уж очевидны содержащиеся в них теоретические изъяны, равно как и их вопиющая несовместимость с историей, с действительностью. Отмечу лишь полную неправомочность производимых в данных случаях обобщений, в соответствии с которыми перечисленные характеристики массового

¹ *Ortega y Gasset J. Der Aufstand der Massen. B., 1959, S. 140.*

сознания приписываются «народу» в целом, то есть всем без исключения типам и видам масс, а также аналогичную неправомерность отождествления интеллекта, разума, мнений с теоретическим сознанием (как будто бы «разумные решения» и «правильные мнения» невозможны вне последнего).

И тем не менее именно данная концепция, «помещающая» массовое сознание всецело в сферу общественной *психологии*, не находящая ему места в рамках общественного *знания* и усматривающая именно в этих обстоятельствах «базовую» специфику массового сознания, получила в литературе чрезвычайно широкое распространение. Настолько широкое, что ей удалось в той или иной мере (хотя, разумеется, и в совершенно иной форме) проникнуть и в работы исследователей-марксистов. Выступив с резкой критикой отмеченных антидемократических взглядов буржуазных философов и социологов, очистив анализ предмета от разного рода идеологических издержек, многие из них тем не менее не смогли выбраться из плена главной мысли критикуемой позиции: массовое сознание совпадает преимущественно, если не исключительно, с психологическими явлениями, психологией масс.

Отчетливые «следы» данного подхода можно обнаружить, в частности, в интерпретации А. К. Уледовым общественной психологии «как массового сознания»¹, в утверждении Г. Г. Дилигенского, что массовое сознание имеет «психическую природу» и «может рассматриваться... как особый вид психического отражения

¹ См.: Уледов А. К. Структура общественного сознания, глава III, параграф 2.

286

объективной действительности»¹, в заключении А. Г. Здравомыслова, что «динамической основой массового сознания, внутренним источником его «самодвижения» оказывается не его логическая, рациональная сторона, а скорее эмоциональные аспекты»² и т. д.

Вместе с тем более пристальный взгляд на вещи, более внимательное знакомство с современными советскими исследованиями, в том числе работами только что упомянутых авторов, позволяют прийти к выводу, что в целом позиция марксистов в обсуждаемом вопросе принципиально отличается от той, которая господствует в буржуазной философии и социологии. И главное в этом отличии — понимание массового сознания как широкой совокупности *самых разнообразных по их гносеологической и социальной природе духовных образований*, не ограниченных лишь формами психики, относящихся к «разделам», сферам, уровням (сейчас не в этих терминах дело) психологии и идеологии, эмоций и логики, образов и реакций, обыденного и теоретического знания, рациональных и иррациональных (в том числе фантастических) представлений и т. д.

Данная точка зрения со всей определенностью была заявлена в нашей литературе уже в 60-х годах. Рассматривая тогда в рамках изучения общественного мнения дилемму «обыденное сознание или теоретическое знание?», автор настоящих строк писал: «...общественное

¹ Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания.—Вопросы философии, 1983, № II, с. 7—8.

³ Здравомыслов А., Лейн Д. Массовое сознание в фокусе идеологической борьбы: Научный диалог.— Проблемы мира и социализма, 1980, № 11, с. 79.

287

мнение не может быть отнесено исключительно к обыденному сознанию или к теоретическому знанию; оно может формироваться и в действительности всегда формируется как на том, так и на другом уровне отражения действительности», причем, «если на одном полюсе общественного мнения группируются представления, рожденные в сфере обыденного сознания, а на другом его полюсе — предложения, сформулированные теоретическим мышлением, то все «пространство» между этими полюсами заполнено суждениями, представляющими собой различные комбинации обоих

уровней сознания»¹. Столь же определенно, причем имея в виду уже массовое сознание в целом и более широкую дилемму — «психология или идеология?» — высказывался тогда А. К. Уледов: «Массовое сознание... не может быть отнесено к низшему (чувственному) уровню отражения действительности. В нем органически сливаются и собственно психологические образования, и идеологические представления и взгляды»². Наконец, еще более развернутую картину составляющих массового сознания давал Г\Л^Ди—лигеяскид· * Ценности и мопяльпп ЁШЕШШЛ нормы... традиции, система материальных и духовных потребностей, стремлений и ожиданий... политические взгляды и общественные идеалы... реакция на различные объективные ситуации — все это относится к сфере массового сознания»³. Кстати говоря, вернувшись к

¹ Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений, с. 35.

² Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 172.

³ Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии, с. 14.

288

данной проблематике в своих публикациях 1983—1984 годов, Г. Г. Дилигенский еще и еще раз подчеркивает: имеющее психическую природу, массовое сознание содержит в себе также знания, представления, нормы, ценности, элементы веры и т. д.¹

Насколько широк «набор» форм, присущих в действительности массовому сознанию? По моему глубокому убеждению, он «безграничен», точнее говоря, содержит все без исключения формы, которые обнаруживаются и могут быть обнаружены в составе общественного сознания в целом.

В справедливости данного утверждения можно легко убедиться, обратившись прежде всего к разного рода элементарным, не «делимым» далее составляющим общественного сознания типа тех, что фигурировали в нашей «матрице» на рис. 2 (с. 112): среди них заведомо нельзя найти ни одного, который бы так или иначе, в том или ином виде, не присутствовал в массовом сознании. Однако ситуация полностью сохраняется и в том случае, если мы перейдем к разного рода макроформам общественного сознания, тина уже упоминавшихся обыденного и теоретического сознаний, идеологии вообще и политических взглядов в частности, или таких образований, как моральное и правовое, официальное и неофициальное, спонтанно возникающее и институционализированно порождаемое сознание и т. д. Именно это обстоятельство дало мне в свое время основание сформулировать общий вывод о выраженном *абсолютном*

¹ См.: Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания.—Вопросы философии, 1983, № 11, с. 7—9.

10 Б. А. Грушин

289

синкретизме массового сознания: «Какое бы из принятых расчленений общественного сознания мы ни взяли, об общественном мнении (читай: массовом сознании.— Б. Г.) никогда нельзя сказать, что оно представляет собой что-то одно, какой-то один полюс альтернативы,— оно всегда «и то», «и другое», а иногда (когда есть.— Б. Г.) «и третье»...»¹

Отсюда, разумеется, не следует, что отмечаемое богатство составляющих свойственно *всем* без исключения типам и видам массового сознания, рассматриваемым по отдельности, или что оно присутствует в сознании *каждого, любого* типа и вида массовой общности. Насколько можно судить по результатам социологических исследований, дело обстоит как раз совсем наоборот: в подавляющем большинстве случаев (если не всегда) речь идет о каком-то конкретном же сочетании, какой-то вполне определенной комбинации различных форм сознания, причем определенной как в отношении самого количественного и качественного «набора» этих форм (отличающегося большей или меньшей неполнотой), так и в отношении «удельных весов» (места и роли) каждой из них в составе соответствующего массового сознания.

Многочисленные факты показывают, что все эти комбинации характеризуются

своим пространственно-временным континуумом, то есть отчетливо разнятся друг от друга в социальном пространстве и времени. Первая сторона явления без труда обнаруживается при сопоставлении общих составов сознания различных сосуществующих массовых общностей (например, аудиторий футбольных «болельщиков» и обще-

¹ Грушин В. А. Мнения о мире и мир мнений, с. 57.

290

политической прессы) или при оценке места, занимаемого той или иной отдельной формой сознания (скажем, политическими взглядами, научными представлениями или эстетическими ценностями) в деятельности различных типов и видов масс (хотя бы тех же двух названных аудиторий). Вторая — при сравнении состава сознания одной и той же массовой общности в различные периоды ее существования (например, читателей газет в 20, 40 и 80-е годы нашего столетия) или при оценке изменений, которые происходят с теми или иными формами сознания (например, мнениями людей по определенному вопросу) по мере изменений объективных и субъективных условий их продуцирования и функционирования.

Конечно, и в первом, и во втором случае речь идет и должна идти не только об отдельных формах сознания или сознании отдельных типов и видов масс, но и, так сказать, о массовом сознании в целом, действующем в том или ином обществе. Это сознание не только несет на себе отчетливую печать специфических характеристик соответствующего общества (в первую очередь коренных: социально-экономических, культурных, общественно-политических, национальных и т. п.), но и обнаруживает явную способность к широким историческим изменениям по ходу развития последнего. Оба эти обстоятельства единодушно подчеркиваются многими советскими исследователями, в частности в такого рода высказываниях: «Что... касается того, какие элементы (обыденного или теоретического сознания.— Б. Г.) в нем (массовом сознании.— Б. Г.) преобладают... то это зависит от характера самого общества, господ-

10*

291

ствующих в нем отношений, от содержания идеологической работы среди народных масс»¹; первоначально (в определенных исторических условиях) способы познавательной деятельности, которыми располагает массовое сознание, «ограничены непосредственным чувственным восприятием и основанной на нем образно-мифологической картиной мира. Позднее в массовом сознании пробуждается потребность в обобщенно-теоретических представлениях, раскрывающих глубинные связи явлений»²; массовое сознание «представляет собой величину переменную, зависящую. В сущности, это — типичная функция, производная от общего числа, величины и качества ее различных составляющих. Именно поэтому тут правильнее говорить не просто о «массовом сознании», но о «состоянии массового сознания», или, точнее, о тех или иных состояниях массового сознания»³.

Кроме того, при обсуждении тезиса о богатстве микро- и макросоставляющих массового сознания необходимо сделать еще одну оговорку — касающуюся того, что огромное большинство этих составляющих (если не все они?) не являются «собственностью» лишь данного типа общественного сознания, что они свойственны и иным образованиям последнего, выделяемым в зависимости от субъектов-носителей. В данной связи возникает вопрос: существует ли вообще какая-либо специфика массового сознания в отношении его состава, при условии если

¹ Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 172-173.

² Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания.— Вопросы философии, 1983, № 11, с. 9.

³ Грушин В. А. Мнения о мире и мир мнений, с. 62.

292

этот состав не ограничивается искусственно лишь сферой психологии, обыденного сознания и т. д., а берется — в соответствии с его объективными характеристиками — во всей полноте?

На мой взгляд — несмотря на сделанную оговорку, — такая специфика существует. И говорить о ней можно, по крайней мере, в трех планах. Прежде всего и, по-видимому, главным образом — в плане уже отмеченного выше *синкретизма* массового сознания, который, отличаясь *абсолютным характером, не будучи ограничен ни с одной стороны*, явно не имеет аналогов среди иных (по субъекту) типов общественного сознания.

Конечно, групповое сознание класса или нации также чрезвычайно широко по своему составу — как с точки зрения «слагающих» его простейших, «абстрактных» элементов (чувств, идей, мнений, фантазий, предрассудков и т. д.), так и с точки зрения сложных, «конкретных» форм его «осуществления» (система социальных установок, политическая идеология, обыденное сознание и т. д.). Однако, сколь бы ни был широк такой «набор», он во всех случаях принципиально ограничивается здесь лишь теми формами, которые выделяются в зависимости от способов и характера освоения действительности сознанием, способов порождения сознания, уровней и качества отражения в нем действительности и т. д. Что же касается иных по природе образований общественного сознания — выделяемых в зависимости от его субъектов-носителей и совпадающих, в частности, с такими его макроформами, как общечеловеческое, классовое, национальное, молодежное и т. п. сознания, — то они, как это следует из

293

всего сказанного о них выше, по самому своему определению, то есть в силу присущей им однородности, их органической связи с «собственными» типами и видами социальных общностей, естественно, не могут входить в состав ДРУГ друга.

Другое дело, что на практике ни одно групповое сознание не существует в «чистом» виде, что оно всегда «соседствует», «совмещается», «пересекается» с другими групповыми и «общ-ностными» сознаниями в рамках жизнедеятельности соответствующей группы. Однако в подобных ситуациях, как это не раз подчеркивалось выше, мы сталкиваемся уже не с *групповым* сознанием той или иной группы как таковым, а с различными формами ее *фактического* сознания, описываемыми в терминах групповой неоднородности или синкретичности¹.

В отличие от группового, интересующее нас массовое сознание включает в своем составе как раз *все без исключения* формы, которые в принципе могут быть выделены в общественном сознании по каким-либо основаниям, стало

¹ См. с. 150—155. В связи с данным пунктом нельзя не отметить, что в нашей литературе как раз чрезвычайно широко распространено досадное смешение собственно группового сознания и фактического сознания различных групп (в частности, классов и наций), в результате чего в анализе первого возникает немало тупиковых ситуаций. Типичный пример подобной ошибки — заключающая в себе *contradictio in adjecto* (противоречие в определении) формулировка: «Конечно, в сознании того или иного класса имеется и общечеловеческое содержание, но оно выступает как неотъемлемая составная часть классового сознания» (*Шаронов В. В. Психология класса. Проблемы методологии исследования*, с. 60—61).

294

быть, в том числе и все его «субъектные» образования. Иначе говоря, тут в различных комбинациях, в том или ином виде и в той или иной степени оказываются представленными не только те составляющие, о которых до сих пор шла речь, но и разнообразные формы группового — классового, национального, возрастного и т. п., а также общечеловеческого сознания. Именно в этом смысле массовое сознание «разрушает» границы всех существующих в обществе классов, слоев, групп населения, выделяемых на основе их объективного положения, то есть является сознанием «эксгрупповым»¹. Именно в этом смысле оно представляет собой «общественное

сознание со сломанными внутри него перегородками», является «свое-

¹ См.: *Грушин Б. А.* Логические принципы исследования массового сознания.— Вопросы философии, 1970, № 8, с. 96. (Замечу в скобках, что встреченный поначалу с определенной настороженностью (см., например: *Уледов А. К.* Духовная жизнь общества: Проблемы методологии исследования. М., 1980, с. 196) термин «эксгрупповой» приобрел со временем «гражданские права», хотя подчас наполняется иным содержанием, нежели «смещение», «пересечение» в массовом сознании различных типов и видов группового сознания. В массовом сознании как сознании «конкретных индивидов», пишет, например, *Г. Г. Дилигенский*, «сочетаются и групповые и «эксгрупповые» компоненты: ведь любое индивидуальное сознание включает как групповые (классовые, национальные и т. д.) представления, так и такие, которые не связаны с мировоззрением конкретной социальной группы (например, естественнонаучные знания)» (*Дилигенский Г. Г.* Марксизм и проблемы массового сознания.— Вопросы философии, 1983, № 11, с. 7). Очевидно, здесь приставка «экс» понимается, скорее, как «вне» или «над», в моем же понимании к этим двум ее бесспорным значениям следует прибавить — причем в качестве главного, основного — еще одно, а именно: «меж»).

295

образным фокусом, в котором сходятся все существующие сечения общественного сознания... той или иной эпохи, взятого в целом, пропущенного через призмы с самыми различными углами преломления: «классовым», «по глубине отражения действительности», «по сфере действия» и т. д. и т. п.»¹. И именно в этом смысле оно действительно может быть определено в качестве «наличного», «реального»², «практически функционирующего»³ сознания. В советской литературе, пожалуй, чаще всего фигурирует последнее из приведенных определений. При этом в описании некоторых авторов массовое сознание выглядит чуть ли не единственным реальным (в смысле фактическим) сознанием, вообще действующим в обществе, во всяком случае, «более» реальным, нежели иные макрообразования общественного сознания. Это, конечно, явное «преувеличение», хотя и не лишенное оснований. А основания эти как раз в абсолютном синкретизме массового сознания, в его эксгрупповом, то есть предельно конкретном, характере, позволяющем фиксировать формы этого сознания не на абстрактно-теоретическом, а на чувственно-эмпирическом уровне рассмотрения, не средствами логического анализа, а с помощью непосредственных «полевых» наблюдений.

¹ *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений, с. 61.

² См.; *Уледов А. К.* Структура общественного сознания, с. 172; *Дилигенский Г. Г.* Марксизм и проблемы массового сознания.— Вопросы философии, 1983, № 11, с. 7.

³ См.: *Баталов Э.* Массовое политическое сознание современного американского общества: методология исследования.— Общественные науки, 1981, № 3, с. 105.

296

Совпадает ли в силу этого массовое сознание с фактическим сознанием той или иной группы? Очевидно, и да, и нет. Да — поскольку реальное сознание группы в его различных фрагментах в самом деле входит в состав массового сознания тех или иных типов и видов. Нет — поскольку последнее, с точки зрения его субъекта-носителя, чаще всего выходит за рамки деятельности какой-либо одной группы, а значит, может включать (и, как правило, включает) в себя фрагменты реального сознания не одной, а одновременно множества различных групп.

Что касается второго плана выявления специфики массового сознания в отношении его состава, то о нем, скорее всего, можно говорить пока лишь в порядке выдвижения и обсуждения некоторых гипотез. Суть же данной проблемы заключается в следующем: представляет ли собой массовое сознание, возникающее на «пересечении» множества групповых сознаний, лишь некоторую «сумму», «набор» формальных фрагментов этих

групповых сознаний, или оно располагает (наряду с данными фрагментами) и какими-то *собственными*, специфическими именно для него, то есть вовсе не встречающимися в составе групповых сознаний, формами? Иными словами, можно ли утверждать, что различные формальные составляющие групповых сознаний только лишь соединяются (пусть самым причудливым образом) в составе массового сознания или же они и «переплавляются» в его горниле, рождая к жизни некоторые принципиально *новые*, отличные от исходных образования?

При рассмотрении этих вопросов на уровне простейших, элементарных составляющих со-

297

знания, вроде знаний, мнений, норм, чувственных образов, верований, желаний и т. п., отрицательный ответ на них представляется достаточно очевидным, хотя широкое распространение в массовом сознании суждений типа «в огороде бузина, а в Киеве дядька» или «шел дождь и два студента» явно оставляют определенное место для раздумий.

Весьма сомнительны и, по-видимому, малоперспективны также поиски формальной специфики массового сознания в границах образований, так сказать, первой степени сложности, возникающих на соединении нескольких — определенного числа — элементарных форм (вроде установок, стереотипов, имиджей и т. п.). Правда, с легкой руки У. Липмана, впервые описавшего явление стереотипа, а скорее, в результате слишком беглого прочтения его «Общественного мнения» многие исследователи усматривают такую специфику, в частности, как раз в данном явлении. Однако этнопсихологи, в том числе американские, включая самого Липмана, давно уже доказали, что стереотипы — неперенные составляющие не только массового, но и группового (этнического) сознания.

Иное дело — разного рода макроформы, в которых «осуществляется» массовое сознание. Конечно, тут мы находим прежде всего весь привычный, традиционный «набор» духовных образований, которые присутствуют и в групповом сознании, — начиная с таких его классических «сфер», как политическая идеология, моральное, правовое, художественное (эстетическое) и религиозное сознания, философия и наука, таких его «пластов», как эмпирическое

298

и теоретическое, обыденное и специализированное сознания, и кончая такими его своеобразными «выражениями», как практический рассудок, рациональное сознание, мифология, утопическое сознание и т. п. Соотнося все эти формы собственно с массовым сознанием, исследователи прибегают обычно к двум рядам определений: имея в виду, к примеру, политическую идеологию, говорят либо просто о массовом политическом сознании, либо о том, что эта идеология существует в обществе как на групповом, так и на массовом уровне. Однако исчерпывается ли названными (и им подобными) формами вся «жизнь» и деятельность массового сознания? Не приносит ли оно с собой каких-либо новых макрообразований в сферу Духа?

На мой взгляд, данная проблема заслуживает серьезного рассмотрения. Тем более что правомерность ее постановки обосновывается не только соображениями чистой логики, исходящей из признания общей специфики обсуждаемого объекта, но и результатами конкретного анализа ряда эмпирически фиксируемых форм его существования. В первую очередь конечно же общественного мнения. Оно, в частности, представляется мне как раз тем самым образованием, которое целиком лежит в границах деятельности массового сознания, присуще лишь ему и если и обнаруживается в составе собственно группового сознания, то лишь в том смысле, что его носителями там оказываются соответствующие внутригрупповые массы (вспомним модель 3 на рис. 3, с. 223)¹. Поэтому-

¹ Возможно, многие читатели все же возразят: а разве мы не говорим, например,

то, сопоставляя несколькими страницами выше формальные характеристики массового и группового сознаний, я предпочел избрать не категорическую, а условную форму высказываний.

Наконец, существует еще один возможный план выявления специфики состава массового сознания — предусматривающий оценку *сравнительных «удельных весов» (места и роли)*, которыми характеризуются в этом составе, а

нии того или иного класса, того или иного коллектива? Говорим, конечно, и говорим вполне правомерно. Однако что при этом в действительности имеется в виду? Разве то, что какая-то совокупность мнений по какой-то проблеме (обратите внимание: не устойчивых взглядов, идей или чувств, а именно «летучих», крайне подвижных мнений) разделяется данным классом *как целым* и отличает данный класс от всех других классов общества (хотя, напомним, именно таковы критерии составляющих любого группового сознания!)? Вовсе нет. В подобных случаях имеется в виду нечто другое, а именно, что общественное мнение класса представляет собой определенный спектр не совпадающих друг с другом суждений, носителем которых — в силу указанного их несовпадения — является не класс в целом, а его различные более или менее широкие «части», причем суждений, которых придерживаются не только члены данного класса, но и члены, какие-то «части» других классов общества. Как мы знаем, соответствующие совокупности этих «частей» как раз образуют те или иные массы, действующие в каждом классе и в обществе в целом. В результате общественное мнение класса предстает перед нами как форма его фактического сознания, то есть как совокупность фрагментов различных массовых сознаний, существующих (в качестве фрагментов) внутри данного класса и выходящих (уже не в качестве фрагментов, а в качестве целостных образований) далеко за его пределы. Ниже, в связи с обсуждением характеристик содержания массового сознания, мы еще раз вернемся к данной проблеме, причем сделаем это на более конкретном материале.

также в составе группового сознания, различные общие для них микро- и макроэлементы. В отличие от предыдущего, этот аспект анализа считается бесспорным и весьма широко представлен в литературе. Именно с ним связаны многочисленные заключения исследователей о том, что в массовом сознании превалирует эмоциональная, а не интеллектуальная сторона, что в нем чаще, чем где бы то ни было, действуют «темные», иррациональные импульсы, разного рода предубеждения и предрассудки, что ведущую, определяющую роль в нем играют не критически осмысленные, сознательно принятые знания, а навязанные извне стереотипы, имиджи и т. д. и т. п.

Так ли это на самом деле? Трудно сказать. Ведь большинство подобных суждений базируется либо на ошибочном отождествлении массового сознания с обыденным сознанием, особенно с его разного рода «ложными» секторами, либо — в лучшем случае — на рассмотрении лишь некоторых частных, ограниченных в пространстве и времени проявлений массового сознания, без учета всего совокупного поля его разнообразных типов и видов, причем таком их рассмотрении, при котором они сопоставляются опять же не с групповым сознанием в целом, а лишь с какими-то его отдельными, как правило, наиболее развитыми формами. Отсюда явная неправомерность или, по крайней мере, преждевременность интерпретации приведенных определений в значении всеобщих. Кроме того, кажется вообще весьма сомнительной, если не заведомо ошибочной, широко распространенная тенденция акцентировать внимание при описании массового сознания главным образом

на его заблуждениях, разного рода ложных взглядах и представлениях, предрассудках и предубеждениях. Ведь если бы такого рода элементы действительно всегда превалировали в массовом сознании, оно было бы обречено на сплошные неудачи

и в силу этой своей постоянной дисфункциональности в конце концов просто перестало бы существовать.

Вместе с тем само движение мысли в рассматриваемом направлении представляется не только в принципе допустимым, но и безусловно плодотворным по своим возможным последствиям. Широкая постановка целенаправленных эмпирических исследований, обращенных к различным, и прежде всего «полярно» удаленным друг от друга (с точки зрения «набора» элементов), формам массового, а также группового сознания, вне всякого сомнения, могла бы пролить свет на обсуждаемые свойства составов как того, так и другого.

8.2. Бесконечность и ограниченность {(предметного ряда)}

Следующий шаг в нашем анализе — проблемы **содержания** массового сознания. Подобно проблемам состава, они сводятся в общем и целом также к двум вопросам: 1) *каковы*, собственно, характеристики этого содержания? и 2) обладает ли массовое сознание в данном отношении какой-либо *спецификой* в сравнении с иными (по субъекту) типами общественного сознания?

Насколько можно судить по литературе, определенное решение этих вопросов достигается

302

уже на пути элементарных сопоставлений интересующего нас объекта с иными типами сознания в терминах «уже» — «шире», «беднее» — «богаче». Следуя по нему, можно, в частности, выяснить, что при всей необозримой широте «предметов» действительности, так или иначе отражающихся в массовом сознании, вызывающих то или иное его отношение и т. д., содержание этого сознания тем не менее значительно уступает, во-первых, содержанию общественного сознания в целом, поскольку многие формы последнего — такие, к примеру, как философия, наука, право и даже политика, религия, искусство, — проникают в массовое сознание заведомо не полностью, по лишь какими-то своими фрагментами, активно функционируя в обществе (причем нередко преимущественно — вспомним хотя бы науку) и вне массового сознания; во-вторых, — и особенно — содержанию совокупного индивидуального сознания, которое по своему «предметному ряду» выходит далеко за границы общественного сознания.

Не менее верной оказывается здесь и другая констатация — что по своему содержанию массовое сознание намного «богаче», нежели общечеловеческое сознание. И все же рассматриваемый подход не дает возможности решить поставленные вопросы до конца. И не только в силу своей чрезмерной абстрактности, из-за которой мы так и не выясняем, какими же все-таки *конкретными* свойствами отличается интересующий нас объект, но и потому, — что с его помощью вовсе не удастся осуществить *основное, наиболее важное для нас сопоставление* — массового сознания с групповым, в частности

303

классовым, сознанием: ведь в содержании того и другого присутствуют как общие, так и несовпадающие «части», в результате чего о каждом из них можно сказать, что оно одновременно и «шире», «богаче» и «уже», «беднее» другого.

Еще менее продуктивным является путь простого перечисления тех процессов, сторон и явлений (событий, фактов) действительности, которые так или иначе фигурируют в «поле зрения» массового сознания. Вступая на него, мы с неизбежностью оказываемся перед лицом так называемой дурной бесконечности, поскольку совокупность «предметов», по поводу которых высказывается массовое сознание, которые отражаются в нем или вызывают его различные реакции, отличается *беспредельным качественным разнообразием* и поистине *не имеет количественного выражения*, не поддается никакому учету. Ведь здесь, во-первых, присутствуют все без исключения сферы жизни общества, в которых действуют разнообразные массы, — начиная с экономики, политики, социальных отношений, культуры и кончая бытом, повседневной, будничной деятельностью людей. Во-вторых, круг интересов массового сознания не ограничивается рамками лишь какого-

то одного («своего») общества,» государства, сплошь и рядом выходит за эти пределы, приобретая межнациональный и интернациональный характер, в результате чего в «предметный ряд» этого сознания включается широкая совокупность явлений и событий, связанных с жизнью иных обществ, государств, сосуществующих с данным. Наконец, будучи чрезвычайно «пестрым», смешанным в генетическом отношении

304

образованием, массовое сознание не замыкается лишь на явлениях современности, но самым широким образом оперирует содержанием, относящимся к предыстории «своего» общества, а также к любым прошлым эпохам в истории человечества вообще.

При этом дело не только в качественной и количественной *беспредельности* рассматриваемого «предметного ряда», но и в его выраженной *неопределенности*, связанной с тем, что он никогда не завершён до конца, имеет открытый характер: ведь постоянно возникающие по все новым и новым поводам разнообразные массы — как это имеет место, например, в случае функционирования общественного мнения — каждый раз соприкасаются со все новыми же, меняющимися ото дня ко дню событиями и явлениями действительности. Отсюда полная бесперспективность рассматриваемого подхода. Очевидно, с его помощью можно выявить не столько собственно особенности содержания массового сознания, сколько известную... бессодержательность последнего, в смысле его неясности, неопределенности, незамкнутости в каких-либо пространственных и временных рамках.

И все же содержание массового сознания отнюдь *не всеобъемлюще, не безгранично*. Как отмечалось выше, оно значительно уже, нежели содержание общественного сознания в целом и тем более содержание совокупного индивидуального сознания. А это, между прочим, означает, что в «поле зрения» масс попадают далеко не все процессы, явления и факты действительности, но лишь какая-то часть из них, или — иначе — что среди бесчисленных «пере-

Н. Б. А. Грушин

305

живаний» и «высказываний» массового сознания присутствуют далеко не всякие, далеко не любые в содержательном отношении эмоции, суждения и фантазии. Могут ли быть, спрашивается, сформулированы некоторые *общие критерии*, которым удовлетворяет совокупный «предметный ряд» массового сознания, выявлены *общие свойства*, которыми отличаются *все* «предметы» этого ряда? По-видимому, да. И именно на этом пути (в первую очередь) следует искать ответы на поставленные выше вопросы.

Что касается буржуазных философов и социологов, то они довольно единодушно в качестве главного (а нередко и единственного) из таких критериев называют низкий уровень сознания масс, противопоставляя его высокому уровню сознания так называемой «элиты». В соответствии с этим критерием содержание массового сознания ограничивается лишь примитивными, неразвитыми чувствами и представлениями, базирующимися преимущественно на неосознаваемых импульсах, а также грубыми, вульгарными суждениями, схватывающими лишь поверхностные отношения действительности и не проникающими в ее сущность. Выдвинутый и широко разработанный в свое время Ницше, Тардом, Лебоном, Ортегой-и-Га-сетом, данный взгляд до сих пор кочует в западной литературе из книги в книгу, из статьи в статью. Особенно активно его демонстрируют, пожалуй, исследователи общественного мнения и массовой культуры, а также теоретики пропаганды: первые — в связи с постоянно развиваемым ими тезисом об органической некомпетентности общественности в огромном числе

306

вопросов современной жизни¹; вторые — в связи с критикой («справа» и «слева») низкопробности вкусов широкой публики²; третьи — в связи с выработкой принципов организации пропаганды, идеологической обработки масс в капиталистическом обществе

3

Казалось бы, у всех этих суждений имеются немалые основания: общественное мнение и вправду то и дело проявляет непонимание выносимых на его суд вопросов, а многочисленная и разнообразная продукция «эрзац-культуры» (включая откровенную халтуру и предметы кича) неизменно находит спрос у миллионных аудиторий. Кроме того, в пользу данного критерия, казалось бы, еще больше говорит безусловно высокая эффективность буржуазной массовой пропаганды, и впрямь ориентирующейся преимущественно на низкий уровень сознания ее потребителей. И все же при строгом подходе рассматриваемый критерий оказывается несостоятельным, ошибочным. По крайней мере, в силу двух обстоятельств.

Во-первых, он страдает явным *антиисторизмом*, поскольку явления, порождаемые в действительности вполне определенными, конкретно-историческими условиями, выдаются здесь

¹ См. об этом, в частности: Американское общественное мнение и политика. М., 1978, с. 42—54.

² См. об этом, в частности: «Массовая культура» — иллюзии и действительность, с. 5—7 и др.

³ К примеру, по данным службы изучения общественного мнения Л. Харриса, ⁴/s нынешних американцев утверждают, что политические деятели США апеллируют к ним с весьма примитивными аргументами, рассчитанными на интеллект 12-летних детей (см.: Кейзе-ров И. М. Буржуазная идеология и пропаганда: новые тенденции их взаимодействия.— Вопросы философии, 1978, № 3, с. 116).

11*

307

за некоторые абсолютные, вневременные характеристики. Некомпетентность в вопросах науки или политики, неразвитость чувств, художественного вкуса и т. п.— все это отнюдь не «органические» свойства, присущие людям как таковым, но феномены, которые имеют в истории свое начало, продолжение и конец. Как показали К. Маркс и Ф. Энгельс, они связаны с определенными историческими формами общественного разделения труда, с процессами профессионализации духовного творчества, в результате которых концентрация таланта в отдельных индивидах с необходимостью сопровождалась его подавлением в широкой массе '« Духовная практика современного капиталистического общества средствами культурной политики закрепляет далее исторически сложившийся отрыв широких масс от культуры ². Вместе с тем все названные феномены успешно исторически преодолеваются по мере того, как разнообразные массы людей выходят на арену активной социальной деятельности, начинают сознательно участвовать в экономических, политических и культурных процессах, в управлении различными сферами жизни общества и т. д. Причем такое их преодоление не отно-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 393.

² Понятно, что в данной ситуации то, что выдается за «начало», исходный пункт и оправдание такой политики, в действительности является одновременно и ее следствием, результатом, ее приговором. Ведь те же неразвитые эстетические вкусы населения не только вызывают к жизни соответствующие образцы «массовой культуры», но и, в свою очередь, порождаются ими; пресловутая некомпетентность публики сплошь и рядом оказывается всего лишь плодом ее необразованности, преднамеренной неинформированности или дез-информированности и т. д.

308

сится лишь к какому-то отдаленному будущему или к каким-то отдельным обществам (хотя разные общества и особенно типы обществ конечно же существенно отличаются друг от друга в данном отношении). Это — явления уже вчерашнего и тем более сегодняшнего дня, и явления, безусловно, повсеместные.

В их свете становится очевидной вторая грубая ошибка, заключенная в тезисе о низком уровне развития сознания масс как границе содержания массового сознания. Я

имею в виду то, что данный тезис находится в разительном *противоречии* с огромным числом *эмпирических фактов*, отнюдь не менее достоверных, нежели те, на которые он опирается. Ведь, будучи несведущим в одних вопросах, общественное мнение обнаруживает завидную компетентность во множестве других; наряду с потребителями низкопробного «маскульта» всегда находятся миллионные же аудитории, проявляющие интерес к поистине «элитарным» образцам мировой литературы и искусства; рядом с многочисленными «темными» толпами, охваченными низменными инстинктами и олицетворяющими дезорганизацию, в любом обществе действуют не менее многочисленные массовые общности, руководствующиеся высокими идеями и принципами, демонстрирующие целеустремленность и подлинную дисциплину, и т. д. и т. п. В результате получается, что в различных ситуациях, а именно в случае деятельности различных типов и видов масс, массовое сознание характеризуется весьма неодинаковыми уровнями своего развития — то заведомо «низким», то «средним», то заведомо «высоким». И данное обстоятельство конечно же полностью исключает возможность связи-

309

вать совокупные содержательные свойства рассматриваемого сознания с каким-либо *одним* из названных уровней, в частности «низким»¹.

Вместе с тем характеристика самого *уровня развития* массового сознания представляется не только не лишенной смысла, но и достаточно эффективной с точки зрения решения обсуждаемой задачи. Разумеется, как мы только что видели, она фиксирует сугубо *относительное* явление, меняющееся от раза к разу (причем как в синхроническом, так и диахроническом разрезе) внутри любого отдельного общества, а тем более в рамках сопоставления различных обществ и типов обществ. Однако при всей такой относительности она все же схватывает некоторое *устойчивое совокупное свойство* массового сознания *в целом*, действующего в том или ином конкретном обществе на том или ином *этапе* (в той или иной «точке») его исторического развития. Отсюда принципиальная возможность использовать данную характеристику в качестве одного из «работающих» критериев при определении общих границ содержания рассматриваемого сознания.

В свое время в рамках изучения общественного мнения я обозначил его с помощью термина «порог доступности»². При этом имелось в виду, что массовое сознание, существующее в том или ином пространственно-временном кон-

¹ При этом, как видит читатель, я вовсе не касаюсь еще одной существенной стороны вопроса — относительности категорий «низкий», «средний», «высокий», также исключая возможность их сколько-нибудь строгого определения (разграничения), а значит, и операционального применения в теории и на практике.

² См.: *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений, с. 100-104, 141—157 и др.

310

тинууме, неизменно отличается *ограниченными познавательными способностями* — как с точки зрения общего (среднего) объема знаний, которыми актуально располагают совокупные массы людей в соответствующем обществе, так и с точки зрения собственно способности их суждения: степени владения существующими языками культуры, умения оперировать средствами анализа и синтеза явлений действительности и т. д. Нетрудно, однако, обнаружить, что подобное определение, равно как и сам указанный термин, будучи вполне уместными в отношении предмета тогдашнего исследования, не является корректным применительно к массовому сознанию в целом, поскольку в составе последнего присутствуют не только знания, мнения, интеллект, но и многие иные по своей гносеологической природе образования, в частности чувственные образы, эмоциональные реакции, воля, воображение.

Значительно более широкое описание рассматриваемого критерия предложил Г. Г. Дилигенский, указавший на то, что «исторические типы массового сознания

детерминируются объективными и субъективными *познавательными возможностями* его субъектов, то есть доступными им социальными знаниями и их собственными когнитивными способностями, уровнем их интеллектуального развития (подчеркнуто мной.— Б. Г.)»¹. Однако, как видим, допущенная мною в «Мнениях о мире» некорректность, заключающаяся в непредумышленном ограничении массового сознания лишь сферой познания, сохра-

¹ Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания.— Вопросы философии, 1983, № 11, с. 8.

311

няется и в этом случае. Причем теперь она к тому же дополняется (что конечно же нельзя ставить в упрек автору, следующему своей логике анализа предмета) еще одной, а именно: объективные и субъективные «пороги» постижения мира массовыми общностями ставятся здесь в один ряд, хотя они образуют явно не один, а два различных критерия, обуславливающих содержание массового сознания.

Итак, *наличный (средний) уровень развития сознания масс в обществе* — такова первая фундаментальная характеристика, с помощью которой можно провести определенные границы совокупного «предметного ряда», попадающего в «поле зрения» данного сознания. С учетом всего состава последнего она включает в себя не только когнитивные моменты — объем знаний и способности суждения масс, но и объемы их чувств и фантазий, умений и навыков, их способности эмоционально реагировать на действительность, оперировать материальными предметами окружающего мира и т. д. и т. п. Однако и все эти объемы, и все эти способности оказываются каждый раз определенным образом *ограниченными*, в результате чего за пределами •массового сознания всегда остается великое множество «предметов», не доступных его уровню, но фигурирующих в содержании общественного сознания в целом.

Стоит ли говорить, что строгое измерение данной характеристики, а стало быть, и возможности ее эффективного использования в научных исследованиях, в практике идеологического, культурного и т. п. управления — дело чрезвычайно сложное, особенно принимая во внимание слабость имеющихся пока теоретических

312

представлений и неразработанность соответствующего инструментария. Однако не безнадежное, если судить по предпринимавшимся в последние годы попыткам совокупно оценить некоторые *отдельные* составляющие наличного (среднего) уровня развития сознания масс в обществе. Так, обращение к феномену информированности населения по поводу широкого, целенаправленно отобранного круга различных (прошлых, современных и будущих) «предметов» действительности дает, как кажется, принципиальную возможность выйти на интегральное представление об общем уровне позитивных (научных, технических, экономических, политических, правовых, связанных с отношением человека к природе, со сферами культуры, искусства, здравоохранения, спорта и т. п.) знаний, которыми фактически располагают широкие массы и которые они так или иначе используют в процессе своей жизнедеятельности в том или ином социуме *К* Изучение совокупного «языкового сознания» масс в терминах понимания разнообразных текстов массовой информации позволяет определить общий уровень «семиотической подготовки» массового сознания, в частности степень активного и пассивного владения различными элементами языков, функционирующих в обществе². Есть заманчивые подходы к выработке совокупной оценки системы образов, присутствующих в массовом

¹ См.: Грушин Б. А. Массовое сознание: феномен информированности.— Вопросы философии, 1971, № 6, а также: Массовая информация в советском промышленном городе, гл. 4.

² См.: Массовая информация в советском промышленном городе, параграф 3.3.2, а также с. 265, 269—270.

313

сознании¹. И так далее. Сколько науке потребуется времени, чтобы усовершенствовать методы всех этих измерений, получить аналогичные результаты в отношении не названных здесь составляющих нашего предмета, а главное, научиться интегрировать множество подобных разрозненных показателей в один общий показатель, именуемый уровнем развития сознания масс,— покажет будущее.

Второй критерий, о котором с полным основанием может идти речь при проведении границ содержания массового сознания,— это *диапазон и характер (направленность) потребностей, запросов, интересов*, отличающих жизнь масс в том или ином обществе или в той или иной совокупности обществ. В соответствии с ним в «поле зрения» этого сознания попадают лишь те «предметы» действительности, которые так или иначе (прямо или косвенно, сильно или слабо и т. д.) охватываются массовыми потребностями, вызывают массовый интерес.

Разумеется, названные феномены своей определенной стороной, даже своей значительной частью относятся к миру сознания. Поэтому данный критерий теснейшим образом связан с предыдущим, пересекается с ним. Вместе с тем, согласно марксистской теории, и общественные потребности, и общественные интересы представляют собой не только духовные, идеальные, но и материальные образования, связанные с производственными, экономическими отношениями людей, прямо входящие в состав их об-

¹ См., например: *Boulding K. E. The Image. Knowledge in Life and Society. Univ. of Michigan Press, 1961.*

314

щественного бытия¹. Отсюда возможность и необходимость их рассмотрения в качестве особого, самостоятельного фактора, обуславливающего «предметный ряд» массового сознания. Историческая и социальная определенность этого сознания, отмечает Г. Г. Дилигенский, проявляется прежде всего «в тех потребностях, которые стимулируют и направляют массовый познавательный процесс, порождают те вопросы, которые пытаются решить массы, осуществляя свою познавательную деятельность»². О том, что массовое сознание «по своей природе» отражает потребности масс, «непосредственно связано с повседневными потребностями людей, с их привычками и образом жизни»³, говорит также А. Г. Здравомыслов.

В отличие от, так сказать, «чистых» элементов общественного сознания, вроде образов, знаний, мнений, эмоций и т. п., потребности и интересы, как известно, значительно более прямым, непосредственным и, главное, адекватным образом проявляются в практической деятельности людей, в первую очередь в процессах потребления разнообразных материальных и духовных продуктов. Это обстоятельство порождает определенные иллюзии относительно лег-

¹ См., например: *Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964; Кикнад-зе Д. А. Потребности. Поведение. Воспитание. М., 1968; Дилигенский, Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей.— Вопросы философии, 1976, № 9 и 1977, № 2; Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.*

² *Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания.— Вопросы философии, 1983, № 11, с. 8.*

³ *Здравомыслов А., Лейн Д. Массовое сознание в фокусе идеологической борьбы. Научный диалог.— Проблемы мира и социализма, 1980, № 11, с. 79.*

315

кости измерения данных феноменов. В действительности, однако, решение такого рода задачи — дело, по-видимому, еще более сложное, нежели измерение уровня развития сознания масс. Даже если речь идет об измерении каких-то отдельных «элементарных» потребностей — например, в жилье или чтении. И особенно когда ставится цель определить размеры каких-либо «сложных» потребностей — например, в творческом самовыражении «массовых индивидов» на том или ином поприще, не говоря уже о том,

чтобы дать общую, обобщенную оценку тем или другим.

В подлинном характере возникающих здесь трудностей недавно сполна пришлось убедиться большому коллективу исследователей, включая пишущего эти строки, занимавшихся долгосрочным программированием развития культуры в стране в рамках Комплексной программы научно-технического прогресса СССР на 1986—2005 годы. Решение указанной проблемы связывалось нами тогда с анализом исторической динамики изменения потребностей населения в различных (в общей сложности в шестнадцати) видах культурной деятельности, причем за основу оценки этой динамики в 20-летней ретроспективе принималась фактическая интенсивность потребления населением соответствующих видов продуктов и услуг культуры¹. Наверное, в таком анализе все обстояло бы достаточно просто, если бы можно было всецело исходить из информации о том, сколько времени, денег и иных ресурсов тратило и тратит население на

¹ См.: Грушин Б. А. Принципы долгосрочного программирования в сфере культуры.— Социологические исследования, 1984, № 3.

316

чтение газет и просмотр телепередач, на занятия спортом и участие в экскурсиях, какова посещаемость (в определенные интервалы времени) кино и театров, музеев и парков культуры и отдыха. Однако подобный анализ с самого начала конечно же не мог не учитывать того, что реализующаяся на практике культурная деятельность населения отнюдь не зеркальным образом отражает реально существующие в обществе потребности в различных видах культуры. При этом основными «камнями преткновения» для строгого фиксирования объективного положения вещей оказались два явления. Во-первых, наличие очевидного неудовлетворенного спроса масс на многие виды продуктов и услуг культуры. Во-вторых, не менее очевидная неадекватность реальных форм деятельности людей их действительным, так называемым «подлинным» потребностям.

Что касается первого явления, то оно выражает факт существования в общем объеме тех или иных потребностей населения некой латентной, скрытой части, не находящей какого-либо выхода, то есть факт *неполноты* отражения этих потребностей в соответствующем поведении людей. Естественно, вставала задача обнаружения и измерения указанного «остатка». И хотя ее решение было связано с немалыми трудностями, оно все же в принципе (с рядом допущений) казалось возможным, коль скоро было установлено, что в основе неудовлетворенного спроса — помимо ограничений в материальных, временных и иных ресурсах самого населения — лежат прежде всего территориальная недоступность существующего предложения продуктов и услуг культуры, а также (в условиях территориаль-

317

•

ной доступности) так называемый абсолютный дефицит предложения¹.

Иначе, а именно гораздо хуже обстояло дело со вторым явлением, отмечающим те распространенные ситуации, в которых массы «хотят одно, а делают совсем другое», то есть факт *несоответствия*, несовпадения реальных потребностей, с одной стороны, и форм их внешнего выражения — с другой.

Полная невозможность квантификации (количественной оценки) данного явления, по крайней мере, при нынешнем уровне наших знаний и умений вынуждала исследователей просто-напросто «абстрагироваться» от него, иначе говоря, пойти на заведомое огрубление изображаемой картины. Однако главная трудность заключалась даже не столько в этом, сколько в изначальном определении, исходной идентификации самой качественной природы рассматриваемого явления. Ведь в действительности речь тут шла не об одном, а о множестве самых разнообразных фактов, вернее, групп фактов.

Назову теперь хотя бы три таких группы, кажущихся наиболее значимыми. Первая связана со случаями, когда потребность, в силу тех или иных обстоятельств не находящая выхода в соответствующем ей виде деятельности, реализуется в ином, «соседнем» виде,

замещающем желаемый. Например, люди часто обращаются к телевидению не потому, что очень любят голу-

¹ О способах количественной оценки обоих названных факторов см.: *Иванов В. #., Чухнов А. И.* Динамический дифференцированный баланс предложения и потребления для отраслей сферы культуры.— Сборник трудов ВНИИ системных исследований, 1982, вып. 3.

318

ч

бой экран, а в силу невозможности непосредственно пойти в музей или театр, отправиться в путешествие и т. д. Вторая связана со случаями, когда потребность, не получающая не только прямого, непосредственного, но и какого-либо косвенного удовлетворения, как бы *извращается* в самой своей сути, выражаясь в уродливых формах, в том числе совпадающих с явлениями «антикультуры». Именно в этой плоскости лежит часть фактов так называемого отклоняющегося, антиобщественного поведения людей, испытывающих острые разочарования по поводу «загубленных талантов, несбыточных надежд». Наконец, третья группа фактов, возможно, самая сложная с точки зрения ее выявления и анализа связана со случаями, когда реальное поведение людей в сфере культуры вызывается не их действительными культурными, а некими совершенно иными по своей социальной природе потребностями, то есть когда те или иные фактические, «подлинные» потребности принимают разнообразные *превращенные* формы их выражения и удовлетворения. Типичный пример такого рода ситуаций, горячо обсуждающихся в последнее время в научной литературе и публицистике,— многочисленные факты так называемого «престижного» (равно как продиктованного веяниями моды или какими-либо другими «внешними» обстоятельствами) потребления культуры, скажем, приобретения редких книг, которые никогда не будут прочитаны, но зато являются хорошим способом вложения «капитала», или посещения премьер с единственной целью «показаться в обществе», обозначить свою причастность к определенному, «элитарному» кругу лиц.

319

Понятно, что перечисленные группы фактов относятся не только к сфере культуры, но и ко всем остальным сферам жизни общества, не только к потребностям, но и к интересам масс. Наряду с отмеченным перед ними существованием латентных (вовсе не находящихся никакого выхода в поведении людей) потребностей они дают представление о разного рода «ножницах», возникающих в обществе между потребностями и интересами, с одной стороны, и способами их реализации, выражения — с другой. Причем данная пестрая картина не только обнаруживает чрезвычайную сложность операционального измерения обсуждаемого критерия, определяющего содержание массового сознания (с чего мы начали весь наш теперешний разговор), но и — в не меньшей степени — демонстрирует многозначные характеристики самого этого содержания, коль скоро и потребности и интересы представляют собой весьма существенные его элементы.

В этом последнем аспекте особую важность приобретает, по-видимому, проблема так называемых *подлинных* потребностей и интересов масс. До сих пор она упоминалась мною лишь в контексте анализа адекватности — неадекватности выражения рассматриваемых феноменов. В действительности же у нее есть и иной, более прямой смысл, связанный с различием «подлинных» и «мнимых», «насуточных» и «иллюзорных», «глубинных» и «поверхностных», «серьезных» и «вздорных» («пустячных») потребностей и интересов. В существовании тех и других в любом современном обществе сомневаться явно не приходится. И данный момент конечно же должен приниматься во внимание при оценке

320

общего состояния массовых потребностей и интересов, в том числе* при проведении границ совокупного «предметного ряда» массового сознания.

Не имея теперь возможности рассмотреть данную проблему во всем ее объеме, я хотел бы отметить лишь одну ее сторону, касающуюся механизмов возникновения всех этих «мнимых», «иллюзорных» устремлений и желаний масс. В отношении их «антагонистов» аналогичный вопрос решается как бы сам собой: они рождаются (либо стихийно, непосредственно, либо с участием идеологов, теоретиков) в процессе самой практической деятельности масс, отражают их исторический опыт, коренные условия их существования, выверяются этим опытом и этими условиями и т. д. Но вот каким образом возникают «ошибки», почему массы сплошь и рядом (кстати говоря, по-видимому, чаще, нежели групповые общности) сбиваются с «пути истинного» по части своих запросов, хотят и делают не то, что им действительно нужно? Конечно, весьма существенную роль тут играет общий уровень развития сознания масс. В соответствии с этим фактором одна и та же практическая деятельность масс, их исторический опыт служат естественной базой возникновения как истинных, так и многочисленных «превращенных», в том числе откровенно ложных, представлений, причем не только в стихийно складывающихся формах сознания самих масс, но и — нередко — в аналитических разработках разного рода теоретиков и идеологов¹. Вместе с тем данное об-

¹ «...Сознанию агентов капиталистической хозяйственной практики,— писал по этому поводу М. К. Ма-мардашвили,— не открывает, а, скорее, панротнв, за-

321

стоятельство явно не исчерпывает всей сути дела. Не меньшее значение тут имеет и разносторонняя (экономическая, политическая, образовательная, культурная и т. и.) деятельность социальных институтов общества, направленная на формирование сознания масс, в том числе их потребностей и интересов. Ведь если массы сами по себе действительно могут чего-то «не осознавать», «недопонимать», «не уметь», «не чувствовать», то подобное положение вещей, по свидетельству истории, может быть либо еще более усугублено, либо в той или иной степени исправлено средствами соответствующей политики.

Данный момент, как известно, многократно подчеркивался В. И. Лениным в двух планах: во-первых, в плане негативном, связанном с критикой, разоблачением идеологической практики господствующих классов капиталистического общества, направленной на «одурачивание» публики, на отвлечение внимания широких масс от «проклятых вопросов» бытия, на

темняет природу тех общественных отношений, носителями которых они являются в действительности. Этим сознанием непосредственно охватываются прежде всего кажущиеся зависимости и превращенные формы реальных отношений, в него вклинивается масса иллюзий, которые люди составляют относительно себя самих и своего положения в обществе» (*Мамар-дашвили М. К. К критике экзистенциалистского понимания диалектики.— Вопросы философии, 1963, № 6, с. 119*). Когда такое сознание проникает в науку, оно, по определению Маркса, вызывает к жизни особого рода феномен — тип так называемой вульгарной науки (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 288; т. 26, ч. III, с. 471, 529 и др.*, а также: *Мам ар даш вили М. К. Форма превращенная.— Философская энциклопедия, т. 5*).

322

подсовывание им бесконечных «предметов», не имеющих ничего общего с подлинными интересами общественного развития¹; во-вторых, в плане позитивном, связанном с разработкой широкой программы коммунистического воспитания и образования масс в условиях социализма, поскольку, как писал В. И. Ленин, «государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»². И именно данный момент позволяет нам теперь сформулировать третий критерий, определяющий границы совокупного содержания массового сознания. В самом общем виде его можно обозначить как *диапазон информации, открыто и в массовом масштабе* циркулирующей в том или ином обществе

(или той или иной совокупности обществ), в том числе направляемой «на массы» по многочисленным каналам воспитания и образования, средств массовой коммуникации, массовой культуры и т. п. В соответствии с этим критерием в «поле зрения» массового сознания оказываются лишь те «предметы» действительности, которые в принципе доступны массам, с которыми массы тем или иным образом имеют возможность ознакомиться (вступить в

¹ См.: Ленин В. И. Ноли. собр. соч., т. 36, с. 190—192; т. 31, с. 217; т. 34, с. 117 и др.

² Там же, т. 35, с. 21. Ставя в этой связи задачи перед средствами массовой информации и пропаганды, Ленин, в частности, требовал: «Надо систематически взяться за то, чтобы... велась работа создания такой прессы, которая бы не забавляла и не дурачила массы политическими пикантностями и пустяками, а именно вопросы повседневной экономики несла на суд массы, помогала серьезно изучать их» (там же, т. 36, с. 191).

323

контакт), которые становятся им так или иначе известны и т. д. ¹

На первый взгляд может показаться, что это утверждение — не более, чем тавтология. В действительности, однако, хорошо известно, что далеко не все широко размножаемые, идущие по открытым каналам с мощной проводящей способностью и, стало быть, вполне доступные всему населению сведения совпадают с собственно массовой информацией в строгом смысле этого слова², то есть становятся достоянием массового сознания, проникают в него, или, как говорят психологи, интериоризируются им. Передаваемая современными средствами массовой коммуникации информация, отмечает известный венгерский исследователь общественного мнения Т. Сечкё, в самом деле «способна приблизить политику к человеку на расстояние вытянутой руки, но человеку нужно еще «прикоснуться» к ней, чтобы стать политически активной личностью»³.

По этой же причине нельзя согласиться и с точкой зрения, объявляющей названный критерий чуть ли не единственным, во всяком случае решающим, при определении границ содержания массового сознания⁴. Сторонники такого

¹ Более подробную характеристику этого критерия см.: Грушин Б. А. Массовое сознание: феномен информированности.— Вопросы философии, 1971, № 6, с. 70—71.

² О несовпадении понятий «размноженная в массовом масштабе информация» и собственно «массовая информация» см.: Массовая информация в советском промышленном городе, с. 29—32.

³ Szecskô T. Informátsâg es szocialista demokratiz-mus.— Târsadalmi Scemle, 1970, N 5, о. 32.

♦ Подобная точка зрения высказывается, в частности, английским социологом Д. Лейном. Возражая про-

324

подхода рассуждают просто: возьмите всю совокупность знаний, мнений, фантазий, эмоций, которые присутствуют в сообщениях газет, радио, телевидения, в текстах массовой культуры и т. д., и вы получите полное представление о том, к чему сводится интересующий нас предмет. На самом же деле картина гораздо сложнее, поскольку массовое сознание отнюдь не автоматически, так сказать, не «без разбора» (не говоря уже о том, что очень часто и не «зеркально») отражает то, на чем в принципе может остановиться его «взгляд». Очевидно, чтобы попасть в реальное, устойчивое «поле зрения» масс, соответствующие «предметы» действительности (в том числе та или иная информация) должны еще затронуть массовые потребности, вызвать массовый интерес, а также пройти «фильтры» разнообразных способностей массового сознания. Поэтому-то критерий, о котором теперь идет речь — подобно двум предыдущим,— будучи, с одной стороны, вполне необходимым, с другой — сам по себе не является еще достаточным для того, чтобы вывести на общие свойства содержания массового сознания.

тив «обычного» определения, в соответствии с которым «под массовым сознанием понимают совокупность представлений, ориентации, в которых выражаются *потребности* людей и их готовность к определенным политическим *действиям*», он утверждает: «Различные классы, группы и слои населения действительно смотрят на мир по-разному, однако это обусловлено различиями не столько в их потребностях, сколько... в формах *информационных отношений*, в которые включены представители соответствующих групп» (*Здравомыслие А., Лейн Д.* Массовое сознание в фокусе идеологической борьбы. Научный диалог. - Проблемы мира ■ социализма, 1980, № 11, с. 78).

325

Решение данной задачи достигается лишь с учетом всех трех рассмотренных нами критериев, на пути анализа их взаимодействия.

8.3. Содержательные отличия от группового сознания

В результате такого анализа оказывается возможным не только провести границы «предметного ряда» массового сознания, но и ответить на поставленный выше вопрос относительно *специфики* этого сознания в сравнении с иными по субъекту — прежде всего групповыми, классовыми — типами общественного сознания. После всего сказанного, на мой взгляд, достаточно ясно, что такая специфика существует и что «начинается» она уже с характеристики самих критериев (факторов), определяющих содержание сопоставляемых типов сознания.

В самом деле, сохраняют ли свое значение описанные нами критерии в случае функционирования группового, например классового, сознания? Очевидно, нет. Ведь содержание этого сознания практически всецело определяется потребностями и интересами соответствующих социальных групп. Что же касается действия двух других факторов, то оно кажется тут довольно сомнительным. Так, тот или иной вид специализированного классового сознания, разрабатываемый теоретиками, идеологами и вовсе не «предполагающий», чтобы его носителями были все без исключения представители класса, как известно, отнюдь не ограничивается в своем содержании средним уровнем развития мыслительных способностей своих субъектов-носителей, может быть выше его и даже — как показывает при-

326

мер марксистско-ленинской идеологии пролетариата — достигать вершин духовного развития человечества в целом. С другой стороны, любое классовое (как и вообще групповое) сознание — в отличие от массового — оказывается значительно более «закрытым», «непроницаемым» в смысле возможности воздействия на него со стороны иных социальных субъектов (групп и масс) и, следовательно, в меньшей степени зависящим от содержания «чужой» информации, даже если та идет по самым массовым каналам. Отсюда и вся специфика массового сознания в рассматриваемом отношении. Учитывая, что ее проявления имеют самый разнообразный характер, отмечу теперь только два из них, которые представляются наиболее принципиальными, а также заметными, бросающимися в глаза.

Первое — момент *количественного и качественного несовпадения «предметных рядов»* массового и группового сознания. При этом сразу же хочу подчеркнуть: именно несовпадения, а не просто разницы в объемах, описываемой в терминах «шире» или «уже». Последний способ рассуждения, как уже отмечалось, не является корректным, поскольку содержания совокупного массового и совокупного группового, в частности классового, сознания с логической точки зрения пересекаются: в них присутствуют, с одной стороны, одни и те же, *общие*, а с другой — заведомо *различные*, специфические только для масс или только для групп высказывания, эмоции, предубеждения и т. д. Вместе с тем, говоря о моменте несовпадения, не хотелось бы сводить его к констатации лишь такого рода различий. Дело в том, что и в количественном, и в качественном отношении элементы содержания массо-

327

вого сознания конечно же несравненно многочисленней и разнообразней, нежели элементы группового сознания. В этом легко убедиться, если сравнить общественное мнение и различные формы классового сознания, функционирующие в том или ином, например современном капиталистическом, обществе, или, еще лучше, общественное мнение и классовое сознание того или иного, например рабочего, класса.

Совершенно очевидно прежде всего, что число «предметов», о которых судят рабочие в рамках общественного мнения, практически бесконечно, включает в себя весь необозримый спектр вопросов, волнующих общество в различные моменты его жизни. Помимо всего прочего, тут мы можем найти и оценки достоинств или недостатков популярных кинозвезд и футбольных форвардов, и предложения относительно расширения производства каких-либо товаров и услуг, и суждения по поводу последней речи видного политического деятеля. Напротив, в составе классового сознания пролетариата присутствует лишь вполне определенный, значительно более ограниченный набор суждений, фиксирующих отношение класса к собственному положению в обществе, а также к другим классам общества, выражающих коренные интересы класса, формулирующих его представления о путях достижения классовых целей и т. д. ¹

¹ В связи с рассматриваемым моментом в качестве еще одного существенного специфического свойства массового сознания можно назвать отмеченный выше (см. с. 304—305) «текучий», «открытый» (в смысле не завершённый до конца) характер его содержания. Конечно, «предметный ряд» классового (как и любого другого группового) сознания также не является дан-

328

Картина, однако, полностью повторяется — только теперь уже на качественном уровне, — если мы искусственно сузим условия задачи и будем сравнивать оба типа сознания исключительно в границах «предметов», присутствующих в них обоих, например касающихся отношения рабочих к социализму, партии, забастовочному движению, тому или иному конкретному экономическому, политическому выступлению пролетариата или его классового противника и т. д. Как показывает практика, в этом случае в общественном мнении, то есть массовом сознании рабочих, в принципе могут быть зафиксированы, по крайней мере, три различных позиции: первая, когда суждения, высказываемые рабочими по тому или иному поводу, прямо совпадают с их классовым сознанием, являются адекватным отражением последнего; вторая, когда их взгляды отличаются от их классового сознания, однако более или менее связаны с ним, несут на себе его отчетливый отпечаток; наконец, третья, когда общественное мнение рабочих видимым образом противоречит их клас-

ным раз и навсегда, он меняется по мере изменения условий существования класса, обогащается с опытом его деятельности и т. д. Однако при всем при том такое сознание всегда сохраняет некоторое устойчивое ядро своего содержания (вовсе отсутствующее в массовом сознании!), в результате чего его никак нельзя назвать «текущим», «меняющимся ото дня ко дню», «несчитае-мым». Очевидно, в основе данного различия сопоставляемых типов сознания лежат особенности самой природы их субъектов-носителей — ситуативно возникающих и исчезающих масс, с одной стороны, и устойчиво существующих групп — с другой.

329

совому сознанию ¹. В результате и здесь — в высказываниях по какому-либо одному «предмету» — содержание массового сознания оказывается намного разнообразней, плюралистичней, нежели содержание классового сознания, причем — это *Nota Bene!* — классового сознания не только самого пролетариата, но и всех остальных классов общества: нетрудно ведь обнаружить, что многие позиции общественного мнения отражают опыт не только тех или иных социальных групп, входящих в состав «общественности», но и масс как таковых, иначе говоря, являются «собственностью» не того или иного группового, но исключительно массового сознания.

Другое дело, что подобного рода разнообразие достигается «дорогой ценой», ибо в содержании массового сознания возникает множество «странностей» и «изъянов», от которых — при прочих равных обстоятельствах — большей частью свободны если и не любое групповое сознание, то во всяком случае очень многие его типы и виды. И тут мы подходим ко второму принципиальному моменту, выявляющему специфику интересующего нас объекта. Я имею в виду свойственный массовому сознанию *особый характер связей между различными элементами его содержания*.

Обычно при обсуждении данной стороны вопроса исследователи заостряют внимание на *противоречивости* рассматриваемого содержания, констатируя в нем многочисленные алогизмы, прямой абсурд и т. д. «...У человека — элемента

¹ См.: Коммунисты и общественное мнение. — Проблемы мира и социализма, 1980, № 5, с. 75—76.

330

•
массы,— писал по этому поводу в общей форме еще Л. Грамши,— есть два... сознания (или одно противоречивое сознание) : одно — содержащееся в самой его деятельности и реально объединяющее его со всеми его сотоварищами по практическому изменению действительности, и второе — поверхностно выраженное, или словесное, что досталось массе в наследство от прошлого и было воспринято ею без критики»¹. Более конкретное суждение на этот счет высказывает А. Г. Здравомыслов, отмечая, что «рассматриваемая форма сознания внутренне противоречива, совмещает в себе зачастую исключаящие друг друга посылки, например религиозный фанатизм и революционные настроения, последовательный атеизм в мировоззрении и соблюдение правил и норм религиозной морали в повседневном поведении...»². И особенно интересные и глубокие определения данного явления мы находим в недавних работах Г. Г. Дилигенского. «Сочетание логически несовместимых, явно противоречащих друг другу представлений,— утверждает он,— вообще можно считать специфической чертой того способа отражения действительности, который присущ массовому сознанию, во всяком случае, его наиболее распространенных до настоящего времени типов. Такой уровень противоречивости, намного превосходящий противоречия всех иных видов сознания, выступает как его исходная структурная характеристика». И еще: «...способ организации знаний

¹ Грамши А. Избр. произв. В 3 т. М., 1959, т. 3, с. 22-23.

² Здравомыслов А., Лейн Д. Массовое сознание в фокусе идеологической борьбы. Научный диалог.— Проблемы мира и социализма, 1980, № 11, с. 79.

331

как бы по принципу параллельных, не соподчиненных друг другу плоскостей отнюдь не является признаком каких-то исключительных типов массового сознания, но характерен для весьма распространенных его видов. Например, такой максимально «чистый», свободный от «внешних» примесей продукт этого сознания, каким является фольклор, обычно содержит изобилие взаимоисключающих суждений»¹.

Со всеми этими определениями, безусловно, нужно согласиться, поскольку отмечаемые в них характеристики действительно органически присущи массовому сознанию и, более того, лежат, что называется, на поверхности вещей. Вместе с тем они, на мой взгляд, слишком сужают особенности содержательного строения рассматриваемого сознания. Ведь наличие в нем исключаящих друг друга позиций — всего лишь *частный случай*, наряду с которым можно назвать немало других, не менее ярких по характеру выражения и не менее значимых с точки зрения их всевозможных последствий.

Достаточно сослаться хотя бы на явление *мо-заичности* массового сознания — широкое распространение в нем составляющих содержания, вовсе не связанных друг с другом, совершенно не зависимых друг от друга, находящихся, по удачному выражению Г. Г. Дилигенского, как бы на «параллельных», «не соподчиненных друг другу»

плоскостях². Или иной, не менее существенный, факт: *пористость, прерывность* в содержательном строении массового сознания.

¹ Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания.—Вопросы философии, 1983, № И, с. 10.

² См., в частности: Моль Л. Социодинамика культуры. М., 1973, с. 119-124.

332

Теснейшим образом связанный с предыдущим, он фиксирует уже не только существование разрывов между отдельными (некоторыми) элементами этого содержания, но и наличие в последнем — в том числе как раз благодаря указанным разрывам — многочисленных «дыр», пустот, незаполненных мест с точки зрения отражения действительности.

Ясно, что лишь совместное рассмотрение, наряду с феноменом противоречивости, всех этих и оставшихся неупомянутыми характеристик позволит выйти на целостное представление о содержательных свойствах интересующего нас сознания. Заодно, будем надеяться, таким образом удастся приблизиться и к ответу на один из центральных вопросов всей обсуждаемой проблематики: представляет ли собой массовое сознание *систему* или это — типично *конгломеративное*, «поскутное» (хотя и целостное) образование? (Замечу в скобках, что на начальных стадиях работы, лет 15 назад, я лично решительно склонялся к первому решению, теперь же все более и более отдаю предпочтение второму...)

Что же касается еще одного, возникающего в данном пункте анализа, вопроса, а именно: *почему* свойства содержания массового сознания столь необычны (в сравнении с групповым сознанием), или иначе: каким образом вообще становятся возможными его беспрецедентная противоречивость, разорванность, фрагментарность и т. д.? — то ответ на него можно пытаться найти уже сегодня. Так, в целях объяснения, например, особой склонности масс к алогизмам, Б. Ф. Поршнев предлагал обратиться к родовым свойствам *homo sapiens* как такового:

333

«Способность человеческого ума к заблуждению, абсурду и противоречию, т. е. к извращению реальности, не может быть объяснена только как механические поломки мыслительной машины. Она восходит к «дологическому мышлению»¹. Еще больше света на поставленный вопрос проливает социальная природа субъектов — носителей массового и группового сознания, в частности статистический, гетерогенный характер масс и органический, гомогенный характер групп. Однако, пожалуй, главная «тайна» происхождения отмеченных свойств массового сознания заключается все же в специфических механизмах его порождения и действия. Именно к ним, этим механизмам, мы и обратимся теперь, в завершение всего нашего разговора.

Глава О

ПРОБЛЕМЫ ИНДУЦИРОВАНИЯ

(ФОРМИРОВАНИЯ) И

ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

9.1. Исторический аспект анализа

В широком смысле слова проблема возникновения, образования массового сознания включает в себя два аспекта. Первый из них — генетический, *исторический*. Он связан с анализом процессов первоначального зарождения и последующего развития этого сознания в истории человечества и как таковой, естественно, пол-

¹ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история, с. 200.

334

ностью выходит за рамки настоящей книги. Вместе с тем, помня об обещании, данном читателю еще в предисловии, я не могу не затронуть — хотя бы вкратце — центрального, основного вопроса, касающегося самого «ядра» названного аспекта: с чем,

собственно, мы имеем дело, говоря о массовом сознании,— с явлением ли, которое объективно возникло совсем (или относительно) недавно, либо с явлением, которое существовало испокон веков, во все времена, но в силу тех или иных обстоятельств лишь в нашу эпоху привлекло внимание науки, было открыто ею?

Вопрос, прямо скажем, не из легких. Во всяком случае, он не нашел до сих пор однозначного решения в работах зарубежных исследователей, рассматривавших его применительно к феномену массы — субъекта-носителя обсуждаемого типа сознания. Те из них (по-видимому, большинство), кто относят возникновение массовых общностей уже к «праистории» человечества и полагают, что массы существовали «всегда» и «всюду», явно не в состоянии объяснить, почему тогда данный тип социального субъекта столь устойчиво, на протяжении веков, оставался должностью скрытым от глаз мыслителей и, главное, почему наука «вдруг» обратилась к нему именно в преддверии XX столетия. Те же, кто считают, что массовые общности и их сознание — специфические атрибуты исключительно нового и даже новейшего времени, оказываются в очевидных неладах с многочисленными фактами, подтверждающими существование указанных феноменов в иные исторические эпохи — в том же первобытном обществе и в восточных деспотиях, в пору

335

классического рабовладения и в средние века.

Своеобразную попытку вырваться из этого порочного круга предпринял упоминавшийся выше социолог из ФРГ А. Грабовски *. По его мнению, масса, а также ее сознание — это архаические образования, берущие начало в первобытном человеческом обществе (когда индивид целиком «растворен» в общности, не обладает собственными, отличными от нее, помыслами, волей и т. д.) и дожившие в виде определенных реликтов до наших дней. С другой стороны, на поздней стадии развития капитализма складываются и получают широкое распространение процессы так называемого «омассовления» личности, связанные с явлениями стандартизации, схематизации взглядов, потребностей и привычек человека, стереотипизацией условий и способов его деятельности. Эти последние процессы возникают «независимо» (!) от феноменов массы и массового сознания, однако в современную эпоху «сливаются» с ними «воедино» (!), в результате чего все они вместе и становятся объектом специального научного рассмотрения.

Несмотря на то что по ходу изложения данной позиции автор высказывает немало верных и глубоких суждений, особенно по части разного рода деталей, в целом эту попытку, на мой взгляд, следует признать все же в высшей степени неудачной из-за множества допускаемых А. Грабовски противоречий и неясностей в формулировках, а также его общего, заведомо неверного и — с точки зрения известных фактов — крайне неожиданного вывода, будто бы

¹ *Grabowsky A. Zur Problematik der Masse.— Zeitschrift für Politik. München, 1968, Jg. 15, N 2.*

336

явление массы «чуждо современному социальному порядку». Шутка сказать! Ведь такое говорится о явлении, которое как раз ежечасно, повсеместно и в широком «ассортименте» форм порождается этим самым «социальным порядком», выступая естественным следствием и непременным условием его существования! А происходит все это, скорее всего, из-за того, что А. Грабовски отказывает феноменам массы и массового сознания в *историческом развитии*: неоправданно ограничивая их — с одной стороны — лишь узким кругом архаических, допотопных форм (в самом деле не характерных для современных обществ), он — с другой — не может разглядеть этих же феноменов (в их уже ином, более развитом виде) в новейших процессах «омассовления» людей.

Между тем эти процессы, развертывающиеся, как мы видели, во всех без исключения сферах жизни современных обществ, вызывают на свет, вне всякого сомнения, типичнейшие образцы массовых общностей и массового сознания, причем не

просто какие-то отдельные привычные их образцы, но именно *качественно новую совокупность их типов и видов*, которые в целом не имеют аналогов в прошлом и лишь с большим трудом и отчасти могут быть распознаны, вернее, угаданы в их отдаленных предшественниках. Помимо всего прочего, это новое качество рассматриваемых феноменов выражается в беспрецедентной *повсеместности* их распространения, а также в чрезвычайном *разнообразии конкретных форм* их существования, в результате чего в обществе складываются такого рода условия, при которых истинная природа этих феноменов как объективно (в смысле

12 Б. А. Грушин

337

их реального места в жизни общества), так и субъективно (в смысле их отражения в науке) начинает выступать не только в тех или иных ее *частных* проявлениях, но и в ее непосредственно *всеобщей* форме.

В сущности, социология сталкивается здесь с проблемой, которая на другом — политэконо-мическом — материале, а именно в связи с анализом категории «труд», давно уже была решена К. Марксом, причем решена поистине блистательно. Учитывая, что это решение «как один к одному» относится к нашему случаю, воспроизведу здесь его основные элементы.

«Труд,— писал К. Маркс,—кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности — как о труде вообще — является тоже весьма древним. Тем не менее «труд», экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию... Огромным шагом вперед Адама Смита явилось то, что он отбросил всякую определенность деятельности... у него фигурирует просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий труд, а как тот, так и другой... Могло бы показаться, будто таким путем найдено лишь абстрактное выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором люди, при любой форме общества, выступают как производители продуктов. Это верно с одной стороны, но неверно — с другой. Безразличие к определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, ни один из которых уже не является господствующим над всеми остальными. Таким образом, наиболее

338

всеобщие абстракции возникают вообще только в условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме. С другой стороны, эта абстракция труда вообще есть не только мысленный результат некоторой конкретной совокупности видов труда. Безразличие к определенному виду труда соответствует такой форме общества, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой данный определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь, не только в категории, но и в реальной действительности, стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда»¹.

Подчеркнув в заключение, что абстрактная категория «труд вообще» становится «практически истинной» только как категория наиболее современного общества, К. Маркс завершает свой анализ общей формулой, исчерпывающим образом отвечающей и на наш вопрос об истории возникновения и развития феноменов масс и массового сознания: «...даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 40—41. ² Там же, с. 42.

9.2. Функциональный аспект анализа

Второй аспект проблемы возникновения, образования массового сознания — *функциональный*. Он связан с анализом процессов каждодневного порождения этого сознания в жизни современных обществ, то есть с выявлением механизмов и факторов его постоянного производства и воспроизводства, и как таковой конечно же прямо касается предмета нашего разговора, позволяя еще раз — так сказать, с «обратной» стороны — уяснить социальную и гносеологическую природу массового сознания, его основные свойства, специфику и т. д.

Разумеется, при максимально широком подходе к вопросу число такого рода (искомых) механизмов и факторов может оказаться, вообще говоря, весьма внушительным. «Географическая среда, в которой существует данная социальная общность,— пишет по этому поводу Г. Г. Дили-генский,— и ее историческое прошлое, уровень ее материальной жизни и характер потребления, условия трудовой деятельности, место в существующих социальных отношениях, культура и идеология окружающего ее общества, его политические институты и формы общественно-политической жизни, наконец, общая социально-политическая обстановка в стране и мире — все эти и еще множество других аспектов действительности, переплетаясь и взаимодействуя, образуют объективную почву массового сознания»¹.

Это верно. Вместе с тем реальная проблема, фактически занимающая науку в подобных си-

¹ Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии, с. 14.

340

туациях, заключается не в конструировании максимального набора всех возможных обстоятельств, не в нанизывании их, подобно бусам, на «нитку», а в выявлении действительных связей между ними, в определении места и роли каждого из них в общей системе таких связей. Применительно к нашему случаю эта задача давно уже приобрела вполне определенный, конкретный вид: какие именно факторы являются решающими в процессе формирования массового сознания — те ли, что входят в состав так называемого «непосредственного бытия» разнообразных масс, то есть совпадают с ближайшими условиями и характеристиками их жизнедеятельности, или те, что относятся к, так сказать, «внешним» условиям их существования, в частности связаны с деятельностью разнообразных государственных, общественных и других учреждений и организаций по воспитанию и образованию масс, их информированию, идеологической обработке и т. д.? Иногда — в несколько иных терминах — она звучит еще более резко: какие именно механизмы играют главную роль в процессах порождения массового сознания — стихийные, спонтанные, заключенные в рамках духовного производства самих масс, или специализированные, институционализированные, связанные с идеологической, научной, художественной и прочей деятельностью разного рода профессионалов — политиков, теоретиков, пропагандистов, проповедников?

Опять-таки непростой вопрос. Особенно если учесть содержащуюся в нем (в обоих его вариантах) некорректность — навязывание мысли альтернативного выбора «или — или» в ситуации, когда для пользы дела следовало бы рас-

341

смотреть и третью возможность, открывающуюся на соединении «и — и». Между тем на протяжении длительного времени этот вопрос обсуждался в науке именно в форме дилеммы, и это, естественно, не могло не привести к известным издержкам, а именно ошибочным крайностям, в его решении.

Что касается западных философов и социологов, в первую очередь американских, то они поначалу довольно единодушно выбрали в указанных альтернативах их вторые половины, объявив массовое сознание — практически всецело — продуктом институционализированной деятельности. Два обстоятельства прежде всего обусловили

такого рода вывод: во-первых, безусловные информационные (в том числе пропагандистские) успехи бурно развивавшихся в мире средств массовой коммуникации и массовой культуры, породившие множество иллюзий относительно всемогущества этих средств, их неограниченных манипулятивных возможностей; во-вторых, взгляд на массу не как на активный, способный к саморазвитию субъект исторического и социального поведения, а исключительно как на пассивного участника общественных процессов, способного выступать лишь в виде объекта для воздействия разнообразных внешних факторов.

Вместе с тем историческая практика и функционирования средств массовой коммуникации, и деятельности масс давно уже обнаружила несостоятельность приведенного вывода, равно как и лежащих в его основе посылок. «В первой трети XX в., — свидетельствуют авторы книги «Американское общественное мнение и политика», — группы, контролировавшие средства мас-

342

соных коммуникации, полагали, что типичный рядовой читатель и радиослушатель податлив, легко управляем, доверчив и стабилен в своих предпочтениях и вкусах. Но уже в 30-х годах подобные представления начали постепенно разрушаться. Существенную роль в этом процессе сыграли экономический кризис 30-х годов и победа Ф. Д. Рузвельта на выборах 1934 года (достигнутая, как известно, вопреки массивной антирузвельтовской пропагандистской кампании, организованной основными газетами и радиоккомпаниями). Послевоенные годы в еще большей степени способствовали разрушению иллюзии об абсолютном всемогуществе средств массовых коммуникаций. И хотя их постоянное интенсивное воздействие на умонастроения и чувства американцев, на общественное мнение велико (недооценивать его ни в коем случае нельзя), обнаружилось, что в сознании широких слоев населения происходят внутренние спонтанные изменения, способные существенно подрывать определенные манипуляторские усилия газет, теле- и радиоккомпаний, резко понижать эффективность тех или иных рекламных и пропагандистских кампаний, на которые были затрачены огромные средства и которые были рассчитаны на массовый успех. Американская аудитория стала все очевиднее проявлять относительную самостоятельность, избирательность и даже критицизм по отношению ко многим материалам «направленной» информации¹.

¹ Американское общественное мнение и политика, с. 119—120. Анализ теоретических истоков, концепций, в соответствии с которыми в обществе середины XX века преобладает «человек, ориентированный извне», см., в частности, в книге Г. Г. Дилигенского «Рабочий

343

Правда, эта резкая и более чем убедительная критика со стороны истории не вызвала соответствующей дружной самокритики у западных авторов. Осознав необходимость сделать шаг «навстречу» объективной действительности, некоторые из них тем не менее попытались сохранить верность своей общей концепции. В результате на свет появилась, помимо прочего, причудливая, откровенно эклектическая теория «социологической пропаганды» Ж. Эллюля, где достаточно строгое понятие пропаганды (но определению, связанное с институционализированным воздействием на массовую аудиторию «извне») было непозволительным образом расширено — лишь бы подтвердить ее всемогущество! — до некоего расплывчатого «социологического контекста», совпадающего со всей совокупностью проявлений социального строя и обеспечивающего (самыми различными путями) «проникновение идеологии» в массы¹.

Зато в порыве литературной критики указанной концепции некоторые исследователи-марксисты впали, как кажется, в противоположную крайность, если и не по сути дела, то, во всяком случае, по форме, по словам. Одной из иллюст-

на капиталистическом предприятии». От внимания буржуазных философов и социологов, говорится там, в этих случаях «ускользает сложный процесс взаимодействия

устойчивых унаследованных или воспитанных собственным опытом психических черт и новых влияний. Между тем именно этот процесс исключает абсолютную «запрограммированность», однозначность воздействия на сознание таких, например, факторов, как господствующие в обществе нормы материального стандарта, досуга, культурного потребления» (с. 262; см. также с. 258—261).

¹ Ellule J. Propaganda. N. Y., 1972.

344

рации :того может служить, к примеру, не поддающееся верификации утверждение А. Г. Здравомыслова, будто бы массовое сознание «развивается преимущественно стихийно, прежде всего на базе изменения потребностей и интересов людей, их столкновения, «сопоставления» с конкретными фактами, событиями повседневной жизни, вызывающими негативные или позитивные реакции в сфере сознания» (подчеркнуто мной.— Б. Г.)¹. (Правда, истины ради следует отметить, что у названного автора оно прямо соседствует с иным, не вызывающим сомнений тезисом, согласно которому массовое сознание «по своей природе, отражая потребности людей, вместе с тем органически связано с идеологиями»².)

И дело ведь не только в одной очевидной недоказуемости приведенного тезиса, связанной с отсутствием сколько-нибудь надежных измерений, которые бы позволили — в общем и целом! — строго оценить одну группу факторов в качестве «главной», а другую в качестве «второстепенной». Дело еще и в очевидной объективной «пестроте» совокупной картины производства массового сознания, демонстрирующей в различных эмпирических ситуациях заведомо неоднозначные зависимости — то «чистые», но противоположные, то (чаще всего) «смешанные», с различным участием стихийных и институционализированных механизмов. Тем более что последнее обстоятельство носит неслучайный, спорадический характер, связано не

¹ Здравомыслов А., Лейн Д. Массовое сознание в фокусе идеологической борьбы. Научный диалог.— Проблемы мира и социализма, 1980, № 11, с. 79.

² Там же.

345

только с теми или иными меняющимися конкретно-историческими условиями, в которых приходится действовать различным массам, но с самой гносеологической и социальной природой массового сознания, с его сложным, синкретическим строением, с тем, что оно неизменно включает в себя элементы как обыденного, так и теоретического сознания, как психологии, так и идеологии и т. д.

Именно поэтому, думается мне, решение обсуждаемой проблемы должно достигаться не путем абстрактного *противопоставления* друг другу указанных групп факторов и механизмов, а путем их *совместного рассмотрения* в тех или иных конкретных, реальных ситуациях порождения массового сознания, путем фиксирования действительных *связей* между ними, установления разнообразных *форм их взаимодействия*. При этом движение к данной цели должно начинаться с самостоятельного анализа *каждой из сторон*, образующих целостный процесс, с выявления основных свойств спонтанного и институционализованного способа продуцирования массового сознания как таковых с описания их специфических характеристик.

Для материалистической философии и социологии, исходящей из принципа детерминации общественного сознания общественным бытием, значимость стихийных, спонтанных механизмов в процессе возникновения массового сознания, естественно, не вызывает никаких сомнений. Проанализировав, например, различные этапы в развитии рабочего социал-демократического движения в России с точки зрения соотношения в нем элементов стихийности и сознательности, В. И. Ленин отмечал: «Каждый из

346

этих переходов подготовлялся, с одной стороны, работой социалистической

мысли... с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе»¹. Та же идея о фундаментальном значении непосредственной практической деятельности масс в формировании их сознания содержится и в другом известном высказывании В. И. Ленина: «Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено... от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»². И конечно же у социологов нет недостатка в эмпирических доказательствах того ежедневно и повсеместно наблюдаемого факта, что массовое сознание обнаруживает безусловную способность к «самопорождению», к спонтанному возникновению и изменению в процессе и результате непосредственно-практического освоения массами их «ближайшего» общественного бытия³.

Другое дело — что, собственно, представляет собой этот процесс, какова его природа, «техно-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 9, с. 294.

² Там же, т. 30, с. 314.

³ Многочисленные иллюстрации к данному тезису можно найти, в частности, в книге «Американское общественное мнение и политика», где общий вывод авторов о том, что «вслед за изменениями объективных условий социальной жизни происходит смещение очагов наибольшего беспокойства в сознании людей, в общественной психологии» (с. 148—149), подкрепляет-

347

логия», формы протекания? Ведь, как показывают те же неумолимые факты, речь тут, как правило, идет не о простом, «зеркальном» отражении бытия в сознании, а о весьма сложном процессе, когда одни и те же социальные условия способны порождать различные типы сознания, а один и тот же тип сознания может возникать при качественно различных обстоятельствах жизнедеятельности людей.

Сама по себе данная констатация ставит перед исследователями множество различных вопросов. Однако главным из них, на мой взгляд, является вопрос о *характере* рассматриваемого процесса, то есть о том, в каких терминах и определениях следует описывать возникновение в обществе форм сознания, названных К. Марксом и Ф. Энгельсом своеобразными «испарениями» материальных жизненных условий. В более конкретном и резком виде он сводится к вопросу: можем ли мы «подвести» данный процесс под понятие *духовного производства* (со всеми вытекающими отсюда последствиями!), оценивать его в качестве частного, специфического случая именно такого рода общественной деятельности людей.

У советских философов и социологов пока нет единой точки зрения на этот счет. К примеру, Н. В. Мотрошилова занимает по отношению к обсуждаемому вопросу отрицательную позицию. «Маркс,— пишет она,— требует различать два процесса: с одной стороны, процесс образования представлений, мышление, духовные аспек-

ся убедительными примерами, касающимися динамики общественного мнения, его колебаний в пространстве и времени и т. д. (см. с. 129, 153, 156, 180—181 и др.).

348

ты общения людей, поскольку они являются компонентами повседневной жизни индивидов, а с другой — производство знаний, в частности научных идей, поскольку оно осуществляется в рамках деятельности сложившихся и развивающихся общественных институтов, а также объективных форм производства духовной культуры. Лишь второй тип деятельности Маркс именуется собственно духовным производством, подчеркивая тем самым его включенность в систему объективных, независимо от индивида существующих (как правило, институционализованных) общественных отношений»¹. Определенное несогласие с этой позицией высказывает В. И. Толстых, отмечая, что при анализе

Марксова понятия духовного производства суть дела «не сводится к моменту «организации» и «институционализации» духовных форм и процессов — моменту, безусловно, важному и существенному, но не исчерпывающему его «фактический» смысл и содержание. В том-то и сложность и «хитрость» проблемы духовного производства,— подчеркивает он,— что она включает в себя и самый «процесс образования» представлений, идей, взглядов... как он протекает в определенных, исторически возникших условиях развития и функционирования общественной (человеческой) жизнедеятельности»². Мне лично последняя точка зрения представляется единственно верной, хотя нельзя не признать, что интерпретация спонтанного порожд-

¹ *Мотрошилова Н. В.* Наука и ученые в условиях современного капитализма. М., 1976, с. 98.

* *Толстых В. И.* Духовное производство как проблема исторического материализма.— Вопросы философии, 1978, № 2, с. 45.

349

дения массового (как, впрочем, и любого иного общественного, в частности группового) сознания в терминах собственно производства сопряжена с немалыми трудностями. Главная из них, пожалуй,— это доказательство того тезиса, что данное сознание возникает не просто в силу *сходства условий*, в которых живут и действуют многочисленные «массовые индивиды», не в силу одной лишь *одинаковости* их индивидуального опыта, но в силу того, что эти индивиды всегда тем или иным образом (непосредственно или опосредованно) *взаимодействуют* друг с другом в пространстве и времени, *совместно вырабатывая* общие представления, чувства, мнения, фантазии и т. д.

В этой связи, на мой взгляд, большой интерес представляют идеи Б. Ф. Поршнева, развивавшиеся им в книге «Социальная психология и история». «Мы перескочили бы не только психологический, но и социальный механизм,— писал он,— если бы безоговорочно приняли версию о появлении одинаковых социально-психических черт у серий людей из-за одинаковости причин вне всякого контакта... Почти всегда ряды одинаковых социально-психических явлений не представляют картины полной изолированности каждого из них. Но взаимодействие между ними сплошь и рядом носит характер не одновременный, а цепной, растянутый во времени»¹. И еще: «Справедливо, конечно, что одинаковое хозяйственное положение в конечном счете объясняет одинаковые тенденции формирования их (крестьян, фермеров.— Б. Г.) психологии и

¹ *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история, с. 129.

350

идеологии. Но реализуется эта закономерность все-таки не поодиночке у каждого из них. Даже птицы учатся летать друг у друга, а не достигают этого каждая на индивидуальном опыте! Возможность и необходимость определенного типа крестьянской психологии становится действительностью лишь благодаря их взаимным визитам, знакомствам, праздникам, обрядам, беседам... Поэтому-то социолог-статистик обычно не прав, когда думает, что речь идет о каких-то «одинаковых» психических явлениях. Он просто не видит, что многое распространяется и формируется путем соприкосновения, личных контактов в пределах лиц «одного круга» — принадлежащих, как правило, к одному классу, сословию, роду деятельности, к одному возрасту и полу, к одному вероисповеданию, к одному политическому течению, к одному народу» *К*

Впрочем, не меньший вклад в решение рассматриваемой проблемы — причем уже не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне — внесли и критикуемые Б. Ф. Поршневым социологи, во всяком случае те из них, кто занимается общественным мнением. Подобно американскому исследователю Э. Богардусу, они давно уже пришли к выводу, что «общественное мнение — это не простое собрание индивидуальных мнений, а продукт дискуссионного процесса»² или — в общей форме — что спонтанно возникающее массовое сознание представляет собой определенное «произведение» индивидуального, личного опыта множества индиви-

¹ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история, с. 131.

¹ Bogardus E. The Making of Public Opinion. N. Y., 1951, p. 5.

351

дов, с одной стороны, и результатов их общения, взаимодействия друг с другом — с другой.

Что касается институционализированных способов порождения общественного сознания, то в отличие от спонтанных они проанализированы к настоящему времени в целом с достаточной основательностью. Особенно по части выявления *исторической специфики* деятельности соответствующих учреждений и организаций, занятых производством общественного сознания в различных типах обществ. Литература по этому вопросу насчитывает без преувеличения сотни и сотни книг и статей, многие из которых специально посвящены проблемам воздействия социальных институтов на духовную жизнь масс.

И все же — несмотря на обилие полученных результатов — в данном пункте анализа остается еще немало теоретических проблем, ждущих своего решения. Большая часть их связана как раз с дальнейшей конкретизацией наших представлений о механизмах и качественных особенностях институционализированного продуцирования массового сознания.

Известно, во-первых, что основное внимание исследователей до сих пор уделялось лишь ограниченному кругу социальных институтов, осуществляющих такого рода деятельность, а именно — в подавляющем большинстве случаев — средства массовой информации и пропаганды, предприятиям и учреждениям массовой культуры. Между тем активнейшую роль в процессе играют и многие иные, находящиеся пока в тени социальные учреждения и организации, например, занятые воспитанием и образованием подрастающих поколений, производством и распространением (по своим собственным капа-

352

лам) научных, правовых, медицинских знаний, производством и предложением разного рода товаров, бытовых услуг, и т. п.

Во-вторых, когда речь заходит о производственной духовной деятельности тех или иных социальных институтов — будь то средства массовой коммуникации или учреждения науки, — эта деятельность рассматривается чаще всего «в целом», «вообще», без фиксирования внимания на процессах порождения собственно массового сознания. Между тем многие, если не все, институты, участвующие в формировании последнего, заняты одновременно продуцированием и иных типов общественного сознания — специализированного (группового), а также — иногда — общечеловеческого, в результате чего возникает необходимость в дифференцированной оценке как продуктов, так и «технологий» их деятельности в этих случаях.

Наконец, достаточно очевидно и то, что различные социальные институты, в принципе участвующие в рассматриваемом процессе, достигают стоящих перед ними целей явно не одинаковым образом, с помощью разных механизмов воздействия на сознание масс. Это, естественно, также предполагает выявление их специфики, отличий друг от друга — на сей раз уже в рамках самого рассматриваемого процесса. Надо сказать, что до сих пор последняя задача решалась исследователями преимущественно в плане анализа разного рода информационных (семиотических, технических и т. п.) особенностей текстов, создаваемых в том или ином случае¹. Однако у нее есть и более широкие гори-

¹ См., например: Массовая информация в советском промышленном городе, глава 2.

ЗГЗ

зонты, связанные, в частности, с различением прямых и косвенных способов продуцирования массового сознания, коль скоро оно возникает в обществе то как *непосредственное* следствие деятельности соответствующих социальных институтов (к

примеру, прессы, радио, телевидения или учреждений воспитания, образования), то как некоторый *побочный* продукт деятельности, вообще говоря, рассчитанной на решение иных социальных задач (к примеру, учреждений торговли, быта, досуга, отдыха) ¹.

Тем более много нерешенных проблем встает перед наукой в зоне анализа *совместного* действия спонтанных и институционализированных механизмов. Отказавшись от тех или иных крайностей в их оценке, современная общественная мысль надежно констатировала наличие *связи* между ними. Однако дело ведь не просто в такой констатации, а также не в приведении как можно большего числа подтверждающих ее иллюстраций. Дело в выявлении разнообразных *конкретных форм* этой связи, в определении ее устойчивых, наиболее распространенных в том или ином обществе *типов*, равно как в фиксировании соответствующих им характеристик различных массовых общностей. А это предполагает эмпирическое и теоретическое изучение

¹ См. в этой связи интересные суждения Э. Баталова по поводу *рынка* и *государства* как специфических механизмов регулирования социальных процессов в условиях капитализма, в результате действия которых возникают особые типы «рыночного» и «этактистского» массового сознания (см.: Баталов Э. Массовое политическое сознание современного американского общества: методология исследования.— Общественные науки, 1981, № 3, с. 113—117).

354

всего спектра наблюдаемых сочетаний спонтанных и институционализированных факторов в процессе производства и воспроизводства массового сознания — начиная со случаев их эластичного соответствия друг другу (приводящего к своеобразному «сложению», «умножению» однонаправленных сил), продолжая случаями, когда они характеризуются разнонаправленными, хотя и не противоположными векторами (в результате чего возникают эффекты более или менее широкого «пересечения», «смещения» рассматриваемых факторов), и, наконец, кончая случаями, когда оба фактора действуют в исключаяющих друг друга направлениях, взаимно ослабляя, «расшатывая» друг друга или вступая друг с другом в такую «борьбу», которая заканчивается более или менее полной победой одного из них.

При этом хотелось бы подчеркнуть, что в каждой из названных ситуаций речь идет не об одном, а именно о множестве различных случаев, каждый из которых должен фиксироваться в его особой определенности, включая учет разного рода объективных и субъективных свойств самих масс, участвующих в процессе духовного производства. Так, например, в рамках ситуации, отмеченной полной несовместимостью идущего на массу «извне» содержания с ее собственными, стихийно складывающимися представлениями о соответствующих «предметах» действительности, институционализированное воздействие может быть обречено на неудачу, если преднайдённое (на данный момент существующее) сознание массы отличается достаточно высоким уровнем развития, и, напротив, оно может одержать решительный верх над стихией,

355

если интеллектуальный, эмоциональный и т. п. потенциалы наличного массового сознания характеризуются достаточно низкими показателями. Оба эти случая, как известно, специально рассматривались В. И. Лениным и нашли отражение в его знаменитых формулах: «...никогда миллионы людей не будут слушать советов партий, если эти советы не совпадают с тем, чему их учит опыт собственной жизни» ¹; а также: «В каждом классе, даже в условиях наиболее просвещенной страны, даже в самом передовом и обстоятельствами момента поставленном в положение исключительно высокого подъема всех душевных сил, всегда есть — и, пока существуют классы, пока полностью не укрепилось, не упрочилось, не развилось на своей собственной основе бесклассовое общество, неизбежно *будут* — представители класса *не* мыслящие и мыслить не способные. Капитализм не был бы угнетающим массы капитализмом, если бы это не было так» ².

9.3. Вопросы, ждущие ответа (Вместо заключения)

Следуя по названному пути, можно было бы получить, по-видимому, и целый ряд серьезных, позитивных результатов, связанных с теорией обсуждаемого предмета, а также с практикой идеологического управления в рассматриваемой области.

Прежде всего, как кажется, могут обогатиться наши представления о самой *социальной*

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 32, с. 178.

² Там же, т. 41, с. 52—53.

356

природе массового сознания. Ведь если оно в самом деле продуцируется неизменно в виде результирующей двух тесно связанных, но в то же время не совпадающих друг с другом процессов — с одной стороны, непосредственной практической деятельности масс и, с другой стороны, воздействия на них многочисленных социальных институтов, другими словами, если оно в самом деле всегда являет собой сложное «произведение» спонтанно и институционализи-рованно возникающих образований, становится более понятным, каким образом в составе одной и той же массы — носителя данного сознания — оказываются «задействованными» люди различных социальных, этнических, возрастных и т. п. групп, обладающих несовпадающим, по выражению В. И. Ленина, «опытом собственной жизни». Или иначе — каким образом оказывается возможным, что данное сознание разделяется в том числе людьми, непосредственное, «ближайшее» бытие которых не только не отражается в этом сознании, но прямо противоречит его содержанию.

Исходя из названной посылки, представляется возможным произвести, далее, необходимые уточнения в ряде *формальных определений*, описывающих сам процесс образования массового сознания, фиксирующих состав последнего или подчеркивающих его отличие от таких «близких» к нему макроформ общественного сознания, как обыденное и специализированное, эмпирическое и теоретическое сознания и т. д.

В этом плане достаточно очевидно, во-первых, что процесс образования, возникновения массового сознания гораздо более адекватным образом описывается в терминах «порождение»,

357

«производство», «продуцирование», схватывающих обе выделенные стороны процесса, нежели с помощью термина «формирование», отражающего преимущественно момент «внешнего», «воспитательного» воздействия на уже существующее сознание и, следовательно, относящегося, скорее, лишь к некоторым частным случаям. А кроме того, при сопоставлении массового сознания с перечисленными выше «близкими» к нему формами мы конечно же никогда не должны упускать из виду сложной, синкретической, спонтанно-институционализированной природы нашего объекта, то есть сводить его (хотя бы по видимости, по «словам») лишь к той или иной одной форме общественного сознания — например, обыденному или эмпирическому сознанию.

Еще одно важное направление конкретизации наших представлений о массовом сознании, открывающееся в свете тезиса о многообразии форм его возникновения, детального рассмотрения сложных механизмов его производства и воспроизводства,— более глубокое проникновение в основания разнообразных *содержательных и структурных свойств* массового сознания, в частности раскрытие «тайны» таких его «неожиданных» качеств, как мозаичность, разорванность, противоречивость и т. п. Именно в этом направлении работает сегодня Г. Г. Дили-генский, и нельзя не признать убедительности полученных им результатов, особенно в объяснении феномена противоречивости массового сознания. «Собственные, эмпирически-чувственные знания масс,— пишет он,— с одной стороны, уже, ограниченнее по охвату отражаемых ими сфер действительности, чем знания специа-

358

лизированные, теоретические. С другой стороны, они гораздо более беспорядочны, противоречивы, как противоречив непосредственный опыт масс. Если любая научная или идеологическая концепция стремится дать систему определенных и логически связанных ответов на вопросы, относящиеся к ее сфере компетенции, то массовому сознанию гораздо труднее приобрести такую логичность и определенность. Ведь даже усвоенные им обобщенно-теоретические представления оно часто не может соотносить с не соответствующими им эмпирически-чувственными представлениями, ибо эти обобщения усвоены им в стереотипной форме, оно не в состоянии оперировать ими как своим собственным орудием». И еще: «...сам факт одновременного усвоения (массовым сознанием.— Б. Г.) противоположных идейных установок возможен лишь потому, что каждая из них соотносится с какой-то стороной реального опыта, с каким-то конкретным контекстом, в котором она представляется истинной»¹.

Наконец, исходя из характеристик процессов производства, формирования массового сознания, мы получаем возможность выйти на разнообразные особенности *функционирования и развития* интересующего нас объекта, поскольку многие из этих особенностей прямо связаны с механизмами его возникновения. К примеру, на основе многочисленных эмпирических данных социологи давно уже установили, что массовое сознание сплошь и рядом демонстрирует, с одной стороны, завидную устойчивость, ста-

¹ Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания.— Вопросы философии, 1983, № 11, с. 9, 10.

359

бильность, а с другой — крайнее непостоянство взглядов и предпочтений, или, с одной стороны, отчетливую консервативность, сопротивляемость новой информации, а с другой — поразительную восприимчивость к такой информации, легкую подверженность «дуновениям моды» и т. д. Очевидно, во всех таких случаях речь идет уже не просто о противоречиях в содержании массового сознания, а о противоречиях в его «поведении», в формах его выражения, в способах его реакций на действительность. И корни этих противоречий, помимо всего прочего, кроются именно в механизмах спонтанного и институционализованного порождения массового сознания, в выраженной несовместимости их многих характеристик.

Так, например, первый из этих механизмов, допуская определенную вариабельность отражения непосредственного бытия масс, придает в то же время весьма высокую прочность возникающим таким образом чувствам и представлениям¹, второй же, отличаясь в целом немалой внутренней (связанной с кругом отбираемых «предметов» действительности) и внешней (закрепляемой в соответствующем языке, в стандартных формулах и символах пропаганды) определенностью, цельностью, фокусируемостью, а также внушительной массивностью своего действия, оказывается в то же время далеко не свободным от некоторой «размытости» и даже откровенных противоречий, возникающих либо в результате несовпадения

¹ Имея в виду эту сторону дела, В. И. Ленин подчеркивал: «...стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости...» (*Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 34, с. 217).

360

самих установок в деятельности различных социальных институтов¹, либо в силу влияния на эту деятельность многочисленных «внешних», «случайных» — объективных и субъективных — факторов² и т. д.

Вместе с тем, вполне понятно, процессы функционирования и развития массового сознания — это и особое, самостоятельное, весьма обширное по своей проблематике поле теоретических и эмпирических исследований. Нельзя не признать, что оно также достаточно активно осваивается современной философией и социологией.

¹ Констатируя тот факт, что по вопросам международных отношений общественное мнение в США проявляет «значительно большие колебания, чем в других

сферах», авторы книги «Американское общественное мнение и политика» объясняют его прежде всего тем, что массовое сознание в данной сфере «находится под значительным влиянием официального правительственного курса, а также пропаганды средств массовых коммуникаций. Колебания общественного мнения отражают... постоянно происходящую в правящем классе США борьбу двух тенденций, воинственно-агрессивной и относительно более реалистической. Изменение в соотношении этих двух тенденций своеобразно преломляется в американском общественном мнении». Кроме того, справедливо подчеркивают они, «проблемы внешней политики находятся в стороне от непосредственного практического опыта многих рядовых американцев. Если повседневная жизнь и практика позволяет им в какой-то степени корректировать свое мнение и отношение к проблемам экономики и внутривнутриполитической жизни, то в отношении внешнеполитических проблем им это сделать значительно труднее. Здесь рядовому американцу сложнее на основе его практического опыта преодолеть влияние буржуазной пропаганды» (с. 246—247).

² Последнее обстоятельство было зафиксировано, в частности, в рамках неоднократно упоминавшегося таганрогского проекта при сравнительном анализе моделей действительности, распространяемых среди на-

361

Однако, как кажется, результаты здесь — особенно по части теории — значительно уступают тем, что получены в отношении иных сторон рассматриваемого феномена. Главная причина этого, на мой взгляд, заключается в том, что такого рода анализ чаще всего либо сводится к слишком абстрактным утверждениям, не выявляющим действительной специфики массового сознания в сравнении с иными типами общественного сознания, либо утопает в бесконечных частностях и деталях, оставляя без ответа основной вопрос: насколько те и другие из них присущи массовому сознанию как таковому. Отличается ли, вообще говоря, массовое сознание какими-либо специфическими особенностями функционирования в общей системе жизнедеятельности общества, в принципе не свойственными, скажем, групповому сознанию, или какими-либо характерными лишь для него закономерностями развития? С моей точки зрения, безусловно. В этом с достаточной силой убеждают многочисленные исследования общественного мнения, обнаруживающие, в частности, что массовое сознание регулирует не только «личное и общественное поведение людей» (конста-

селения различными средствами массовой информации и пропаганды. Значительные структурные и содержательные расхождения в этих моделях, отмечалось в исследовании, служат естественной базой «порождения так называемого плюралистического общественного мнения... или феномена «разрушенного» общественного мнения (когда читатели, сталкиваясь одновременно с несколькими взаимно исключаящими друг друга позициями официальных источников информации, лишены возможности построить свои суждения на основе информационных данных)» (Массовая информация в советском промышленном городе, с. 192).

362

тацией чего, как правило, ограничиваются многие авторы, толкующие о массовом сознании «вообще»), но и в не меньшей мере деятельность социальных институтов, учреждений и организаций, что оно обладает широким набором собственных средств и форм выражения и воздействия на различные типы социальных субъектов (в том числе на индивида — члена массы) и т. д. и т. п.

Однако в том-то и состоит главная трудность выявления обсуждаемой стороны предмета, что «ухватить» ее можно лишь тогда, когда массовое сознание анализируется не абстрактно, не «в общем и целом» и вместе с тем не в каких-то его предельно конкретных, «частичных», изолированно друг от друга рассматриваемых проявлениях, а на некотором «промежуточном» уровне — достаточно конкретном, чтобы избежать разного рода тривиальных, относящихся ко всему общественному сознанию определений, и в то же

время достаточно фундаментальном, чтобы выйти на действительно общие свойства массового сознания, действующего в том или ином обществе.

Есть основания думать, что решение этой последней задачи может быть достигнуто на базе анализа различных *макроформ*, в которых существует, функционирует и развивается массовое сознание — типа общественного мнения, общественного настроения и т. п., хотя в целом вопрос о характере и самом наборе этих макроформ остается в науке до сих пор открытым, в первую очередь из-за отсутствия четких оснований для их выделения.

На мой взгляд, дальнейшее продвижение в данной области следовало бы связывать прежде

363

всего с представлениями о *слоях* и *полях* массового сознания — понятиями, давно уже используемыми при описаниях последнего, однако нуждающимися в более строгом и всестороннем анализе под углом зрения обсуждаемой проблематики.

Так, к примеру, понятие слоя, учитывающее различные по глубине «пласты», «уровни» существования массового сознания, как правило, фигурирует в исследованиях лишь в плане фиксирования большей или меньшей стабильности, устойчивости и соответственно динамичности, подвижности тех или иных образований в составе массового сознания¹. Однако тут имеются и другие, не менее важные, аспекты анализа, например исходящие из наличия в этом сознании разного рода фундаментальных, латентных, скрытых от непосредственного восприятия (в том числе относящихся к разряду «массовой памяти»), и, напротив, поверхностных, явно выражаемых, максимально актуализированных форм² или описанных в свое время М. Лерне-ром в книге «Америка как цивилизация» так называемых «оперативного» (реально, на практике действующего) и «формального» (используемого лишь на словах) кодов³ и т. д.

В аналогичной детальной разработке нужда-

¹ Именно в этом смысле Б. Ф. Поршнев выделяет в составе социально-психических явлений такие две формы, как «психический склад» и «психический сдвиг» (см.: *Поршнев В. Ф. Социальная психология и история*, с. 90—94).

² См.: *Г р у шин Б. А. О двух подходах к изучению общественного мнения.*— Социологические исследования, 1982, № 4.

³ См.: *Замошкин Ю. А. Кризис буржуазного индивидуализма и личность*. М., 1966, с. 50 и далее.

364

ется также понятие поля массового сознания которое, по мой взгляд, следует относить к широким совокупностям разнообразных формальных составляющих последнего (образов, знаний, мнений, волевых импульсов, чувств, верований и т. п.), «завязывающихся» в некое единое, относительно самостоятельное целое на основе элементов какого-либо одного определенного типа — своеобразного «ядра» соответствующего поля. Именно в таком качестве мы можем интерпретировать и анализировать сегодня давно уже выделенные наукой образования, именуемые общественным мнением и общественным настроением. Однако кажется достаточно очевидным — принимая во внимание характеристики состава массового сознания,— что одними только этими полями его макросуществование конечно же не исчерпывается.

С другой стороны, обсуждаемая теперь проблема не сводится лишь к поиску, выделению и описанию каких-то *новых* макроформ, в которых реально функционирует и развивается массовое сознание. Не менее важным направлением остается также конкретизация наших представлений об *условиях, факторах и механизмах* осуществления этих процессов. Конечно, исследователям общественного мнения и общественного настроения удалось получить в данном отношении немало существенных результатов, однако целый ряд кардинальных вопросов, касающихся места и роли массового сознания в жизни общества, характера и способов его взаимодействия с различными подсистемами

социума, наконец, самой исторической судьбы, ближайшего и удаленного будущего массового сознания по-прежнему представляет собой

365

настоящую terra incognita, только ждущую еще своих первооткрывателей¹.

Впрочем, как это можно было видеть из всего состоявшегося у нас разговора, подобное утверждение с полным основанием должно быть отнесено едва ли не ко всем остальным аспектам рассмотренного предмета: «загадок» в нем повсюду значительно больше, чем безусловно «ясных мест». Что делать! Может быть, кого-нибудь из читателей или исследователей такого рода ситуация способна повергнуть в уныние. Я же лично, как и двадцать лет назад, уверен, что главное — это продолжать работать и работать, памятуя об обнадеживающем совете Жака Пре-вера:

Не падайте духом,
ждите,
ждите, если надо, годы,
потому что срок ожидания,
короткий он или длинный,
не имеет никакого значения
для успеха вашей картины...

¹ В связи с оценкой исторических перспектив развития массового сознания немалый интерес представляет одна из последних книг американского футуролога О. Тоффлера «Третья волна» (1980), где развивается тезис о неизбежности демассовизации нынешних форм социальной жизни и, стало быть, высвобождения из «массовых пут» человеческой личности, индивидуальности, грядущих по мере развертывания новейшей научно-технической революции (см.: *Тоффлер О. Третья волна* (реферативное изложение).—США: экономика, политика, идеология, 1982, № 7).

Оглавление

<i>Предисловие</i>	4
<i>Раздел I</i>	
УНИВЕРСУМ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ	24
<i>Глава 1.</i>	
<i>Исходные принципы теоретического рассмотрения общественного сознания</i>	28
<i>Глава 2.</i>	
<i>Состав и структура общественного сознания</i>	82
<i>Глава 3.</i>	
<i>«Классические» типы субъектов общественного сознания</i>	115
<i>Раздел II</i>	
ФЕНОМЕН И СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ	146
<i>Глава 4.</i>	
<i>Групповое сознание и сознание групп.</i>	
<i>Обнаружение «неклассических» ситуаций</i>	148
<i>Глава 5.</i>	
<i>Процессы массовизации в современных обществах</i>	171
367	
<i>Глава 6.</i>	
<i>Общее определение, виды и разновидности масс — носителей массового сознания</i>	205

Раздел III

*СПЕЦИФИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ТИПАМИ
ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ* 245

Глава 7. Проблема границ массового сознания 251

Глава 8.

*Проблемы состава и содержания
массового сознания* 283

Глава 9.

Проблемы продуцирования (формирования) и функционирования массового сознания
334

Борис Андреевич Грушин

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Опыт определения и проблемы исследования

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*

Редактор *М. М. Беляев*

Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *В. П. Крылова*

КБ № 2843

Сдано в набор 12.06.87. Подписано в печать 15.10.87. Формат 70х90'/». Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,46. Усл. кр.-отт. 27,07. Уч.-изд. л. 14.24. Тираж 80 000 экз. Заказ Мт 5409. Цена 70 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени типография изд-ва «Звезда». 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.